

ЧЕТВЁРТАЯ БЕЗДНА

Дмитрий Сыроватский
Четвертая бездна.

«Автор»

2026

Сыроватский Д. С.

Четвертая бездна. / Д. С. Сыроватский — «Автор», 2026

Эонира живёт под светом двух лун и далёкого золотого Аурана. Сорок лет назад в угольной шахте была открыта мутно-золотистая руда — эонит. Она дала людям машины, дирижабли, новое оружие, лекарства и невиданный прежде промышленный подъём. Но вместе с прогрессом пришли страх, алчность и войны за главный источник силы нового века. Журналист Лукан Тарв и его молодой помощник Ардей Фенн отправляются к руинам деревни Вирн, сгоревшей сто лет назад вместе с их коллегой-корреспондентом. Там, среди пепла и осеннего дождя, они находят то, что не должно было пережить пожар: тела погибших, металлический чемодан с пророческим интервью и странный сломанный маячок, бесконечно повторяющий один вопрос: «Где Четвёртая бездна?» Старый провидец предсказал открытие эонита, грядущую войну 2000 года и силу, которая обрушится с небес, когда люди окажутся на пороге самоистребления. Но самое страшное в его словах не пророчество, а намёк: Эонира может быть не просто планетой.

© Сыроватский Д. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пепел старого пророчества	5
Глава 2. Последняя беседа	9
Глава 3. Аурелия	17
Глава 4. Клиновой лист	23
Глава 5. Люди Чёрного Венца	30
Глава 6. Фальшивая «Аурелия»	39
Глава 7. Первая проба.	44
Глава 8. Газета становится барабаном.	50
Глава 9. Сто кругов до войны.	58
Глава 10. Жёлтое платье.	64
Глава 11. Урок мироустройства	69
Глава 12. Первый круг	77
Глава 13. Дом Аделии	84
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Дмитрий Сыроватский

Четвертая бездна.

Глава 1. Пепел старого пророчества

74-й день Времени Багряных Ветров, 1999 год Седьмой эпохи.

«Был он весел и рад находке; но, узнав правду, стал угрюм и печален...»

Из дневника Ардея Фенна

— Где Четвёртая бездна?..

Голос прозвучал за спиной Лукана Тарва — низкий, хриплый, будто сорванный многолетним молчанием, и до того чужой, что Лукан не сразу понял, произнесены ли эти слова человеком или родились в шуме дождя.

Он замедлил шаг.

Дождь шёл уже несколько часов. Не тот редкий дорожный дождь, который только темнит плащ и прибивает пыль, а настоящий осенний ливень: долгий, холодный, неумолимый. Небо, затянутое тяжёлыми тучами, словно утратило меру и изливало на землю всё, что копилось в нём с первых дней Багряных Ветров. Капли били по рыжей, истончённой листве, срывали её с ветвей и гнали по дороге; пожухлая трава, прибитая водой, шуршала глухо, будто под ногами шевелился не лесной покров, а старые, давно забытые письма.

Лукан прислушался.

Позади, кроме Ардея Фенна, не должно было быть никого. Они полдня шли по старой лесной дороге, почти исчезнувшей под корнями, мхом и бурой водой. Возчик отказался ехать дальше ещё у последнего хутора, сделал знак Трёх Сводов — коснулся лба, груди и опустил ладонь к земле, — сослался на больную лошадь и, не дожидаясь спора, повернул обратно. С тех пор вокруг были только лес, дождь и та глухая пустота, какую оставляют после себя давно покинутые места.

— Какая бездна? — спросил Лукан, обернувшись.

Он слегка прищурился от брызг и, по привычке человека, не желающего выказывать тревогу прежде фактов, попытался улыбнуться.

Ардей стоял в нескольких шагах позади. Высокий, светловолосый, с добрым и теперь крайне несчастным лицом, он держал одной рукой чемодан с документами, другой придерживал ремень фотокамеры. Плащ его потемнел от воды, волосы прилипли ко лбу, а левый ботинок почти по щиколотку ушёл в размокшую землю.

— Что? — отозвался он, с недоумением глядя на Лукана.

— Ты спросил: «Где Четвёртая бездна?»

— Я молчал, сэр. И, признаться, не знаю, как насчёт какой-то бездны, но это место и без неё достаточно скверное. Мы уже полдня бредём к вашей будто бы деревне, а я, кроме поганок, двух подозрительных зверюшек на деревьях и собственного мучения, ничего не видел. Ах да, теперь ещё и застрял.

Он попытался выдернуть ногу. Земля чавкнула, но ботинок не отпустила.

— Прошу заметить, — продолжал Ардей с обидчивой серьёзностью, — если это и есть журналистская практика, то университеты должны предупреждать о ней письменно.

Лукан усмехнулся и пошёл к нему. По кожаной дорожной фуражке с небольшим козырьком барабанили тяжёлые серые капли; ударяясь о жёсткую поверхность, они дробились и скапывались вниз мелкими холодными брызгами. Перчатки его давно промокли, но он всё же протянул Ардею руку.

— Давай вытащу тебя, бедняга. Только постарайся не оставить тут сапог: археологам будущего будет трудно объяснить, почему первый след нашей экспедиции — одинокая обувь молодого корреспондента.

Ардей схватился за его руку сразу обеими руками.

Первая попытка не удалась. Вторая — тоже. Более того, Лукан почувствовал, как мягкая земля, напитанная дождём, начала предательски уступать и под ним самим. Он упёрся каблучком в корень, потянул сильнее, но корень оказался скользким, и оба едва не рухнули вперёд.

— Не дёргайтесь так, — сказал Лукан.

— Я не дёргаюсь, сэр. Это почва имеет против меня личные счёты.

В ту же минуту небо над ними расколосось.

Белая вспышка на мгновение выхватила из сумерек каждую ветвь, каждую травинку, мокрое лицо Ардея и тёмные глаза Лукана. Гром не последовал за молнией — он пришёл вместе с нею, тяжёлый и слепящий, будто сама земля получила удар. Молния врезалась в старый дуб в нескольких саженях от них.

Ствол треснул с таким звуком, словно разорвалась артиллерийская граната. Из раны дерева вырвался рыжий цветок огня, тут же подавленный дождём; в стороны полетели обугленные щепки. Одна просвистела у самого уха Лукана. Другая ударила в чемодан Ардея и оставила на коже чёрную рваную борозду.

Дуб застонал.

Это было странное, почти живое стенание: низкое, протяжное, обиженное. Огромный ствол, рассечённый молнией, медленно накренился. Между ним и землёй стоял Ардей Фенн.

Несколько мгновений он смотрел на падающее дерево с изумительным спокойствием. Позднее, когда Лукан спросил, что он чувствовал в ту секунду, Ардей ответит, что никакая жизнь перед глазами у него не пронеслась; явилась только одна мысль, сухая и почти обидная: «Неужели так? Быть придавленным дубом, даже не добравшись до деревни?»

— Тяни за руку, идиот! — крикнул Лукан. — Ты мне ещё нужен!

Эти слова вывели Ардея из оцепенения. Он рванулся всем телом. Лукан, собрав остаток сил после долгой дороги, потянул его на себя. Земля захлюпала, ботинок наконец освободился, и оба, закричав почти одновременно, повалились назад.

Дуб рухнул там, где за миг до того стоял Ардей.

Удар был глухой, тяжёлый. Брызги грязи и воды поднялись вокруг, как от падения каменной стены. Лукан упал на спину в мокрую траву, а Ардей, потеряв равновесие, свалился сверху со всем своим чемоданом, камерой и штативом. Несколько секунд они лежали неподвижно, тяжело дыша, слушая, как дождь безучастно продолжает свою работу.

Первым пошевелился Ардей. Он перекатился в сторону, сел, потом приподнялся на локтях и посмотрел на место, где только что стоял. От расколотого дуба поднимался слабый дым; огонь уже исчез, оставив лишь чёрную рану на светлой древесине.

Ардей молча коснулся двумя пальцами лба, затем сердца, затем мокрой земли у колена. Знак Трёх Сводов вышел у него неловким и поспешным, но в эту минуту Лукан не стал бы над ним шутить.

— Сэр, — сказал Ардей тихо, — я полагаю, теперь имею право ненавидеть деревья.

Лукан сел и стряхнул грязь с рукава. Лицо его оставалось спокойным, но в каре-зелёных глазах мелькнуло то напряжённое внимание, которое Ардей уже научился узнавать: так Лукан смотрел не на опасность, а на знак.

— Ты ничего не говорил? — спросил он.

— Когда именно? До того, как меня едва не похоронила местная растительность, или после?

— Перед этим. О Четвёртой бездне.

Ардей нахмурился.

— Нет. Клянусь чем угодно, я молчал. Я думал о сухих носках, о горячем супе и о том, почему люди, называющие себя здравомыслящими, идут искать сгоревшую деревню в такую погоду.

Лукан поднялся. На мгновение он хотел сказать, что, должно быть, ослышался: дождь, усталость, лес, старая история Вирна — всё это могло обмануть слух. Но такие слова были бы удобны, а Лукан не доверял удобным объяснениям.

— Оборудование цело? — спросил он.

Ардей поспешно осмотрел фотокамеру, раскрыл чемодан, проверил папки, запасные пластины и завернутый в сукно магниевого порошка для вспышки.

— Если не считать того, что весь наш архив пахнет болотом, — цело. Чемодан пострадал больше моей репутации, но меньше моего достоинства.

— Тогда идём дальше. До Вирна осталось не больше тысячи шагов.

— Вы говорите это так, будто тысяча шагов по грязи — суцкая любезность со стороны судьбы.

— Судьба редко бывает любезна. Зато иногда бывает точна.

Они двинулись дальше.

Лес постепенно редел. Дорога, прежде едва различимая, стала подниматься к невысокому холму. По обе стороны от неё попадались старые камни, слишком ровные для природных валунов. Один был наполовину скрыт бурой травой; другой лежал поперёк канавы, и на его мокрой поверхности Лукан заметил неглубокие борозды, похожие на следы давней резьбы.

Дождь начал слабеть. Тучи расходились неровными тяжёлыми пластами, и в одном из разрывов показалась большая луна Морн. Её тёмное пятно смотрело вниз, как неподвижный зрачок. Чуть ниже, ещё бледная в сыром вечернем воздухе, поднималась малая голубая Лиара.

Ардей шёл молча. Только изредка он поправлял ремень камеры и недовольно шмыгал носом. Лукан же всё чаще останавливался, всматривался в землю, в обломки камней, в просвет между деревьями.

Наконец они вышли на вершину холма.

Внизу лежал Вирн.

Вернее, то, что от него осталось.

Сначала Ардей увидел не дома, потому что домов давно не было, а правильные тёмные пятна среди пожухлой травы. Потом различил остатки печей, провалы погребов, обрушенный круг колодца и узкую линию бывшей улицы, уходившую к северной окраине. Место казалось не разрушенным, а остановленным: будто сто лет назад здесь оборвалось движение, и с тех пор ни человек, ни зверь не решались вполне войти в эту тишину.

— Значит, она всё-таки существовала, — произнёс Ардей.

— Существовала, — сказал Лукан. — И сгорела в одну ночь.

Он достал из внутреннего кармана сложенный лист — копию старого плана, снятого землемером за три года до пожара. Бумага отсырела, но линии ещё можно было разобрать.

— Дом старика должен быть там, — Лукан указал вниз, к северному краю деревни, где над травой поднимались несколько чёрных камней. — Если архив не лжёт.

— А если лжёт?

— Тогда мы напишем статью о вреде архивов.

Они спустились в деревню уже без прежней поспешности. Каждый шаг здесь почему-то требовал осторожности. Ардей сделал несколько снимков: общий вид, колодец, линия бывшей улицы, печи. Вспышки магния резали сырой воздух резким белым светом, и после каждой такой вспышки руины казались ещё темнее.

У северной окраины Лукан остановился.

Фундамент дома провидца отличался от прочих. Камни лежали ровнее, плотнее; между ними виднелась странная тёмная прослойка. Лукан опустился на одно колено и расчистил мох. Под пальцами обнаружилась узкая металлическая пластина мутно-золотистого цвета.

— Эонит? — спросил Ардей, приблизившись.

— Нет, — ответил Лукан после короткой паузы. — Или не совсем.

На пластине проступали тонкие знаки. Они не походили ни на человеческое письмо, ни на плавные лунные письмена Аэларов. В середине строки повторялся один символ: круг, от которого расходились четыре изогнутые линии.

Лукан застыл.

Он уже видел этот знак — на полях дневника старого редактора, рядом с фразой, из-за которой они и пришли сюда.

Четвёртая бездна откроется не под землёю, не в море и не в небе.

Ардей, не отрывая взгляда от пластины, снова сделал знак Трёх Сводов. Теперь медленнее: лоб, сердце, земля. В этом движении уже не было простой испуганной привычки; оно походило на просьбу, обращённую к самому порядку мира.

И тогда, будто отвечая его жесту, из-под фундамента донёсся тот же хриплый голос:

— Где Четвёртая бездна?..

Ардей побледнел.

— Теперь, сэр, — сказал он едва слышно, — это точно был не я.

Лукан не ответил. Он смотрел на мутно-золотистую пластину, которая в свете Лиары начала медленно и ровно светиться изнутри.

Так они нашли Вирн.

И Вирн, как оказалось, всё это время ждал их.

Глава 2. Последняя беседа

Дождь почти перестал, но лес ещё долго говорил после него.

С мокрых ветвей срывались тяжёлые капли; где-то внизу, под корнями, бежала невидимая вода; ветер, потеряв прежнюю ярость, всё ещё шевелил рыжую листву и гнал по земле клочья тумана. Над Вирном поднялись обе луны. Морн висел высоко, мрачный, с чёрным своим пятном, похожим на глаз, лишённый века. Лиара, меньшая и голубая, стояла ниже, над северной кромкой леса, и её свет ложился на развалины дома провидца так холодно и ясно, будто она не освещала камни, а вызывала их из забвения.

Лукан Тарв всё ещё стоял перед мутно-золотистой пластиной.

Она светилась неровно, словно внутри неё билось слабое, утомлённое сердце. Знаки на её поверхности то проступали отчётливее, то снова уходили в тусклую глубину металла. Голос, прозвучавший из-под фундамента, стих, но тишина после него не стала прежней. Она сделалась настороженной.

Ардей Фенн, бледный и перепачканный грязью, держал в руках фотокамеру и, казалось, сам не знал, что с нею делать. Он уже дважды наводил объектив на пластину и дважды опускал его, как человек, которому вдруг стало совестно запечатлеть чужое несчастье.

— Мы должны уйти отсюда, — сказал он наконец.

Голос его был тих, но в нём звучала не трусость, а разумная, почти почтенная просьба.

— Должны, — согласился Лукан.

Ардей поднял на него глаза.

— Правда?

— Да. Но не сейчас.

Ардей вздохнул с таким видом, будто именно этого и ожидал.

— Сэр, я начинаю подозревать, что слово «должны» у вас означает не то же самое, что у остальных людей.

Лукан не ответил. Он опустился на колено, ещё раз осмотрел край пластины и понял, что та была не самостоятельной вещью, а лишь частью чего-то большего. Металл уходил под камень, исчезал в тёмной щели между плитами, будто вся руина держала его в себе, как тело держит обломок клинка.

— Она не лежит здесь, — произнёс Лукан. — Она встроена.

— Во что?

— Вот это и следует узнать.

Он поднялся и обошёл фундамент. Дом Орена Маара, если верить плану землемера, был невелик: две комнаты, сени, кладовая и погреб. Но северная стена, от которой почти ничего не осталось, имела странную толщину. Камни там были сложены не по-деревенски. Их не просто клали друг на друга; их подгоняли, будто знали, что дом должен выдержать не ветер и дождь, а нечто куда более тяжёлое.

Ардея это обстоятельство не обрадовало.

— Если провидец строил себе крепость, — сказал он, — значит, он чего-то боялся. А если он чего-то боялся, нам следовало бы проявить уважение к его опыту.

— Провидцы часто боятся того, чего остальные ещё не видят.

— И часто оказываются правы?

— Достаточно часто, чтобы мы теперь стояли здесь.

Они нашли вход не сразу. Пол уцелел лишь местами: в одной стороне лежали обугленные доски, давно превратившиеся в чёрную, ломкую кору; в другой земля провалилась, образовав

яму, полную сырой листвы. Лукан расчистил её ножом и рукою, потом откинул несколько камней. Под ними обнаружился край железной скобы.

— Крышка погреба, — сказал он.

— Или могила, — мрачно заметил Ардей.

Лукан посмотрел на него.

— У вас сегодня выдающийся талант к полезным предположениям.

Они вдвоём ухватились за скобу. Дерево под железом давно истлело, но сама крышка, укреплённая полосами металла, ещё держалась. Она подалась не сразу. Когда же наконец поднялась, из чёрного отверстия ударил такой запах, что Ардей резко отступил и зажал рот рукой.

Это был не простой запах сырости. В нём была плесень, гниль, старый дым, холодный камень и ещё нечто сладковато-тяжёлое, человеческое, пережившее само тело и потому особенно страшное.

Лукан побледнел, но не отступил.

— Фонарь, — сказал он.

Ардей, всё ещё морщась, достал из сумки складной эонитовый фонарь. Такие фонари были дороги и ненадёжны в дождь, но в редакции их считали признаком современности. Внутри стеклянной колбы лежала крошечная крупица очищенного эонита; при повороте винта она начинала испускать ровное мутно-золотистое сияние. Ардей зажжёт фонарь не с первой попытки. Рука его дрожала.

— Дайте мне, — сказал Лукан.

— Нет, сэр. Я справлюсь.

Он сказал это упрямо, почти обиженно, и Лукан не стал спорить.

В погреб вели узкие каменные ступени. Вода стекала по ним тонкими блестящими нитями. Лукан спустился первым. Ардей — следом, держа фонарь высоко над плечом. Стены были влажные, неровные, местами закопчённые. На третьей ступени Лукан заметил следы давнего обвала: камни, пепел, обугленные балки. Но этот обвал не был случайным. Слишком плотно лежали камни у входа, слишком ровно они перекрывали проход.

— Их заперли, — сказал Лукан.

— Кого?

Лукан ничего не ответил.

Внизу оказалось тесное помещение. Возможно, когда-то здесь хранили овощи, свечи, сушёные травы, бутылки с настойками. Теперь всё это стало безмянным мусором. На полках чернели остатки посуды. На полу лежали разбитые банки, ржавые инструменты, серый пепел и кости мелких животных.

А потом свет фонаря упал на стену.

У стены сидел человек.

Вернее, то, что осталось от человека.

Кости его были почти целы, но одежда истлела, превратилась в тёмные лохмотья. Череп склонился набок, как у задремавшего старика. Одна рука лежала на груди; пальцы, тонкие, высохшие, всё ещё сжимали какой-то шнурок или ремешок. Рядом, на полу, виднелась опрокинутая кружка.

Ардея передёрнуло.

— Орен Маар? — прошептал он.

— Вероятно.

Лукан сделал шаг в сторону.

Второе тело лежало ближе к противоположной стене, у низкого стола. Оно сохранилось хуже. Человек, должно быть, пытался подняться или добраться до двери, но не смог. Около

него стоял металлический чемодан — потемневший, покрытый копотью, но целый. На его крышке ещё можно было различить выгравированные буквы:

Э. Р.

А ниже, почти стёртое временем:

«Марцеллийский вестник»

Ардей долго смотрел на эти буквы.

— Эмиль Роуд, — сказал он.

В его голосе исчезла обычная насмешливость. Перед ними лежал не герой старой редакционной байки, не имя из подшивки и не повод для статьи. Перед ними лежал человек, который сто лет назад пришёл сюда с тем же ремеслом, с той же верой в бумагу, слово и свидетельство, — и уже не вышел.

Ардей медленно коснулся лба, сердца и земли. Знак Трёх Сводов в тесном погребке вышел особенно строгим.

Лукан снял фуражку.

Некоторое время они молчали.

Тишина была тяжела, но необходима. Лукан всегда считал, что мёртвым не нужны слова живых; но живым, если они не хотят совсем огрубеть, иногда нужно постоять перед мёртвыми без суеты и пользы.

— Они задохнулись, — сказал он наконец.

— Вы уверены?

— Смотри. Вход завален снаружи. Следов борьбы здесь нет. Пожар наверху съел воздух, дым пошёл вниз. Они могли прожить несколько часов. Может быть, дольше.

Ардей посмотрел на металлический чемодан.

— Он пытался спасти бумаги.

— Или спрятать их.

Чемодан был заперт, но замок проржавел. Лукан поддел его ножом; металл хрустнул и раскрылся с сухим, почти оскорбительным звуком. Внутри лежали пакеты бумаг, завернутые в промасленную ткань. Часть листов почернела по краям, некоторые покрылись пятнами сырости, но большая часть сохранилась.

На верхнем листе аккуратным, немного наклонным почерком было выведено:

Последняя беседа с Ореном Мааром, старым провидцем Вирна.

Ниже:

Записал Эмиль Роуд, корреспондент «Марцеллийского вестника».

Ардей поднял фонарь ближе.

— Читайте, сэр.

Лукан медлил.

Он не был суеверен. По крайней мере, охотно говорил так о себе. Но теперь, в погребке с двумя мертвецами, среди старого дыма и воды, с найденной над ними мутно-золотистой пластиной, ему вдруг показалось, что листы эти не просто пережили пожар. Они ждали.

Наконец он взял первую страницу из металлического чемодана Эмиля Роуда.

Последняя беседа с Ореном Мааром, старым провидцем Вирна.

Записано корреспондентом Эмилем Роудом за день до пожара.

Я прибыл в деревню Вирн вечером, когда Аурон уже клонился к лесу, а над восточными холмами поднимался Морн. Дорога была дурна, жители неприветливы, и сам воздух этого места казался мне пропитанным тем особенным недоверием, какое маленькие селения питают ко всякому приезжему человеку, особенно если при нём записная книжка и удостоверение газеты.

Об Орене Мааре в уезде говорили различно. Одни называли его пустым стариком, потерявшим рассудок после смерти жены. Другие утверждали, что он видит сны о грядущем и что некоторые из этих снов уже исполнились. Третьи, особенно лица духовные, советовали мне вовсе не посещать его дома, ибо, по их выражению, «там человек заглядывает не в Небесный свод, а под нижний».

Дом Маара стоял на северной окраине, отдельно от прочих изб. Он был сложен крепче, чем требовалось бедному деревенскому жилью. Старик встретил меня у порога. Он был высок, сух, почти неподвижен. Лицо его казалось высеченным из жёлтого воска, глаза — светлыми и мутными; но в этих мутных глазах было не бессилие старости, а странное напряжение, будто он смотрел не на меня, а сквозь меня, сквозь стены, леса и годы.

Я начал с обычных вопросов: о его жизни, о слухах, о тех предсказаниях, которые молва приписывала ему. Он слушал терпеливо. Потом спросил, зачем я пришёл на самом деле.

Я ответил, что редакция желает узнать, что означает выражение, недавно услышанное от нескольких жителей Вирна: **Четвёртая бездна**.

При этих словах старик изменился. Он долго молчал, потом сделал знак Трёх Сводов — медленно, с таким достоинством, будто совершал его перед лицом смерти: коснулся лба, сердца и опустил руку к земле.

— Люди верят в три свода, — сказал он. — Небесный, где горят Аурон и звёзды. Земной, где мы строим дома, города и могилы. Нижний, куда уходит память тел. Но есть и то, чему не дано имени в молитвах. Не свод. Не пропасть. Не море и не небо. Потому я называю это Четвёртой бездной.

Я заметил, что говорю не с богословом, а с провидцем, и попросил его быть яснее.

Маар усмехнулся.

— Ясность, господин Роуд, есть утешение людей, которым ещё не открывали правды. Но пишите. Вы ведь пришли писать.

Далее он говорил о недрах Эониры.

По словам Маара, в глубине нашего мира покоится не простое пламя и не мёртвый камень, но некое сердце столь древнее, что перед ним все царства, веры и народы — лишь краткая рябь на воде. Он не назвал это сердце богом. Напротив, старик произнёс, что оно старше наших богов и безразличнее их, ибо не требует ни храмов, ни жертв, ни песнопений.

— Оно спит, — сказал Маар. — И во сне своём кормит мир.

Я спросил, откуда ему известно это.

Он указал на стену, где висела странная пластина мутно-золотистого цвета. Я сперва принял её за украшение, потом за кусок необычной руды. Старик запретил мне прикасаться к ней.

— Это не принадлежит людям, — сказал он. — И не мне. Это зов тех, кто потерял сердце мира и ищет его во тьме между звёздами.

После этих слов я, признаюсь, решил, что беседа моя будет представлять интерес скорее для врачей, нежели для читателей. Но дальнейшее заставило меня переменить мнение.

Маар предрёк открытие руды мутно-золотого цвета, которой ещё нет ни в одном промышленном каталоге, ни в одном отчёте горных управлений. Он сказал, что её найдут не в благородной жиле и не в храмовой пещере, а в чёрной угольной шахте, среди копоти, пота и грубой человеческой нетерпеливости.

— Люди принесут к ней огонь, — сказал он, — потому что человек всякую тайну сперва пробует жечь, колоть или продавать. Они нагреют её, не понимая, что будят не камень. Будет взрыв. Первые погибнут сразу. Вторые придут с приборами. Третьи — с деньгами. Четвёртые — с войсками.

Я спросил, когда это случится.

— Через несколько десятков лет, — ответил Маар. — Ты не увидишь этого старым, господин Роуд. Но твоя газета увидит. Твои города увидят. Весь мир увидит.

Он назвал эту руду **золотым соблазном**.

Позднейшие поколения, по словам Маара, дадут ей другое имя. На ней поднимется новый век. Она осветит города ровным мутным светом; двинет машины без лошадей; поднимет тяжёлые дирижабли в дальнее небо; заставит заводы работать днём и ночью; войдёт в больницы, где врачи станут готовить из неё лекарства, способные отнимать у смерти некоторые её прежние права.

— Люди решат, что обрели благословение, — сказал старик. — И в первый миг они будут почти правы.

Он говорил о дорогах, по которым пойдут автомобили; о снимках, удерживающих лица умерших на стекле и плёнке; о фабриках, где один человек станет делать работу двадцати; о кораблях, которые не будут ждать милости ветра. Он говорил так подробно, что мне становилось не по себе. Безумец не бывает столь последователен в мелочах; шарлатан не бывает столь равнодушен к впечатлению, какое производит.

Но когда я спросил, станет ли этот век счастливее прежних, Маар ответил:

— Всякий новый свет отбрасывает новую тень.

После этого началась самая страшная часть его рассказа.

Он сказал, что государства Эониры будут бороться за золотую руду ожесточённое, чем прежде боролись за порты, реки, колонии и короны. Старые обиды получают новую пищу. Малые страны испугаются больших; большие пожелают владеть шахтами малых; соседи богатых земель назовут свою зависть справедливостью, а свою жадность — безопасностью.

— Самая большая страна, — сказал Маар, — та, что будет богата золотым соблазном, не первая поднимет меч. Но к её границам потянутся руки. Её станут обвинять в одном уже потому, что под её землёю больше света, чем под чужою.

Я спросил, о какой стране он говорит. Старик не ответил.

— Названия переменятся, — произнёс он. — Алчность останется.

Затем он описал войны грядущего.

— Люди спрячутся в металлических черепахах, — сказал Маар, — и эти черепахи поползут по полям, давя землю железными брюхами. Внутри будут сидеть люди, не видящие травы, лиц и крови. Они станут стрелять из огненных пастей и думать, что так легче убивать.

Я прервал его и спросил, не говорит ли он о броневых повозках, о которых ныне рассуждают некоторые инженеры. Он посмотрел на меня с жалостью.

— Ваши инженеры ещё дети, господин Роуд. Но дети быстро учатся, когда им дают золото и страх.

Далее он говорил о металлических рыбах.

— Они уйдут под воду, — сказал Маар. — Не корабли и не живые существа, но трубы с сердцами из огня. Они будут ждать в глубине, где не видно ни солнца, ни луны, и губить суда снизу, как болезнь губит тело изнутри.

Потом — о небе.

— Люди научатся летать не затем, чтобы смотреть на красоту мира, — сказал он. — Они поднимутся над городами и поймут, что сверху легче убивать тех, кто не видит лица убийцы. Они понесут смерть с воздуха. Сначала — на войска. Потом — на дома.

Здесь старик надолго замолчал. Я видел, что он устал, и предложил прекратить беседу. Но он вдруг схватил меня за рукав с такой силой, какой я не ожидал от его высохших рук.

— Записывайте, — сказал он. — Вы ведь за этим пришли. Записывайте, пока дом ещё стоит.

Я продолжил.

Он говорил о ядах, которые поползут над полями и окопами, убивая без выстрела; об огне, который будет липнуть к человеческому телу и не отпускать его; о гранатах, разрывающих людей; о пушках такой силы, что старые крепости сделаются смешны, как детские игрушки.

— Они назовут всё это необходимостью, — сказал Маар. — Потом назовут обороной. Потом назовут честью. Но в сердце своём будут знать: всё это ради золотого соблазна.

Я спросил, возможно ли избежать предсказанного.

Старик впервые посмотрел прямо на меня.

— Возможно, — сказал он. — Но люди редко избегают того, что обещает им могущество.

Последнее пророчество его относилось к **2000 году Седьмой эпохи**.

Маар утверждал, что к этому времени Эонира подойдёт к краю всеобщей войны. Державы будут вооружены сильнее, чем когда-либо; учёные станут служить штабам; фабрики — армии; газеты — страху. Человек, научившись извлекать силу из недр мира, решит, что стал хозяином своего века.

— И тогда, — сказал Маар, — когда они достигнут апогея, когда будут стоять на пороге самоистребления, с небес обрушится сила более чудовищная, чем всё, что они успеют создать.

Я спросил, что это будет: камень с неба, болезнь, кара богов или нашествие иного народа.

Маар покачал головой.

— Не кара. Не случайность. Не болезнь. Те, кто придут, не будут знать наших молитв. Они не сделают знака Трёх Сводов. Они не поклонятся Лиаре. Они не станут спрашивать, кому принадлежит поле, город или трон. Они будут искать то, что потеряли прежде рождения наших народов.

— Что же они потеряли? — спросил я.

Старик положил ладонь на мутно-золотистую пластину.

— Сердце.

После этого в комнате сделалось холоднее. Я не берусь утверждать, что перемена была действительной; возможно, виноваты поздний час и моё собственное воображение. Но мне показалось, что пластина ответила стариковской руке слабым светом.

— Они услышат зов, — сказал Маар. — Но придут не как спасители. Они придут как наследники, нашедшие украденное. А люди Эониры к тому времени будут слишком заняты друг другом, чтобы поднять глаза к небу.

Я спросил его, что означает сама фраза, повторяемая им и некоторыми жителями: «Где Четвёртая бездна?»

Маар долго не отвечал. Потом сказал:

— Это вопрос не мой. Это вопрос тех, кто ищет. Вопрос сломанного голоса, заблудившегося во тьме. Он спрашивает не у людей, но люди услышат его первыми. И вся беда в том, что ответ находится у них под ногами.

После этого старик несколько раз повторил:

— Где Четвёртая бездна? Где Четвёртая бездна? Где Четвёртая бездна?..

Он произносил эти слова всё тише, пока они не стали похожи на дыхание.

В конце беседы я спросил, почему он рассказывает всё это мне, человеку газеты, а не священникам, министрам или учёным.

Маар ответил:

— Священники назовут это ересью. Министры — угрозой порядку. Учёные — бредом старика, пока не получат руду в руки. А газета... Газета иногда сохраняет то, чему не нашлось места в храме, дворце и академии.

Он велел мне увезти листы до рассвета. Я намеревался так и поступить, но буря усилилась, и жители уговорили меня остаться до утра.

Теперь, когда я дописываю эти строки в доме Орена Маара, за дверью слышны голоса. Кто-то спорит. Кто-то плачет. В воздухе пахнет дымом.

Старик сидит у стены и молчит. Пластина на стене светится.

Если эти листы дойдут до людей, они назовут Маара безумцем.

Если не дойдут — значит, он был прав.

Эмиль Роуд

Конец записи

Лукан опустил лист.

В погребке было тихо. Ардей стоял рядом с фонарём в руке, и мутно-золотистый свет делал лицо его старше и строже. Он уже не походил на неуклюжего стажёра, раздражённого грязью, дождём и усталостью. Теперь он был просто молодым человеком, которому впервые дали заглянуть за край привычного мира.

— Это невозможно, — сказал он.

Лукан посмотрел на тела.

— Что именно?

— Всё. Эонит открыли сорок лет назад. Взрыв в шахте был сорок лет назад. Машины, дирижабли, новые орудия... Всё это он будто видел.

— Или Роуд написал после.

Ардей резко поднял голову.

— Но он погиб сто лет назад.

— Поэтому я и сказал: или. Не «вероятно».

Лукан снова посмотрел на листы. Бумага была старая, чернила местами выцвели. Подделка такого рода потребовала бы не только мастерства, но и странного, почти бессмысленного терпения. К тому же мёртвый Эмиль Роуд лежал рядом, всё ещё храня свой чемодан.

— В 2000 году, — произнёс Ардей. — Это ведь следующий год.

— Да.

— Значит, если он прав...

— Тогда у нас осталось меньше года, чтобы понять, о чём именно он был прав.

Сверху, из разрушенного дома, донёсся тихий металлический звук.

Они оба подняли головы.

Звук повторился. Он был похож на далёкий удар колокольчика, только без звона, без чистоты — глухой, повреждённый, как голос за ржавой стеной.

Потом из темноты над лестницей снова послышалось:

— Где Четвёртая бездна?..

На этот раз голос был не хриплым. Он стал тоньше, яснее и страшнее, потому что в нём уже слышался не вопрос старика, а работа сломанного механизма.

Лукан быстро сложил листы и завернул их в промасленную ткань.

— Берите чемодан, Ардей.

— Весь?

— Весь.

— А тела?

Лукан задержал взгляд на Орене Мааре и Эмиле Роуде.

— Мы вернёмся за ними. С людьми. Со священником. И с тем, кто сумеет не упасть в обморок при виде чужой правды.

— Такие люди существуют?

— Будем надеяться.

Ардей закрыл металлический чемодан, прижал его к себе и вдруг замер.

— Сэр.

— Что?

— Снаружи кто-то есть.

Лукан погасил фонарь не сразу, а медленно прикрыл стекло ладонью, оставив лишь тонкий мутный просвет. Вверху, за провалом крышки, действительно слышались шаги.

Не дождь. Не ветви. Не зверь.

Шаги человека по мокрому камню.

Потом второй человек.

И третий.

Лукан наклонился к Ардею и сказал почти беззвучно:

— Теперь, мой друг, начинается настоящая журналистская практика.

Над ними, в разрушенном доме провидца, кто-то остановился у края погребца.

И в ту же минуту сломанный маячок Ауритов заговорил снова — громче, настойчивее, будто почуял не только тех, кто нашёл его, но и тех, кто пришёл следом:

— Где Четвёртая бездна?.. Где Четвёртая бездна?.. Где Четвёртая бездна?..

.

Глава 3. Аурелия

81-й день Времени Багряных Ветров, 1999 год Седьмой эпохи

«Теренс говорит, что карта есть обещание человеку: смотри, здесь уже побывал разум. Но чем дальше мы уходим от известных берегов, тем чаще мне кажется, что белые места на карте — не пустота, а чьё-то молчание».

Из дневника Ардея Фенна

В небольшой каюте слышались постоянные шаги.

Цок-цок. Цок-цок. Цок-цок.

Теренс Брокк ходил от круглого иллюминатора до двери, от двери до узкой койки, от койки снова к иллюминатору. Каюта была так тесна, что всякий его поворот походил на манёвр малой артиллерийской батареи в чулане. Широкие плечи его задевали то спинку стула, то висящий на стене плащ, то собственный кожаный кофр с чертёжными принадлежностями. Невысокий, плотный, круглолицый, с русыми волосами и упрямым носом, который Кай Марцелл однажды неосторожно назвал «картофельным», Теренс был сейчас похож не на учёного картографа Гильдии Дальних Карт, а на человека, которого заперли в комнате вместе с его нетерпением.

— Перестань ходить, Теренс, — произнёс Кай, сидевший в мягком кресле у стола. — Эонитоход быстрее не поплывёт. Это, между прочим, вершина человеческого прогресса, а не возок твоего дядюшки.

Он говорил лениво, почти насмешливо, но без злобы. Кай был выше Теренса почти на голову, строен, темноволос; редкая борода придавала его правильному смазливому лицу некоторую учёность, которой он пользовался с тем же удовольствием, с каким другие пользуются дорогими перчатками. Карие глаза его обычно смотрели на мир так, будто тот был создан частью для изучения, частью для развлечения.

— Хорошо, хорошо, Кай, — пробормотал Теренс и, не переставая ходить, взглянул на часы на запястье. — Но как ты можешь сидеть? Как? Ты понимаешь, что мы сейчас увидим? Понимаешь, чем нам предстоит управлять?

— Я рассчитываю, что управлять будет экипаж, а мы будем делать вид, что всё предусмотрели.

— Не смешно.

— Совсем немного смешно.

Теренс остановился у иллюминатора. За толстым стеклом ходило серое море. Вода, тяжёлая после ночного ветра, поднималась длинными валами; на их гребнях вспыхивали клочья пены, и всякий раз, когда эонитоход входил носом в волну, корпус вздрагивал, будто большое железное животное фыркало от досады.

— А сколько ещё нам предстоит увидеть? — быстро заговорил Теренс, словно боялся, что мысль исчезнет, если её не высказать. — Что там дальше, за нанесёнными берегами? Что на северных ледяных равнинах? Что у южного полюса? Какие хребты, какие озёра, какие пещеры? Может быть, там животные, которых никто не описал. Может быть, там целые острова, которые все карты обходили стороной, потому что до них не доходили ни паруса, ни дирижабли.

Кай улыбнулся.

— Я думаю, там миллионы тонн снега.

— Нет, нет, нет, — заторопился Теренс. — Не только снег. Снег — это поверхность. Ты слишком охотно принимаешь поверхность за истину. А под снегом может быть всё что угодно.

— Например, ещё снег.

— Под снегом могут быть горные кряжи, тёплые источники, древние пещеры, неизвестные породы камня, следы народов, которых давно нет. Ты же сам говорил, что карта — это не рисунок земли, а спор с неведением.

— Я говорил это на экзамене, — заметил Кай. — На экзаменах люди говорят многое, за что позднее не должны нести полной нравственной ответственности.

Теренс махнул рукой и снова пошёл по каюте.

Они оба были молоды, но принадлежали к тому редкому разряду молодых людей, которым уже доверили слишком много и которые потому держались то чрезмерно серьёзно, то почти мальчишески. Гильдия Дальних Карт, стоявшая на отдалённом острове Меридия и не подчинявшаяся ни одной человеческой державе, отправила их на Лиар-Вейн не как праздных учеников. Они ехали принять величайшую покупку Гильдии за последние десятилетия: зонитовый разведывательный дирижабль «**Аурелия**», построенный аэларскими мастерами по особому заказу главы Гильдии.

Вместе с дирижаблем, по договору с правительством Лиар-Вейна, им должны были передать припасы, сухие пайки, навигационные инструменты, запасные фотопластины, новую камеру, защитные костюмы, походную лабораторию и ящики с оборудованием, назначение которого Теренс уже трижды перечитывал по описи, но всё ещё не мог представить в действии.

В договоре имелся особый пункт, написанный сухим и потому особенно внушительным языком: всё приобретённое у Аэларов имущество должно было применяться исключительно в мирных, исследовательских и картографических целях. Фотокамера и журнал экспедиции служили не только науке, но и доказательством того, что «Аурелия» не станет орудием человеческой войны.

Кай называл этот пункт «страховкой для совести сенаторов». Теренс считал его справедливым.

— Ты понимаешь, — сказал он, снова остановившись, — что после «Аурелии» белые места на карте начнут отступать?

— Белые места редко отступают сами, — ответил Кай. — Обычно они заманивают человека внутрь, а потом смотрят, как он выпутается.

— Вот именно! — обрадовался Теренс. — В этом и дело.

Кай покачал головой.

— Иногда мне кажется, что Гильдия приняла тебя не за память на рельеф, а за готовность радоваться опасностям, которые прочие называют служебными затруднениями.

Теренс хотел возразить, но в эту минуту над дверью прозвенел корабельный колокольчик. Почти сразу в коридоре послышались шаги, и кто-то крикнул:

— Лиар-Вейн по правому борту!

Теренс замер.

Потом схватил со стола полевую тетрадь, чуть не опрокинул чернильницу, ударился бедром о край койки и бросился к двери.

— Ты идёшь? — спросил он уже из коридора.

— Разумеется, — сказал Кай, поднимаясь. — Я не могу позволить тебе первым увидеть историю. Ты потом будешь рассказывать её неточно.

На палубе их встретил ветер.

Он был солёный, влажный и чистый, не похожий на тяжёлый угольный дух материковых портов. Зонитоход шёл ровно, почти без дыма: внутри его бронированного чрева работали зонитовые котлы нового образца, и только низкое дрожание палубы напоминало, что железное судно движется не волею ветра и не силой парусов, а заключённой в мутно-золотой руде энергией.

Справа, в полосе голубоватого утреннего света, поднимался Лиар-Вейн.

Сначала остров казался просто тёмным силуэтом на границе моря и неба. Потом стали различимы высокие берега, террасы белого камня, уходящие к воде, башни маяков, длинные доки и бесчисленные мачты. Но чем ближе подходило судно, тем яснее становилось: Лиар-Вейн не был обычной гаванью. Он был городом-мастерской, городом-верфью, городом, где сама береговая линия казалась подчинённой чертежу искусного корабельного инженера.

Вдоль пристаней стояли лиарские клиперы — длинные, лёгкие, стремительные суда с низкими корпусами и высокими кормами. Их обводы были так чисты, что Теренс невольно подумал о морских птицах. На некоторых уже не было парусов: вместо них по бокам кормы виднелись гладкие эонитовые движители в аэларской бронзе, матовой и голубоватой, будто металл долго хранили под лунным светом.

Кай присвистнул.

— Теперь я понимаю, почему наши судостроители не любят говорить об Аэларах.

— Почему?

— Зависть портит техническую дискуссию.

Теренс не ответил. Он смотрел на остров, и круглое лицо его светилось таким чистым восторгом, что даже Кай не нашёл подходящей колкости.

Вдруг вода у борта пошла кругами.

Сначала это было похоже на мель или подводное течение: море забурлило, стало белесым, зашипело, будто под ним разожгли огромный невидимый котёл. Один из матросов, стоявший неподалёку, снял шапку и, улыбнувшись, сделал жест, похожий не на человеческий знак Трёх Сводов, а на что-то более плавное: коснулся губ, лба и раскрыл ладонь к морю.

— Лиарены, — сказал он.

Теренс перегнулся через поручень.

Из воды взметнулась гибкая тёмно-синяя спина. За ней — вторая, третья, пятая. Животные, похожие на крупных дельфинов, но длиннее и стройнее, с серебристыми боками и узкими плавниками, выскакивали парами, пересекали друг другу путь, падали обратно и снова поднимались. Они двигались с такой скоростью и согласованностью, что вода вокруг них действительно казалась кипящей.

— Брачный танец, — сказал матрос. — У Аэларов это добрый знак. Морские певцы Лиары благословляют путь.

Лиарены кружили всё быстрее. Их влажные тела ловили голубой свет неба, и на миг Теренсу показалось, что сами волны обрели волю и радость. Один из зверей выскочил почти у борта, повернулся в воздухе, блеснул круглым тёмным глазом и исчез в пене.

Кай, прежде ленивый и насмешливый, теперь смотрел молча.

— Запиши, — сказал Теренс, не оборачиваясь.

— Что именно?

— Всё.

— Ты же у нас человек памяти на берега, рельеф и течения.

— А ты человек красивого почерка и бесполезных замечаний. Работай.

Кай засмеялся, но вынул тетрадь.

Когда эонитоход вошёл в гавань, брачный круг лиарен остался позади, постепенно падаясь на отдельные всплески. Впереди же открылась вся мощь Лиар-Вейна.

Доки тянулись вдоль берега уступами. По ним двигались высокие фигуры Аэларов — голубоватокожие, стройные, неторопливые. Даже рабочие среди них держались с достоинством, которое у людей часто бывает только у старых дворян или хороших хирургов. На верфях гудели подъёмные машины; бронзовые краны переносили балки; где-то били молоты, но этот стук не был грубым. Он сливался с шумом моря так естественно, будто остров не строил корабли, а выращивал их.

У центрального причала стояла делегация.

Среди встречающих Теренс сразу заметил её.

Девушка-Аэларка была высока даже по меркам своего народа. Она возвышалась над многими мужчинами, стоявшими рядом, и всё же в её облике не было ни тяжести, ни угловатости. Рост её, как позднее узнал Теренс, приближался к двумстам десяти сантиметрам. Голубоватая кожа казалась в утреннем свете почти перламутровой; лицо — красивое, круглое, спокойное; волосы, собранные у затылка, отливали чистым золотом. Но более всего поражали глаза: не голубые и не зелёные, как у большинства Аэларов, а золотые, ясные, внимательные.

— Если это не представитель мастерских, — тихо сказал Кай, — я готов признать, что остров встречает нас лучше, чем мы заслуживаем.

— Не начинай, — буркнул Теренс.

— Я ещё даже не начал.

Когда трап опустили, первым сошёл капитан эонитохода. Затем — несколько служащих Гильдии, сопровождавших грузовые документы. Теренс и Кай последовали за ними, стараясь выглядеть значительнее, чем два молодых человека, впервые прибывшие в главный кораблестроительный центр Аэларов.

Девушка сделала шаг вперёд. Её приветственный жест был медленным и точным: пальцы коснулись губ, затем лба, затем раскрытая ладонь обратилась к морю.

— Лиара да сохранит чистоту слова и ясность мысли, — произнесла она на безупречном человеческом языке. — Я Элира Саон, представительница мастерских Лиар-Вейна. От имени сената острова и дома Саон приветствую посланников Гильдии Дальних Карт.

Теренс поспешно поклонился.

— Теренс Брокк, картограф Гильдии. Для нас честь прибыть на Лиар-Вейн.

— Кай Марцелл, — добавил Кай с более изящным поклоном. — Также картограф. Хотя мой спутник сейчас готов представлять не только нас, но и всё человечество сразу, если ему позволить.

Теренс метнул в него быстрый взгляд.

Элира едва заметно улыбнулась. Эта улыбка не нарушила её достоинства, но сделала лицо теплее.

— Нам говорили, что люди Гильдии отличаются любознательностью.

— Это самая вежливая формулировка, какую я слышал, — сказал Кай.

Элира повернулась к Теренсу.

— Ваше судно пришло вовремя. Дирижабль готов к передаче. Припасы, сухие пайки, фотографическое оборудование, навигационные приборы и походная лаборатория будут доставлены в главный док в течение часа. Описи вы сможете сверить до захода Ауруна.

— Всё уже здесь? — не удержался Теренс.

— Разумеется. Договор с Гильдией Дальних Карт был утверждён сенатом Лиар-Вейна и подписан моим отцом, Саэроном Саоном. Мы не заставляем гостей ждать того, что сами обязались приготовить.

При имени Саэрона Саона несколько Аэларов, стоявших позади, чуть склонили головы. Теренс отметил это машинально: значит, отец Элиры был не просто чиновником, а человеком веса.

Кай, разумеется, отметил то же самое.

— Нам известно, что договор вызвал споры, — сказал он осторожно.

Элира посмотрела на него спокойно.

— На Лиар-Вейне всякий договор с людьми вызывает споры.

— Из-за эонита?

— Из-за того, что люди слишком часто находят военное применение вещам, купленным для мира.

В её голосе не было упрёка, но именно поэтому слова прозвучали сильнее.

Теренс выпрямился.

— Гильдия не служит ни одному государству. «Аурелия» будет использоваться для картографии и исследований. Фотографии, журналы и отчёты будут предоставляться согласно договору. Мы не станем превращать ваш труд в оружие.

Элира внимательно посмотрела на него. Взгляд её золотых глаз был прямым, почти испытующим.

— Я верю, что вы говорите искренне, Теренс Брокк. Но искренность одного человека не всегда сильнее страха целого мира.

Кай впервые за долгое время ничего не сказал.

С причала они пошли к главному доку. Дорога вела вдоль воды, мимо мастерских, складов и открытых площадок, где лежали ребра будущих кораблей. Аэлары работали неторопливо, без суеты, но всякий их жест был точен. Теренс заметил, что многие инструменты были не человеческой выделки: тонкие, изящные, с голубовато-бронзовым блеском. На стенах доков висели знаки Лиары — малой луны, заключённой в морской круг.

— Вы не принимаете политику изоляции? — спросил Кай, когда они проходили мимо склада эонитовых контейнеров.

Элира не удивилась вопросу.

— Некоторые наши партии требуют её. Союз Чистой Луны громче других. Они считают, что всякая торговля эонитом оскверняет Путь Лиары.

— А вы?

— Я считаю, что чистота, доведённая до беспомощности, перестаёт быть добродетелью. У наших островов мало собственного эонита. Без торговли мы начнём отставать от людей — в медицине, связи, навигации, научных приборах. Мы не можем лечить детей одними молитвами и строить корабли одними воспоминаниями о прежнем величии.

Она сказала это ровно, но Теренс почувствовал: слова эти не раз произносились в спорах, и всякий раз за ними стояло не только рассуждение, но и боль.

— Значит, ваш отец поддерживает торговлю?

— Осторожную торговлю, — поправила Элира. — И различает военный заказ от научного. Поэтому ваш договор был возможен.

Они остановились перед широкими воротами главного дока.

За воротами было полутемно. Внутри слышались голоса, скрип блоков, низкое гудение эонитовых регуляторов. Потом створки начали расходиться.

Сначала Теренс увидел только свет.

Из глубины дока лилось ровное мутно-золотое сияние, смешанное с холодным голубым блеском отражателей. Затем проступили опоры, подвесные мостки, бронзовые фермы, тросы и огромная тень под сводами.

А потом они увидели её.

«Аурелия» стояла в доке, поднятая над каменным полом на широких опорах, как спящая птица, которой ещё не позволили расправить крылья.

Она была больше, чем представлял Теренс. Не такая громоздкая, как материковые пассажирские дирижабли, с их тяжёлыми оболочками и медлительной важностью, но длинная, стремительная, почти хищная. Её корпус вытягивался тонкой серебристо-синей линией; эонитовые двигатели у кормы были закрыты гладкими кожухами аэларской работы; под брюхом висела узкая гондола с окнами наблюдения и выступающей площадкой для фотосъёмки. На носу, тёмно-синими буквами, было выведено имя:

АУРЕЛИЯ

Теренс молчал.

Все его прежние слова, тревоги, вопросы, радости вдруг оказались слишком малы. Перед ним стояло не просто средство передвижения. Перед ним была возможность взглянуть на Эониру сверху — на леса, горы, полюса, острова, на все места, где ещё не проходила человеческая линия карты.

Кай подошёл ближе и тихо сказал:

— Миллионы тонн снега, говоришь?

Теренс, не отрывая глаз от дирижабля, ответил:

— Если снег окажется таким же как это судно, я готов посвятить ему жизнь.

Элира Саон стояла чуть в стороне. В золотых глазах её отражалась «Аурелия», но выражение лица оставалось сложным: гордость мастера смешивалась с тревогой дочери сенатора, знающей цену всякому договору с людьми.

— Она прекрасна, — сказал Теренс наконец.

— Она опасна, — тихо ответила Элира. — Всякая прекрасная вещь, способная унести человека дальше его мудрости, опасна.

Кай посмотрел на неё с новым вниманием.

— Вы говорите как философ.

— Нет, — сказала Элира. — Как дочь народа, который слишком хорошо строит корабли для тех, кто слишком часто ищет войны.

В этот момент где-то высоко под сводами дока вспыхнул эонитовый контур. По корпусу «Аурелии» пробежал слабый золотистый свет. Дирижабль будто вдохнул.

Теренс Брокк шагнул вперёд.

И впервые за всё утро перестал смотреть на часы.

Глава 4. Клиновой лист

18-й день Времени Высокого Солнца, 1959 год Седьмой эпохи

Курьера разбудили за час до прибытия.

Мартен Лоун открыл глаза не сразу. Несколько мгновений он ещё лежал неподвижно, вслушиваясь в глухое, мерное дыхание корабля. За тонкой переборкой ходили поршни, стучали тяги, подрагивали листы железа, и где-то глубоко внизу, в утробе судна, горел уголь — старый, чёрный, надёжный кормилец всех машин, какие человек успел поставить себе на службу.

Корабль шёл к Меридии полным ходом.

Это был не изящный лиарский клипер и не новый эонитовый чудесный аппарат, о каких в 1999 году будут говорить в газетах с таким самодовольством, будто они существовали всегда. Нет, судно, на котором мчался Мартен Лоун, принадлежало ещё прежнему веку: с высоким дымовым трубам, с закопчённой кормой, с тяжёлым винтом, с машинной командой, почерневшей от пыли и жара. Оно было быстрым по меркам своего времени, но быстрота эта давалась ему натугой: углём, паром, потом кочегаров и дрожью всего корпуса.

— Господин Лоун, — послышалось за дверью. — Через час Меридия.

— Слышу, — отозвался он хрипло.

Мартен сел на койке, потянулся и поморщился от затёкшей спины. Спал он, как и положено курьеру особого поручения: на заправленной койке, не раздеваясь, в сапогах и даже в дорожной шляпе, которая за время короткого сна съехала ему на самый лоб. Через плечо его, не снятая даже во сне, была перекинута кожаная сумка. В сумке, в промасленном пакете и под двойной печатью Орвальдского горного управления, лежала депеша, которую велено было передать лично Первому консулу Гильдии Дальних Карт.

Он провёл ладонью по лицу, поднялся и первым делом проверил сумку. Печати были целы.

Только после этого Мартен позволил себе посмотреть на часы.

Корабельный циферблат висел над маленьким письменным столиком, прикрученный к стене четырьмя медными винтами. Стрелки показывали шестой час утра. Стекло дрожало от работы машины, и потому казалось, что время не идёт, а слегка колеблется вместе с кораблём.

Напротив койки висела политическая карта Эониры.

Мартен невольно задержал на ней взгляд. Такие карты любили помещать в каютах курьерских судов: капитаны говорили, что это воспитывает в людях уважение к расстояниям. На карте два человеческих материка лежали по обе стороны Лиарского океана. Слева — Вестария, густо исписанная границами, тесная, старая, беспокойная; справа — Арденния, шире, суровее, с большими пустыми пространствами, горными хребтами и северными областями, где и дороги-то существовали скорее в отчётах, чем на земле.

На Арденнии тянулась зелёная масса Орвальдской Державы — крупнейшего человеческого государства, которое Мартен покинул пять дней назад. На западном краю державы, у горного хребта Серый Венец, маленькой чёрной точкой была отмечена шахтёрская область, откуда и пришло то донесение, из-за которого его подняли среди ночи, посадили на поезд, потом на речное судно, потом на этот угольный пароход и велели не останавливаться нигде.

Между материками лежал Лиарский океан, весь в синих линиях течений, в мелких рисунках кораблей и предупреждающих пометках о туманах. Южнее главного пути была рассыпана сеть островов Аэларов — Лиарский архипелаг, с его белокаменными гаванями, верфями и лунными знаками. Один остров был обведён особенно тонкой чёрной линией и подписан: Лиар-Вейн. Но корабль шёл не туда.

Ниже и западнее архипелага, будто нарочно отодвинутая от чужих политик и торговых путей, лежала Меридия — небольшой остров, резиденция Гильдии Дальних Карт. Он не принадлежал ни одной державе, не признавал над собою ни корон, ни парламентов, ни военных губернаторов. На старых картах Меридию изображали просто точкой среди воды; на новых — уже с гаванью, башней обсерватории и знаком раскрытого циркуля.

Мартен перевёл взгляд на календарь.

Он был прибит рядом с картой и выполнен с тем старательным изяществом, какое любят чиновники, когда хотят придать порядку вид вечности. Год Эониры был разложен по кругу на четыре большие части. Время Пробуждения украшали зелень, первые цветы и тонкие ветви; Время Высокого Солнца — золотой диск Ауруна над полями и морем; Время Багряных Ветров — летящая рыжая листва, согнутые деревья и косые дожди; Время Тихой Луны — снег, тёмные ели и две луны над белыми равнинами.

Стрелка календаря стояла на восемнадцатом дне Времени Высокого Солнца.

Мартен усмехнулся. День был изображён художником как торжество света, зелени и ясного неба. В действительности за иллюминатором висел серый утренний туман, а корабль пах углём, мокрым канатом и тревогой.

Он ещё раз проверил сумку, поправил шляпу и вышел из каюты.

На палубе ветер ударил ему в лицо. Дым из трубы стлался назад длинной чёрной полосой. Моряки спешили без суеты, но Мартен видел: все уже знали, что везут не обычное письмо. На курьерском корабле слухи ходили быстрее пара.

Впереди, сквозь туман, проступала Меридия.

Сначала она показалась низким тёмным силуэтом. Потом стали различимы скалы, маяк, длинная каменная пристань и, выше, на холме, строгие корпуса Гильдии Дальних Карт. Они не походили ни на дворец, ни на крепость. В их облике было что-то от монастыря, что-то от университета и что-то от военного штаба; но всё вместе составляло особое, меридийское выражение: здесь не правили и не молились — здесь измеряли мир.

Мартен положил руку на сумку.

Депеша под пальцами казалась тяжелее, чем могла быть бумага.

Он не знал ещё, что в это утро привёз на Меридию не просьбу о консультации, не отчёт о горной аварии и не очередной спор о границах рудных владений.

Он привёз конец одного века.

Совет консулов

В тот же час, когда пароход входил в гавань, в Зале меридианов шло собрание консулов.

Зал этот располагался в старом крыле Гильдии, там, где первые картографы Меридии ещё чертили береговые линии по рассказам моряков и спорили о том, следует ли наносить на карту земли, о которых известно только из чужого страха. Потолок был высок, тёмный и пересечён дубовыми балками. Между окнами висели карты: одни новые, цветные, политические; другие старые, выцветшие, с большими пустыми местами и осторожными надписями *terra incognita*.

За длинным столом сидели консулы Гильдии Дальних Карт.

Их было двенадцать: по морям, по небесным наблюдениям, по сухопутным путям, по архивам, по полярным областям, по народам и языкам, по недрам Эониры и ещё несколькими областями знания, без которых мир казался бы людям проще, чем был на самом деле.

Во главе стола сидел Первый консул Северин Астор.

Ему было около восьмидесяти лет. Сухой, сгорбленный, с тонкими руками, положенными на чёрную трость, он казался человеком, которого старость давно уже согнула, но не убедила отступить. Голубые некогда глаза его помутнели, однако взгляд не утратил силы. Он видел плохо, но слушал так, что каждому выступающему становилось неудобно: старик будто снимал с речи украшения и оставлял одну её пользу.

Слева от него, ближе к середине стола, сидел Элиан Ворн, консул по изучению недр Эониры.

Он был молод для такого места — слишком молод, как шептались некоторые. Светлая кожа, светлые волосы, серые глаза, невысокая сухощавая фигура — в нём не было ни внушительности старых горных профессоров, ни грубой уверенности промышленников. Но Северин Астор держал его на хорошем счету. Элиан обладал редкой способностью: он умел сомневаться быстро и решать медленно, а в науке, как считал старый Первый консул, это было ценнее блестящих речей.

В этот день обсуждали золото.

Тема была скучнее, чем могла показаться человеку со стороны. Не сокровища, не тайные жилы, не короны древних царей занимали консулов, а целесообразность полного картографирования золотосодержащих месторождений на обоих материках. Вестарские промышленники требовали новых сводок; Арденнские банки желали точных оценок; малые государства подозревали большие в сокрытии рудных данных; большие государства, как водится, подозревали малые в неблагодарности и невежестве.

— Гильдия не должна превращаться в счетную палату владельцев приисков, — говорил консул архивов, сухой человек с голосом, похожим на шелест бумаги. — Мы занимаемся знанием, а не алчностью.

— Знание, — ответил консул сухопутных путей, — становится особенно необходимым там, где алчность уже начала двигать войска.

Несколько человек одобрительно зашумели.

Элиан Ворн молчал. Перед ним лежали чертежи горных районов, старые отчёты о кварцевых жилах и таблица расходов. Он уже знал, что поиски золота съедят годы труда, потребуют экспедиций в опасные места и принесут Гильдии больше врагов, чем открытий. Но он также знал и другое: когда государства начинают спорить о богатстве недр, отсутствие точной карты становится не миролюбием, а приглашением к лжи.

Северин Астор слушал, не вмешиваясь.

За окнами было светло. Время Высокого Солнца делало каменные стены зала почти тёплыми. На длинном столе лежали раскрытые атласы, измерительные линейки, карандаши, лупы, запечатанные доклады. Никто из сидевших здесь ещё не знал, что в Орвальдской Державе уже найдено нечто, перед чем золото вскоре покажется украшением старого мира.

Дверь открылась без стука.

Такого в Зале меридианов почти не бывало.

Вошёл Олрик, старший служитель Гильдии, человек седой, аккуратный и обычно невозмутимый. Теперь он был бледен. В руке его лежал промасленный пакет.

— Господин Первый консул, — произнёс он, и голос его чуть дрогнул.

Несколько консулов недовольно обернулись.

Северин Астор поднял голову.

— Мы заседаем, Олрик.

— Я знаю, господин. Простите. Но это депеша со знаком клинового листа.

В зале стало тихо.

Даже те, кто никогда не работал с чрезвычайными сообщениями, знали этот знак. В Гильдии Дальних Карт клиновой лист означал высшую степень важности. Не «срочно», не «желательно немедленно», не «при первой возможности». Он означал: читать сразу. Даже если совет заседает. Даже если Первый консул болен. Даже если корабль тонет у пристани и все заняты спасением груза.

Олрик подошёл и положил пакет перед Северином Астором.

На верхней печати действительно был оттиснут клиновой лист.

Старик долго смотрел на него, потом протянул сухую руку.

— Заседание прерывается, — сказал он.

Никто не возразил.

Он вскрыл печать ножом для бумаг. Несколько секунд в зале слышался только слабый шорох промасленной обложки. Северин Астор читал медленно. По мере чтения лицо его не менялось, но рука на трости сжалась сильнее.

Когда он поднял глаза, взгляд его остановился на Элиане Ворне.

— Консул Ворн, — сказал он, — останьтесь.

Остальные поднялись. Кто-то хотел задать вопрос, но Северин едва заметно повернул голову, и вопрос умер, не родившись. Консулы начали выходить: одни с достоинством, другие с плохо скрытым раздражением, третьи — с тревогой. Последним вышел Олрик, притворив дверь за собою так осторожно, будто в зале лежал больной.

Остались двое: старик и молодой консул.

Северин Астор положил депешу на стол между ними.

— Прочтите.

Элиан взял лист.

Почерк был деловой, местами неровный, будто писавший спешил или не вполне владел рукой после сильного потрясения.

Первому консулу Гильдии Дальних Карт Северину Астору.

От имени Горного управления Орвальдской Державы.

Доставка немедленная. Знак клинового листа подтверждён.

Далее сообщалось, что в западной части Орвальдской Державы, близ горного хребта Серый Венец, в угольной шахте Нор-Карн обнаружена неизвестная порода мутно-золотистого цвета. Порода была найдена в глубоком угольном пласте, где, по всем прежним геологическим сведениям, не должно было быть никаких металлических включений подобного рода.

Местные мастера сперва приняли её за разновидность золотосодержащего минерала. Затем, вследствие необычного блеска и слабого теплового излучения, образцы передали группе учёных из столицы Орвальдской Державы.

Через день после прибытия группы был произведён опыт по нагреванию руды.

На этом месте Элиан остановился.

Северин Астор не торопил его.

Элиан продолжил.

В результате опыта произошёл взрыв неизвестной природы. Шахта Нор-Карн, прилегающие строения, временный научный барак, подъездная дорога, лесной участок и всё, находившееся в радиусе двух миль, перестали существовать как пригодные к описанию объекты. Число погибших уточняется. Выживших в непосредственной близости от места опыта не обнаружено.

Некоторые образцы руды, отправленные до взрыва в столицу Орвальдской Державы, сохранились.

Горное управление, с одобрения правительства, призывает Гильдию Дальних Карт направить компетентную группу для осмотра места происшествия, изучения образцов и составления заключения о природе найденной породы.

Ниже стояла подпись министра горных дел Орвальдской Державы и ещё три печати.

Элиан медленно опустил лист.

— Две мили, — сказал он.

— Да.

— От нагревания образца?

— Так написано.

— Это невозможно.

Северин Астор посмотрел на него мутными голубыми глазами.

— Вы молоды, Элиан. Вам ещё простительно употреблять это слово. Но не злоупотребляйте им.

Элиан покраснел.

— Я хотел сказать: неизвестно ни одного минерала, способного при нагревании дать такой результат.

— Это лучше.

Старик поднялся с трудом. Он подошёл к окну, опираясь на трость. Внизу, у пристани, виднелся дым курьерского парохода. Меридийские служащие готовили его к отправке. По сходням спускался человек в дорожной шляпе, прижимая к боку кожаную сумку.

— Курьер шёл быстро, — сказал Северин. — Значит, в Орвальде боятся.

— И правильно делают.

— Вы поедете.

Элиан ожидал этого и всё же ощутил, как внутри что-то сжалось.

— В Орвальдскую Державу?

— Сначала в её столицу. Осмотрите образцы. Затем, если сочтёте необходимым, к Серому Венцу.

— Если место ещё допускает осмотр.

— Тем более.

Элиан снова посмотрел на депешу.

— Почему я?

Северин Астор повернулся к нему.

— Потому что это ваша область. Потому что вы умеете не верить первым объяснениям. Потому что вы достаточно молоды, чтобы выдержать дорогу, и достаточно упрямы, чтобы не дать министрам написать ваше заключение за вас.

Элиан молчал.

— И ещё, — добавил старик, — потому что вы не любите золото.

— Простите?

— Сегодня совет спорил о золоте. Все говорили о выгоде, опасности, границах, рынках. Вы один смотрели на карту хребтов. Мне нужны люди, которые сперва видят землю, а уже потом цену земли.

Элиан сложил депешу.

— Когда отправляться?

— Сегодня.

— Состав группы?

— Малый. Два геолога, один чертёжник, один врач, один фотограф, охрана по минимуму. Не берите с собой людей, которые любят сенсации.

— Таких трудно выявить заранее.

На губах Северина Астора впервые мелькнула слабая улыбка.

— Поэтому я и посылаю вас.

Он вернулся к столу и положил ладонь на карту Арденнии, туда, где был отмечен Серый Венец.

— Помните, Элиан: если это новое золото, вокруг него начнётся торговая драка. Если это новое топливо, вокруг него начнётся промышленная лихорадка. Если это новое оружие, вокруг него начнётся война.

— А если это нечто иное?

Северин Астор долго не отвечал.

Потом сказал:

— Тогда нам всем придётся признать, что наши карты слишком малы.

Элиан Ворн открыл глаза.

За окном его кабинета был уже другой день, другой век и почти другой мир.

Он сидел в кресле Первого консула Гильдии Дальних Карт. На стене за ним висела новая политическая карта Эониры — куда точнее той, что когда-то висела в каюте курьерского парохода, и всё же с такими же белыми пятнами у полюсов, с теми же упрямыми надписями терра инкогнито там, где человеческое знание ещё не решалось поставить точку.

Элиану было уже не двадцать с небольшим, с тех пор прошло 40 лет. Светлые волосы его поседел; лицо стало суше; серые глаза сохранили ясность, но под этой ясностью лежала усталость человека, который слишком долго наблюдал, как одно открытие меняет весь мир и вовсе не делает людей мудрее.

Сорок лет прошло с того дня, когда Мартен Лоун привёз на Меридию депешу с клиновым листом.

Сорок лет с тех пор, как слово эонит впервые прозвучало в стенах Гильдии.

Теперь оно было повсюду: в газетах, в военных отчётах, в медицинских журналах, в речах министров, в молитвах саарийцев, в проклятиях шахтёров, в договорах с Аэларами. Эонит освещал города, двигал машины, лечил болезни и заряжал орудия такой силы, что старые крепости действительно стали похожи на детские игрушки.

Северин Астор умер много лет назад.

Мартен Лоун, вероятно, тоже.

А Серый Венец всё ещё стоял на картах, только вокруг него теперь было больше рудников, железных дорог, военных складов и красных отметок, означавших закрытые области.

Элиан провёл рукой по лицу.

Он не спал. Он вспоминал.

Иногда прошлое приходило к нему не во сне, а среди дня: в виде запаха угля, стука паровой машины, шороха депеши, голоса Северина Астора. «Наши карты слишком малы», — сказал тогда старик. Элиан за сорок лет убедился, что это была не мысль, а приговор.

В дверь постучали.

— Войдите.

На пороге появился оператор телеграфа — молодой человек по имени Грег. Он был взволнован, но старался держаться официально.

— Господин Первый консул, — произнёс он. — Сообщение с Лиар-Вейна.

Элиан выпрямился.

— Говорите.

— Договорённость по дирижаблю выполнена. Картографы Брокк и Марцелл приняли «Аурелию». Аэларская сторона передала припасы и оборудование согласно описи. Картографы приступили к работе.

Элиан некоторое время молчал.

Потом кивнул.

— Спасибо, Грег.

Оператор поклонился и вышел.

В кабинете снова стало тихо.

Элиан поднялся и подошёл к карте. Его взгляд нашёл Меридию, затем Лиар-Вейн, затем северные и южные пустоты, где всё ещё лежала неведомая земля. Где-то там вскоре пойдёт «Аурелия» — самое совершенное создание аэларских мастеров, купленное Гильдией ради того, чтобы наконец увидеть то, чего не видели прежние поколения.

Он хотел бы радоваться.

Но память о депеше с клиновым листом не уходила.

Старый Первый консул когда-то сказал: если найденное окажется новым оружием, начнётся война; если иным — карты окажутся слишком малы.

Элиан смотрел на белые пятна полюсов, на Лиарский океан, на острова Аэларов, на Орвальдскую Державу, богатую эонитом и окружённую завистью соседей.

Потом медленно положил ладонь на край карты.

— Только бы мы не опоздали, — сказал он негромко.

Но в пустом кабинете эти слова прозвучали не как надежда.

Скорее как запоздалое признание.

Глава 5. Люди Чёрного Венца

74-й день Времени Багряных Ветров, 1999 год Седьмой эпохи

«Господин Тарв говорит, что вещь становится опасной не тогда, когда она непонятна, а тогда, когда её начинают понимать не те люди. В тот день я ещё не знал, что он прав».

Из дневника Ардея Фенна

К Вирну в тот день шли не только Лукан Тарв и Ардей Фенн.

С южной стороны, где старая дорога давно распалась на узкую звериную тропу и несколько луж, похожих скорее на маленькие болота, к выгоревшей деревне приближались трое. Они шли не так, как ходят случайные путники: не останавливались без нужды, не разглядывали деревья, не бранили погоду с тем простодушным ожесточением, какое свойственно людям, попавшим под осенний ливень не по своей воле. Эти трое знали, куда идут, и знали, что за их дорогу уже заплачено.

Впереди шагал Гаррик Вейн.

Он был низок ростом, широк в плечах и грудной клетке, отчего казался вырубленным из плотного, не слишком красивого дерева. Светло-русые волосы его давно потеряли прежний цвет; короткая бородка, такая же выцветшая, делала лицо ещё более усталым. Карие глаза смотрели спокойно, без раздражения и без любопытства. Гаррик не походил на человека, которого можно удивить дождём, старой деревней, чужой смертью или дурным заказом. Он производил впечатление ремесленника, только ремеслом его было находить то, что другие предпочли бы оставить в земле.

За ним, чуть сбоку, легко перепрыгивая через корни и лужи, шла Мейра Феннор. Ей было двадцать девять лет, но в её лице, усеянном рыжими веснушками, держалась почти девичья живость. Рыжие волосы она стянула под кожаный капюшон, из-под которого выбивались мокрые пряди; зелёные глаза блестели весело и азартно. Даже грязь на сапогах, сырость плаща и тяжелая сумка через плечо не портили в ней того особенного вида, будто всякое затруднение — не беда, а приглашение к игре.

Замыкал тройку Рикард Лоут.

Ему было около тридцати. Лицо его оставалось молодым, почти мальчишеским, но волосы на темени уже начинали редеть, и он, кажется, решительно отказывался замечать это обстоятельство. Тёмная короткая борода была густа, ухожена и придавала ему больше уверенности, чем заслуживала. Рикард шёл легко, с наглой непринуждённостью человека, который привык выходить из неприятностей раньше, чем остальные успевают понять, что неприятность уже началась.

— Я всё ещё считаю, что за такую погоду полагается надбавка, — сказал он, перешагивая через поваленную ветку.

Гаррик не обернулся.

— Ты считаешь это с самого утра.

— Потому что с самого утра идёт дождь.

— Дождь был в смете.

— Дождь может быть в смете как вероятность. Но когда вероятность льётся тебе за воротник шестой час подряд, она становится личным оскорблением.

Мейра засмеялась.

— Если бы заказчик платил тебе за жалобы, Рикард, мы бы уже купили собственный пароход.

— Если бы заказчик платил честно, — ответил Рикард, — мы бы купили два. Один для плавания, другой — чтобы Гаррик хранил в нём своё молчание.

Гаррик остановился у развилки, вынул из внутреннего кармана промасленный лист и сверился с наброском. Лист был старый, сложенный по сгибам до белых трещин. На нём была грубо обозначена местность вокруг Вирна: лес, холм, высохший ручей, северная окраина деревни и дом, отмеченный маленьким косым крестом. Рядом кто-то чужой рукой написал: «старик Маар».

— До места меньше четверти часа, — сказал Гаррик.

— Превосходно, — оживился Рикард. — Значит, скоро я смогу узнать, стоит ли эта мокрая прогулка тех денег, которые нам обещали.

— Стоит, — сказала Мейра.

— Ты говоришь так, будто видела предмет.

— Я видела контракт.

Рикард прищурился.

— Мы видели один и тот же контракт?

Они снова двинулись.

Лес здесь был старый, неровный, с буреломом и глубокими промоинами. Багряные Ветра успели разукрасить его в ржавые и медные тона, но дождь лишил эти краски праздничности. Всё вокруг казалось размокшим, тяжёлым, оседающим в землю. Мокрая листва липла к сапогам; ветви хлестали по лицу; где-то в стороне глухо перекачивался гром.

— Скажи всё же, Гаррик, — проговорила Мейра, — ты веришь, что это тот самый предмет?

— Я верю бумаге, если бумагу добывали долго и дорого.

— Прекрасная вера, — заметил Рикард. — Надо будет учредить при ней храм. Вместо алтаря — сейф, вместо священника — бухгалтер.

Гаррик убрал лист.

— На маяк указывали три независимых источника. Старое газетное дело. Запись в частном дневнике. И показания торговца из Вейрского герцогства, купившего часть вещей после смерти одного коллекционера.

— Коллекционеры, — Мейра презрительно фыркнула. — Самые скучные грабители на свете. Прячут украденное за стекло и называют это сохранением истории.

— А мы как называем то, чем занимаемся? — спросил Рикард.

— Быстрой работой за хороший гонорар.

— Разница нравственная и потому почти невидимая.

Мейра улыбнулась.

Гаррик не вмешался. Он не любил таких разговоров, но и не запрещал их. Люди, идущие к опасному месту, должны как-то расходовать страх. Один молчит, другой шутит, третий говорит о деньгах. Всё это одинаково полезно, пока не мешает делу.

— А что наш добрый Чёрный Венец говорит об этом маяке? — спросил Рикард. — Кроме того, что он старый, редкий и за него дают сумму, от которой у Мейры загорелись глаза.

— У меня глаза горят от природы, — сказала Мейра.

— И от чужих сейфов.

— Это тоже природа.

Гаррик чуть замедлил шаг.

— Заказчик говорит, что предмет не должен попасть в публичные руки.

— Газеты? Университеты? Гильдия?

— Все.

— Звучит как вещь, которую обязательно надо показать газетам, университетам и Гильдии, — сказал Рикард.

— Ты можешь так поступить, если хочешь прожить короткую, но нравственно выразительную жизнь.

Рикард усмехнулся и поправил кобуру под плащом.

Там, в промасленной коже, лежал его **Вейр-08** — самозарядный восьмизарядный пистолет старого армейского образца. Вейрское герцогство выпускало их уже почти два десятилетия, и за это время «восьмёрка Вейра» успела побывать в руках офицеров, охранников, контрабандистов, экспедиционных стрелков и людей, чья профессия не любила письменных определений. Длинный узкий ствол, тёмная воронёная сталь, угловатая рукоять с деревянными щёчками и маленьким гербом на медальоне — всё в нём говорило о практичности, дисциплине и скрытой грубости. В народе пистолет называли «Щёлкуном»: за сухой, резкий звук механизма, похожий на щелчок костяных челюстей.

У Гаррика был такой же, только старее и без украшений. У Мейры — меньший, укороченный, но она всё равно называла его Вейром, потому что терпеть не могла оружие с изящными дамскими названиями.

— А может, он опасен? — сказала она. — Маяк, я имею в виду.

— Всё, что мы приносили им, было в той или иной мере опасно, — ответил Гаррик.

— Не всё. Серебряный обруч из Корвинны был просто красив.

— Он остановил часы в трёх комнатах.

— Зато красиво.

— Чёрное стекло из Рудной Конфедерации резало алмаз и не оставляло на себе царапин.

— И стоило дороже алмаза.

— Камень из Южной Марки гудел рядом с компасом и сводил стрелку с ума.

— Но никого не убил.

Гаррик посмотрел на неё.

— Потому что мы не стали его греть, пилить или молиться над ним.

Мейра подняла руки.

— Согласна. Наука часто портит хорошие находки.

Они не знали, что говорили о вещах, чья история началась задолго до первых человеческих государств, до Трисводия, до Путей Лиары, до городов и границ. Не знали, что чёрное стекло было частью внешней обшивки погибшей станции; серебряный обруч — фрагментом навигационного кольца; камень, сбивавший компасы, — разорванным узлом поля, некогда удерживавшего сигнальную сеть. Для них всё это было добычей. Редкой, дорогой, странной, иногда пугающей, но всё же добычей.

И потому они шли к Вирну без благоговения.

Только Гаррик, быть может, чувствовал иногда, что их работодатель знает о таких предметах больше, чем говорит. Но Гаррик давно усвоил: чем крупнее гонорар, тем меньше пользы от вопросов.

— Скажи честно, — продолжил Рикард, — ты видел хоть раз кого-нибудь из тех, кто стоит за Чёрным Венцом?

— Я видел людей, которые платят.

— Это не одно и то же.

— Для нашей работы — одно.

— А для твоего любопытства?

Гаррик обернулся.

— Моё любопытство умерло в тридцать два года. От недостатка осторожности.

Мейра наклонила голову.

— И как его похоронили?

— Без свидетелей.

Рикард рассмеялся.

Дождь начал слабеть. Между деревьями потянулся туман, низкий и холодный. Земля пошла на подъём. Гаррик снова сверился с листом, потом указал вперёд.

— Там холм. За ним деревня.
— Если от неё что-то осталось, — сказала Мейра.
— Нам нужен не Вирн. Нам нужен дом старика.
— А если кто-то пришёл раньше нас?
Гаррик не ответил сразу.

Он заметил следы.

На размокшей дороге отпечатались две пары человеческих сапог. Одни следы были уверенные, ровные; другие — более глубокие и беспорядочные, будто человек часто оступался или нёс тяжёлый груз. Рядом в грязи тянулась узкая борозда, оставленная, возможно, ножкой штатива или чемоданом.

Мейра присела, коснулась следа пальцами.

— Свежие.

— Нас опередили? — спросил Рикард.

— Ненадолго, — сказал Гаррик.

Его лицо не изменилось, но в голосе появилась тяжесть.

— Сколько человек? — спросила Мейра.

— Двое. Один, вероятно, старше. Второй несёт много вещей.

— Местные?

— Местные не носят фотоштативы к сгоревшим деревням.

Рикард оживился.

— Газетчики?

Гаррик поднялся.

— Возможно.

— Вот славно. Я люблю газетчиков. Они всегда уверены, что перо сильнее пистолета, пока не видят пистолет достаточно близко.

— Без стрельбы, — сказал Гаррик.

— Я и не собирался. Я за воспитательное воздействие.

Мейра посмотрела на него с улыбкой.

— Тебе нельзя доверять воспитание даже щенка.

Они пошли быстрее.

С вершины холма Вирн открылся им серым пятном среди леса. Деревни давно не было: только провалы погребов, каменные печи, обрушенный колодец и чёрные следы домов, которые земля так и не сумела окончательно стереть. Над северной окраиной, где по наводке должен был находиться дом Орена Маара, слабым мутным светом поднималось что-то, похожее на отсвет фонаря или лунный блик на металле.

Гаррик поднял руку.

Трое остановились.

В ту же минуту из глубины руин донёсся странный голос:

— Где Четвёртая бездна?.. Где Четвёртая бездна?..

Мейра перестала улыбаться.

Рикард тихо выругался.

— Это ещё что за прелесть?

Гаррик смотрел вниз, не мигая.

— То, за что нам платят.

— Оно говорит.

— Значит, дороже, чем мы думали.

Мейра медленно достала из сумки маленький свёрток с инструментами.

— Если оно говорит, его могут слышать не только мы.

— Уже слышали, — сказал Гаррик и кивнул на следы, уходившие к северной окраине.

Они спустились в деревню осторожно, стараясь не шуметь. Вирн встретил их тишиной и запахом мокрого пепла, который, казалось, не мог держаться сто лет и всё же держался. У колодца Мейра заметила отпечатки свежих каблуков. У линии бывшей улицы — следы штатива. У дома провидца — размазанные пятна грязи, оставленные людьми, которые недавно спускались в погреб.

Гаррик указал Рикарду на левую сторону руин, Мейре — на правую. Сам подошёл к провалу сверху.

Внизу мерцал слабый свет.

Он слышал голоса.

— ...берите чемодан, Ардей.

— Весь?

— Весь.

Гаррик опустил руку к кобуре, но пистолет пока не вынул.

— Господа, — сказал он вниз, достаточно громко, чтобы его слышали. — Прошу не делать резких движений.

В погребу наступила тишина.

Потом послышался спокойный голос:

— Это зависит от того, кто просит.

Гаррик слегка усмехнулся.

— Человек, которому не хотелось бы начинать знакомство с неприятностей.

— Замечательное намерение. Обычно с него неприятности и начинаются.

Рикард, стоявший справа от провала, хмыкнул.

— Умный.

— Газетчик, — прошептала Мейра.

— Ещё хуже.

Первым из погреба поднялся Лукан Тарв.

Он вышел медленно, держа руки на виду, но без унижительной поспешности. Плащ его был в грязи, лицо устало, каре-зелёные глаза смотрели внимательно и холодно. За ним, прижимая к груди металлический чемодан, показался Ардей Фенн. Светлые волосы его выбились из-под мокрой фуражки; на груди болталась тяжёлая дорожная камера «Феннор-12», вся в каплях и грязных разводах. Вид у Ардея был такой, будто он уже пережил достаточно приключений для нескольких газетных очерков и не желал подписываться под новым.

— Лукан Тарв, — сказала Мейра вдруг. — «Марцеллийский вестник».

Лукан перевёл на неё взгляд.

— Мне приятно, когда читатели находятся даже среди развалин.

— Я читаю некрологи и судебные отчёты. У вас хороший слог.

— Нечасто получаю такие изысканные комплименты от вооружённых людей.

Рикард демонстративно откинул полу плаща. На поясе блеснула воронёная сталь Вейра-08.

— А кто сказал, что мы вооружены?

Ардей сглотнул.

— Ваше чувство юмора, сударь, слишком близко к кобуре.

Рикард усмехнулся.

— А этот мне нравится.

Гаррик шагнул вперёд.

— Мы не за вами. И не за вашими бумагами. Нам нужен предмет, который находится здесь.

Лукан посмотрел на мутно-золотистую пластину, всё ещё мерцавшую между камнями фундамента.

— Странно. Мне казалось, он нужен всем, кто ещё не утратил способности задавать вопросы.

— Мы задаём их после работы.

— Не лучшая привычка.

— Зато прибыльная.

Мейра тем временем подошла к пластине и присела рядом. Голос маячка вновь повторил, уже тише:

— Где Четвёртая бездна?.. Где Четвёртая бездна?..

Она невольно отдёрнула руку.

— Это не просто пластина.

— Я рад, что наше заключение совпало, — сказал Лукан.

— Сэр, — тихо произнёс Ардей, — быть может, нам стоит объяснить, что это место является объектом журналистского расследования?

Рикард посмотрел на него почти с сочувствием.

— Юноша, в лесу, в сгоревшей деревне, ночью, без свидетелей, выражение «объект журналистского расследования» весит меньше мокрой шляпы.

Ардей покраснел.

Лукан не повысил голоса.

— А выражение «осквернение места гибели двух людей» весит больше?

Гаррик задержал на нём взгляд.

— Мы не тронем тела.

— Великодушие, достойное упоминания.

— Господин Тарв, — сказал Гаррик, и в его голосе впервые появилась усталость, — вы умный человек. Поэтому должны понимать: мы всё равно заберём предмет. Вопрос только в том, уйдёте ли вы отсюда целыми и с вашими бумагами.

Ардея передёрнуло.

Мейра подняла голову.

— Гаррик.

— Я сказал то, что есть.

— Можно было мягче.

— Мягче — дольше.

Лукан смотрел на старшего искателя. Он видел перед собой не убийцу и не грубого разбойника. Гаррик Вейн был куда опаснее: он был человеком, который давно отделил совесть от ремесла и держал их в разных карманах, чтобы одна не мешала другому.

— Кто ваш заказчик? — спросил Лукан.

— Человек, у которого хватает денег на молчание.

— Деньги редко покупают молчание навсегда.

— Навсегда и не требуется. Обычно достаточно до следующего заказа.

Рикард двинулся ближе к пластине, но Лукан сделал шаг и оказался между ним и маячком.

Вейр-08 вышел из кобуры почти лениво.

Не было ни щелчка взвода, ни театрального жеста. Рикард просто держал пистолет опущенным, направленным в землю, но все увидели длинный ствол, тёмную сталь и короткий блеск деревянной рукояти.

— Прошу не героизировать, — сказал он. — Героизм плохо смотрится на мокрой одежде.

Ардей сжал чемодан так крепко, что побелели пальцы.

— Лукан...

Тарв не обернулся.

Несколько секунд длилось молчание.

Где-то в стороне капала вода. Ветер шевелил мокрую траву у фундамента. Над руинами Вирна поднималась Лиара, и её голубой свет холодно лежал на лицах живых и на камнях дома, где сто лет пролежали мёртвые.

Наконец Лукан отступил на полшага.

— Забирайте вашу находку, — сказал он. — Но знайте: вы уносите не вещь, а вопрос.

— Вопросы легче вещей, — ответил Рикард.

— Не этот.

Мейра подошла к пластине уже осторожнее. Она вынула из свёртка тонкие инструменты и начала освобождать предмет из камня. Работа оказалась труднее, чем ожидала: маячок не лежал на фундаменте, а был вмурован в него, будто дом строили вокруг чужой детали. Несколько раз металл вспыхивал мутным светом, и всякий раз голос повторял:

— Где Четвёртая бездна?..

— Замолчи уже, красавец, — прошептала Мейра.

— Он не замолчит, — сказал Лукан.

— Вы специалист по говорящим пластинам?

— С сегодняшнего дня, возможно.

Она взглянула на него и неожиданно улыбнулась.

— Жаль, что мы встретились при таких обстоятельствах. Вы были бы полезным человеком в другой работе.

— В работе с вашим заказчиком?

— В работе, где задают меньше вопросов и лучше платят.

— Боюсь, я испорчен профессией.

— Все мы чем-нибудь испорчены.

Наконец камень поддался. Из фундамента вышел не плоский лист, как сперва думали Лукан и Ардей, а небольшой повреждённый механизм: вытянутый, многослойный, с треснувшим ребром и тусклыми круговыми знаками. Пластина была лишь его наружной стороной. Внутри, в узких щелях, мерцали слабые золотистые жилы, похожие на застывшие молнии.

Даже Рикард перестал улыбаться.

— Вот это уже похоже на гонорар, — сказал он тише обычного.

Гаррик достал из своей сумки свинцово-серый футляр, высланный тёмной тканью.

— Внутрь.

Мейра осторожно уложила маячок. В тот миг, когда крышка футляра начала закрываться, механизм заговорил громче, словно сопротивляясь темноте:

— Где Четвёртая бездна?.. Где Четвёртая бездна?.. Где...

Крышка захлопнулась.

Голос оборвался.

И тишина, наступившая после него, оказалась страшнее.

Лукан смотрел на футляр в руках Гаррика.

— Вы не понимаете, что забираете.

— Возможно.

— Тогда зачем?

— Кто платит тот и понимает

— А если они ошибаются?

Гаррик убрал футляр в сумку.

— Тогда это будет уже их ошибка.

— Нет, — сказал Лукан. — Вы же понимаете что в случае чего - вина ляжет и на ваши плечи?

На лице Гаррика мелькнуло что-то похожее на раздражение — не от угрозы, а от того, что слова попали в место, где он не желал их чувствовать.

— Мы уходим, — сказал он.

Рикард, не выпуская пистолета из руки, отступил назад. Мейра застегнула сумку с инструментами. Перед тем как уйти, она посмотрела на Ардея.

— Держите чемодан крепче, корреспондент. По лицу вашего господина видно, что в нём что-то важное.

Ардея будто окатили холодной водой.

Лукан едва заметно улыбнулся.

— Благодарю вас за совет. Он прозвучал почти бескорыстно.

— Я сегодня добрая.

— Надеюсь, это не временное заболевание.

Мейра засмеялась и пошла вслед за Гарриком.

Через несколько минут троица исчезла между печами и мокрыми кустами. Только Рикард на краю бывшей улицы обернулся, помахал им пистолетом, как шляпой, и сказал:

— Не печальтесь, господа. У вас осталась история. А у нас — вещь. Каждому своё.

Потом и он растворился в тумане.

Ардей опустил на ближайший камень.

— Мы позволили им забрать его.

— Мы позволили им не застрелить нас, — сказал Лукан.

— Это, конечно, практичнее, но звучит хуже.

Лукан подошёл к месту, где находился маячок. В камне осталась пустая выемка, неправильная, тёмная, похожая на рану. Голоса больше не было. Свет Лиары падал на фундамент, но уже ничто не отвечало ему изнутри.

— Что теперь? — спросил Ардей.

Лукан долго молчал.

Он думал о старом провидце, о мёртвом Эмиле Роуде, о листах в металлическом чемодане, о голосе, спрашивавшем не у людей и всё же услышанном людьми. Думал о троих искателях, которые унесли сломанный маяк, сами не зная, что вынесли из Вирна часть чужой звёздной памяти. Думал о том, что где-то существует заказчик, который собирает такие вещи не ради суеверия и не ради праздного богатства.

Наконец он повернулся к Ардею.

— Теперь мы начнём расследование.

— Мы его ещё не начали?

— До сих пор мы только нашли дверь.

— А они унесли ключ.

— Не весь.

Лукан положил руку на металлический чемодан.

— У нас есть слова Маара. А слова, Ардей, иногда живут дольше металла. Особенно если сделать достаточно копий.

Ардей посмотрел на чемодан, потом на пустое место в фундаменте.

— Значит, обратно в Марцеллию?

— Сначала — в ближайший город. Нужно снять копии с интервью. Несколько. В разных руках. Потом — в редакцию.

— А если они придут и за бумагами?

— Поэтому мы и не повезём им единственный экземпляр.

Ардей кивнул. Вид у него был усталый, грязный, но в глазах появилось то самое выражение, которое делает из стажёра корреспондента: страх ещё оставался, но рядом с ним уже стояло упрямство.

— Господин Тарв.

— Да?

— Можно я запишу в дневнике, что сегодня журналистика проиграла пистолету, но сохранила чемодан?

Лукан улыбнулся впервые за долгое время.

— Запишите лучше: журналистика временно уступила дорогу, чтобы не потерять направление.

— Это звучит как заголовок, который никто не поймёт.

— Значит, достойно нашего отдела.

Они ещё раз спустились в погреб. Перед уходом Ардей сделал снимок тел, чемодана и пустого места у стены, где лежали обломки старого пожара. Магниева вспышка осветила погреб белым коротким светом, и на миг лица мёртвых, казалось, снова выступили из темноты не как останки, а как свидетели.

Лукан снял фуражку.

— Мы вернёмся за вами, господа, — сказал он тихо.

Ардей не стал спрашивать, обещание ли это мёртвым или самому себе.

Когда они вышли из дома провидца, дождь прекратился окончательно. Над Вирном стояли две луны. Морн смотрел сверху своим чёрным пятном, неподвижным и слепым. Лиара, голубая и чистая, освещала дорогу назад.

Лукан взял металлический чемодан у Ардея, чтобы тот мог поправить ремень камеры. Потом они пошли через мёртвую деревню к лесной дороге.

За их спинами Вирн снова погрузился в тишину.

Но теперь эта тишина уже не была ожиданием.

Она была следом.

Глава 6. Фальшивая «Аурелия»

87-й день Времени Багряных Ветров, 1999 год Седьмой эпохи

«Человек, который умеет остановить войну словом, опаснее генерала. Генерала можно победить на поле; такого человека приходится сперва заставить замолчать».

Из закрытой записки неизвестного лица, найденной позднее в архивах Арденнской Короны

Поезд шёл на восток, к границе Орвальдской Державы.

Снаружи тянулись мокрые равнины Арденнии: бурые поля, низкие перелески, деревни с тёмными крышами, редкие станции, где под навесами стояли крестьяне, солдаты, торговцы и чиновники в дорожных пальто. Время Багряных Ветров уже вступило в свои права. Листва на придорожных деревьях поредела, трава легла под дождями, и весь край казался выцветшим, будто сама земля устала от ожидания зимы.

Вагон полномочного представителя Арденнской Короны был прицеплен ближе к середине состава. Снаружи он не отличался особой роскошью: тёмно-зелёные панели, латунные ручки, герб Короны у двери, две охранные площадки. Внутри же царил та сдержанная дороговизна, которую любят старые государства: тяжёлое дерево, мягкая кожа, занавески глубокого синего цвета, письменный стол, закреплённый у окна, и маленький серебряный чайник, неуместно мирный среди чемоданов, папок и запечатанных дипломатических бумаг.

Аврелий Крейн сидел у окна и читал газету.

Ему было пятьдесят шесть лет. Высокий, худощавый, с редкими седыми волосами и лицом, на котором усталость давно уже стала не слабостью, а выражением характера, он походил на человека, привыкшего жить среди чужого гнева. Годы научили его слушать угрозы без движения бровей, отвечать на оскорбления так, чтобы оскорбивший благодарил за возражение, и молчать в те минуты, когда одно лишнее слово могло стоить тысячи жизней.

Во многом благодаря ему Арденнская Корона и Орвальдская Держава ещё не воевали.

Обе страны слишком долго смотрели друг на друга через линию укреплений, газетных выпадов, торговых запретов и взаимных обвинений. Арденнские фабриканты говорили об орвальдской угрозе. Орвальдские министры — об арденнской зависти к эониту. Оружейники обеих сторон не спорили ни с кем: они просто строили новые цеха.

И всё же война не начиналась.

Пока.

Напротив Крейна сидел Самир Дален, молодой стажёр дипломат из Южной Марки. Он был темнокож, строен, с живыми внимательными глазами и той юношеской собранностью, за которой обычно прячется желание не показаться юным. В Арденнской Короне таких людей держали в канцеляриях годами, прежде чем допустить к настоящему делу; но Аврелий Крейн взял его с собой на саммит пяти государств Арденнии, решив, что опыт переговоров нельзя получить из инструкции.

Самир держал в руках номер газеты и, судя по нахмуренному лбу, читал не светскую хронику.

— Опять о подводной лодке? — спросил Крейн, не отрываясь от своего листа.

— Да, господин полномочный представитель. Здесь пишут, что опытное судно Арденнского морского ведомства прошло под водой почти три мили и всплыло без повреждений.

— Газеты всегда уточняют «без повреждений», когда повреждения были, но их удалось спрятать.

Самир улыбнулся.

— Вы не верите в успех изобретения?

— Я слишком долго служу государству, чтобы верить в газетный успех. Но в само изобретение верю. Люди неизбежно научатся ходить под водой так же, как научились подниматься в воздух. Вопрос только в том, что они повезут с собой: приборы для наблюдений или мины.

— Автор статьи называет подводную лодку торжеством человеческого разума.

Крейн сложил газету и посмотрел на стажёра поверх очков.

— Всякое изобретение, Самир, сперва называют победой разума. Потом приходит военный министр и спрашивает, сколько людей оно способно убить.

Самир смутился, но не отвёл взгляда.

— Но ведь без новых машин Орвальдская Держава стала бы ещё опаснее. Если одна сторона усиливается, другая вынуждена отвечать.

— Это самая старая лестница в мире. По ней поднимаются все державы, уверяя себя, что идут только до следующей ступени. Потом оглядываются и видят пропасть.

— А если не подниматься?

— Тогда тебя столкнут те, кто поднялся раньше.

Самир помолчал.

— Вы говорите так, будто выхода нет.

— Выход есть почти всегда. Только он редко бывает удобен для людей, которым выгодна безвыходность.

За окном мелькнул маленький полустанок. На мокрой платформе стояли двое мальчишек и махали поезду. Один поднял шапку высоко над головой. Самир улыбнулся и помахал в ответ, хотя дети едва ли могли его увидеть за стеклом.

Крейн наблюдал за этим коротким жестом с едва заметной мягкостью.

— Вот ради них и приходится ездить на саммиты, — сказал он.

— Ради мальчишек на станциях?

— Ради тех, кто ещё не знает, как легко взрослые люди учатся ненавидеть соседей по карте.

Самир хотел ответить, но дверь купе отворилась. Вошёл секретарь Крейна, поклонился и подал запечатанную служебную записку.

— Со станции Лаэн-Руд, господин. Передано телеграфом перед отправлением.

Крейн вскрыл записку, пробежал глазами строки и устало вздохнул.

— Уже началось.

— Что именно? — спросил Самир.

— Газетная подготовка к провалу переговоров. «Орвальдская сторона отказывается признать законные опасения соседей». «Корона не может вечно терпеть эонитовый диктат». «Пять государств Арденнии потребуют гарантий». Слова, Самир. Слова, уже построенные в боевые порядки.

— Вы сможете их остановить?

Крейн улыбнулся без веселья.

— Я попытаюсь сделать то, за что мне платят: убедить людей, что мир дешевле победы.

— А если они не захотят слушать?

— Тогда придётся говорить так, чтобы им стало выгодно слушать.

Он снова взял чашку. Чай давно остыл, но Крейн сделал глоток, как человек, привыкший не замечать малых неудобств. Поезд шёл ровно. Колёса мерно отбивали стук за стыком; стекло дрожало; где-то впереди коротко свистнул паровоз.

Над составом, высоко за облаками, уже ждали другие люди.

Дирижабль шёл с запада, скрываясь в низких тучах.

Он не был «Аурелией». Ни по конструкции, ни по происхождению, ни по душе, если у машин бывает душа. Настоящую «Аурелию» построили аэларские мастера Лиар-Вейна для

Гильдии Дальних Карт: лёгкую, стремительную, точную, созданную для наблюдения, измерения и долгих переходов над неизвестной землёй.

Этот аппарат был грубее. Его корпус переделали поспешно, хотя и умело. Обводы изменили накладными панелями, кормовые стабилизаторы перекрасили, гондолу обшили тонкими листами голубовато-серого металла, а на борту крупными тёмно-синими буквами вывели имя: "Аурелия"

Те, кто увидит его снизу, не станут сравнивать заклёпки, форму двигателей и линии гондолы. В небе люди читают не чертежи, а имена.

Внутри гондолы находились четверо.

Все четверо были одеты как картографы: дорожные куртки, ремни с планшетами, кожаные футляры для приборов, свёрнутые карты, защитные очки. На одном висел знак, похожий на эмблему Гильдии Дальних Карт; знак был поддельным, но с расстояния выглядел убедительно. Даже кожаные перчатки и штормовые плащи были выбраны так, чтобы свидетели потом сказали: «Люди с дирижабля походили на учёных».

Их имена в этой истории пока не имели значения. Значение имело поручение.

— Состав виден, — сказал рулевой.

Один из заговорщиков, стоявший у бокового окна с полевым биноклем, кивнул.

— Средний вагон. Герб Короны на двери. Охрана на площадках.

— Высота?

— Снижаемся.

Эонитовые регуляторы загудели ниже. Дирижабль медленно вышел из туч. Под ним раскрылась железная дорога: тёмная нить среди бледных полей, мокрых перелесков и редких крестьянских домов. По этой нити двигался поезд — маленький, упрямый, ещё не знающий, что уже стал частью чужого плана.

— Помните, — сказал старший, — удар должен выглядеть как месть. Не как военная операция.

— Слишком много точности для мести, — буркнул второй.

— Газеты любят точность, когда она подтверждает их заголовок.

У задней части гондолы находился подъёмник: узкая металлическая площадка на тросах, рассчитанная на одного человека и груз. В мирной экспедиции такая вещь могла бы служить для спуска наблюдателя к скале, деревьям или ледяному уступу. Здесь она была нужна для другого.

Бомба лежала в свинцово-сером кожухе, обязанная ремнями. Её не собирали в гондоле и не обсуждали вслух. Люди, которые знали, как устроены такие вещи, находились далеко; те, кто был здесь, должны были только доставить её вниз и отпустить в нужный миг.

Один из заговорщиков закрепил ремень на груди, проверил карабин и встал на площадку.

— Ниже, — сказал он.

Тросы скрипнули.

Площадка пошла вниз.

Ветер ударил ему в лицо. Гондола осталась над головой; под ногами, всё ближе, стучал поезд. Впереди паровоз выбрасывал дым, вагоны качались на повороте, блестели мокрые крыши. Человек на подъёмнике видел теперь больше, чем любой свидетель снизу: видел, как охранник на площадке поднял голову; видел, как из окна соседнего вагона кто-то показал пальцем на дирижабль; видел, как на боку гондолы, чуть выше него, мрачно и чётко читалось чужое имя — «Аурелия».

— Ещё ниже, — сказал он в переговорную трубку.

Тросы вытянулись.

В вагоне Крейна чайник звякнул о блюдце.

Самир поднял голову.

— Вы слышите?

— Что?

— Гул.

Крейн прислушался.

Сначала он решил, что это шум моста или встречного состава. Но звук шёл сверху: ровный, низкий, незнакомый железной дороге. Стекло окна едва заметно задрожало. Секретарь, сидевший в соседнем отделении, отодвинул занавеску и выглянул наружу.

— Дирижабль, господин.

Крейн нахмурился.

— Здесь?

Самир уже стоял у окна.

— Он снижается.

Поезд вышел из перелеска на открытую равнину. Тучи над ним расходились ключьями, и в одном из разрывов показался корпус дирижабля. Он шёл низко, слишком низко для обычного перехода. На мгновение тень его легла на поле рядом с путями, вытянулась, дрогнула, пересекла крышу вагона.

Самир прижался к стеклу.

— На борту написано... «Аурелия».

Крейн медленно поднялся.

Он слышал это имя. За последние дни о нём писали несколько газет: Гильдия Дальних Карт получила от Аэларов новейший исследовательский дирижабль. Скоростной. Эонитовый. Построенный для разведки неизведанных земель. Предмет гордости Меридии — и раздражения тех, кто считал, что независимые учёные слишком много позволяют себе в мире государств.

— Почему он здесь? — спросил Самир.

Крейн не ответил.

Он увидел подъёмник.

Тонкая площадка на тросах спускалась из гондолы, раскачиваясь над поездом. На ней стоял человек в одежде картографа. Что-то тяжёлое висело у него сбоку.

— Господин, нужно перейти в другой вагон.

Крейн посмотрел на Самира.

— Ложитесь на пол.

— Но...

— Немедленно.

Эти слова были сказаны тем голосом, каким дипломат, привыкший к залам и столам переговоров, однажды всё же отдаёт приказ.

Самир не успел выполнить его.

Снаружи что-то отделилось от площадки.

Крейн увидел планирующий тёмный предмет. Удивительно ясно, почти спокойно увидел: мокрый воздух, железные крыши соседних вагонов, поднятое лицо охранника, белые пальцы секретаря на дверной ручке, чашку с остывшим чаем, которая медленно ползла по столу от качки.

Потом мир стал золотым.

Не красным, не огненным, как при обычном взрыве, а мутно-золотым, ослепительным и густым, будто сама руда, ради которой государства готовились грызть друг другу горло, на мгновение раскрыла своё настоящее сердце.

Удар пришёл не звуком.

Сначала исчез воздух.

Потом исчезла тяжесть.

Потом всё остальное...

Катастрофу увидели с трёх деревень, двух сторожевых будок и одной водонапорной станции.

Позднее свидетели будут путаться. Одни скажут, что дирижабль был голубым. Другие — серым. Одни уверяли, что видели на его борту четырёх человек; другие клялись, что только одного, спускавшегося на тросах. Кто-то утверждал, будто слышал крик. Кто-то — что после вспышки не слышал уже ничего, кроме собственного сердца.

Но в одном сходились все: на борту было написано «**Аурелия**».

Взрыв сошёл на составе, как кулак. Средние вагоны разнесло и опрокинуло. Рельсы выгнуло, землю вспорол, паровоз протащило ещё несколько десятков саженей, прежде чем он сошёл с пути и лёг на бок, выбрасывая пар и угольную пыль. Деревянные панели дипломатического вагона вспыхнули сразу. Латунь почернела. Стекло обратилось в пыль. Бумаги, занавески, кожа кресел, дорожные сундуки, человеческая одежда — всё смешалось в огне и дыму.

Когда первые крестьяне и железнодорожные служащие подбежали к месту, спасти было почти некого.

Охрана погибла. Секретарь погиб. Молодой дипломатический стажёр Самир Дален погиб. О вагоне Аврелия Крейна говорили только шёпотом: там не осталось ничего, что можно было бы назвать телом с уверенностью. Нашли обгоревшую дипломатическую печатку, край часов, металлическую оправу очков и расплавленный гербовый знак Арденнской Короны.

Этого оказалось достаточно.

К вечеру телеграфы уже работали без отдыха.

К полуночи в редакциях Вестарии и Арденнии набирали первые строки.

К утру вся Эонира знала то, что ей предстояло узнать:

АВРЕЛИЙ КРЕЙН ПОГИБ.

ДИРИЖАБЛЬ «АУРЕЛИЯ» АТАКОВАЛ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ПОЕЗД.

ГИЛЬДИЯ ДАЛЬНИХ КАРТ ПОД ПОДОЗРЕНИЕМ.

МЕСТЬ ЗА СУКОННОЕ ЭМБАРГО?

Газеты не задавали вопросов осторожно. Осторожные вопросы плохо продаются в утро после катастрофы. Уже к полудню некоторые листки писали не «предположительно», а «очевидно»; не «неизвестный дирижабль», а «аппарат Гильдии»; не «покушение», а «научный мятеж против законной власти».

В Арденнской Короне толпы собирались у правительственных зданий. У оружейных заводов рабочие бросали смены, чтобы слушать уличных ораторов. В парламентских коридорах люди, ещё вчера осторожно говорившие о необходимости расследования, теперь требовали возмездия. Портреты Аврелия Крейна, отпечатанные чёрной краской, появились в витринах рядом с траурными лентами.

Те, кто при жизни называл его слабым, уступчивым и чрезмерно мягким к Орвальду, теперь говорили о нём как о мученике Короны.

Те, кому его миротворчество мешало, первыми произнесли слово «честь».

А далеко от столичных площадей, на Меридии, в кабинете Первого консула Элиана Ворна, телеграфная лента легла на стол узкой белой полосой.

Элиан прочёл сообщение один раз.

Потом второй.

Потом поднял глаза на карту, где маленькая Меридия лежала в Лиарском океане между державами, армиями, газетами и чужими планами.

Он уже знал: правда снова опоздала.

И на этот раз её опоздание могло стоить мира.

Глава 7. Первая проба.

Первый консул задремал и очутился снова в 1959 году...

Элиан Ворн стоял на краю воронки.

Перед ним лежала не шахта и не место происшествия. Перед ним была рана, нанесённая самой земле. Огромная, чёрная, неровная, она разверзлась там, где ещё несколько дней назад стояли копры, бараки, угольные склады, контора мастера и подъездная дорога. Теперь всё это исчезло. Не разрушилось, не обвалилось, не сгорело по-человечески, а будто было вырвано из мира, смято и возвращено обратно в виде оплавленных камней, перекрученного железа и стекловидной смолы.

На две мили вокруг не осталось ни деревьев, ни кустов, ни травы. Лес не был повален ветром и не обгорел по краю, как бывает после обычного пожара. Он кончился сразу, резкой чёрной чертой. За этой чертой начиналась мёртвая поверхность: плотная, блестящая, смолянистая, местами растрескавшаяся от жара. Под ногами она звенела глухо, как плохо обожжённая керамика.

Серый Венец поднимался на западе неподвижной грядой. В его склонах ещё лежала утренняя тень, и оттого горы казались не свидетелями случившегося, а судьями, не произнёсшими приговора.

Элиан снял перчатку, опустился на одно колено и осторожно коснулся чёрной поверхности кончиками пальцев. Она была холодной.

Это удивило его сильнее, чем жар удивил бы всякого другого.

— Селина, — сказал он, не оборачиваясь, — запишите в журнал время первичного осмотра.

За его спиной сразу зашуршала бумага.

Селина Арвейн стояла чуть поодаль, у складного походного столика, который Кассен Лоран поставил на единственном участке земли, ещё не превратившемся в чёрный стеклянистый наст. Ей было двадцать пять лет. Светлое дорожное платье она закрыла серым рабочим плащом, волосы убрала под простую шляпу, а рука её уже держала карандаш так уверенно, будто среди выжженной пустоты она находилась не впервые. В этом спокойствии не было равнодушия; скорее дисциплина, которой человек заслоняется от страха.

— Двадцать третий день Времени Высокого Солнца, — произнесла она. — Девятый час утра. Первичный осмотр воронки Нор-Карн. Руководитель группы — консул Элиан Ворн.

— Добавьте: зона поражения приблизительно две мили от предполагаемого центра реакции. Почва оплавлена. Растительность отсутствует полностью. Обычных следов угольного пожара не наблюдается.

— Записано.

Элиан поднялся.

У края воронки работали остальные. Борн Кальд, старший охранник, стоял ближе к дороге и наблюдал за людьми Орвальдского горного управления, словно каждый из них мог оказаться причиной второго взрыва. Его напарник, Тавий Ренк, уже дважды обходил периметр и теперь спорил с орвальдским жандармом о том, почему никто не должен заходить в центр без разрешения консула.

Мауриц Грейн, геолог старой школы, присел у обломка породы и рассматривал его через лупу. Лицо его было недовольным: земля, насколько он привык, должна была объясняться давлением, пластами, жилами, водой, жаром и временем. Здесь же что-то отказалось повиноваться привычному словарю геологии.

Рядом с ним Ирвин Солт, молодой геолог, молчал и смотрел не на камни, а на пустоту. В этом молчании Элиан уже угадывал не растерянность, а зарождающееся понимание: они стояли перед явлением, которому ещё не придумали правильного имени.

Кассен Лоран делал первый общий чертёж воронки, отмечая радиусы, перепады, предполагаемое положение шахтного ствола и направление выброса. Доктор Эдвин Роус осматривал останки тех, кого удалось найти у дальнего края зоны поражения. Нестор Фальк, фотограф, устанавливал камеру на чёрном насте и каждый раз перед спуском затвора вытирал с объектива мелкую серую пыль, хотя ветра почти не было.

Пыль поднималась сама.

— Мне нужны записи двух курьеров из шахты, — сказал Элиан. — Тех, кто успел отправить образцы в столицу до опыта.

Селина подняла глаза.

— Они в пакете горного управления, консул. Я отделила их от общих показаний.

— Хорошо. Отметьте отдельно: нам необходимо знать, в какой массе минерал был доставлен сюда для нагревания. Не приблизительно. Не «кусочек величиною с кулак». Масса, форма, способ хранения, расстояние до угля, наличие металлических инструментов рядом, всё.

— Запишу как срочное требование.

— И по прибытии в лабораторию напомните мне связаться с их уполномоченными. Мне нужно всё оборудование, какое только есть у Орвальдской Державы по последнему слову техники. Химики, физики, врачи, механики, горные инженеры. Пусть подключают все области. Если придётся — пусть плывут на острова Аэларов и нанимают их прибористов.

Селина на мгновение задержала карандаш.

— Вы думаете, это настолько важно?

Элиан посмотрел на воронку.

— Нет, госпожа Арвейн. Я боюсь, что слово «важно» слишком мало.

Она ничего не ответила и записала.

К ним подошёл человек в дорогом дорожном пальто, слишком чистом для этого места. По лицу, по перчаткам, по тому, как два сопровождающих держались в нескольких шагах позади, Элиан понял: не инженер и не чиновник среднего ранга. Человек с капиталом. Или человек, говорящий от имени капитала.

— Консул Ворн? — спросил он.

— Да.

— Лаврен Дорст, уполномоченный промышленного совета западных рудных округов.

Элиан поклонился сдержанно.

— Вы выбрали странное место для знакомства, господин Дорст.

— Обстоятельства не оставляют нам удобств. Я хотел бы знать, как скоро Гильдия сможет дать предварительное заключение.

— Не раньше, чем появятся основания для заключения.

Дорст улыбнулся. Улыбка была хороша: ровная, выдержанная, привычная к кабинетам, где люди соглашаются прежде, чем понимают, на что именно.

— Разумеется. Но державе необходимо понимание. Паника уже распространяется. Если общественность узнает о масштабе происшествия без должного объяснения, последствия могут быть неприятны.

— Для кого?

— Для всех.

— Обычно, когда говорят «для всех», имеют в виду нескольких людей с большими долями в шахтах.

Селина чуть опустила голову над журналом. Возможно, чтобы скрыть выражение лица.

Дорст не изменился.

— Вы молоды, консул Ворн. И потому, вероятно, считаете прямою достоинством во всех случаях. Но открытия такого рода требуют не только науки, но и управления впечатлением.

— Я занимаюсь не впечатлением, а причиной взрыва.

— Причина может быть изложена осторожно.

— Осторожность в формулировках не должна становиться ложью.

— Никто не просит вас лгать. Мы просим не убивать будущее раньше времени.

Эти слова заставили Элиана замолчать.

Дорст заметил это и продолжил уже тише:

— Если найденное вещество обладает хотя бы десятой долей той силы, о которой говорят первые расчёты, оно изменит всё. Машины, свет, транспорт, медицина. Вы ведь учёный, консул. Разве вам не ясно, сколько человеческих бед можно будет исцелить такой энергией?

Элиан медленно повернулся к воронке.

— Я как раз думаю о бедах, господин Дорст.

— Тогда помогите нам направить открытие верно.

— Вам?

— Державе. Промышленности. Миру.

Слово «мир» прозвучало слишком удобно.

Элиан почувствовал, как внутри него возникает первый настоящий страх. Не перед воронкой. Не перед чёрной поверхностью. Не перед неизвестной рудой. Перед тем, что люди уже начали говорить о будущем так, будто оно принадлежит им по праву первого кошелька.

— Предварительное заключение будет составлено после лабораторных проб, — сказал он. — До тех пор ни один образец не покинет защищённого хранения. Ни один опыт не будет проведён без протокола. Ни одно промышленное лицо не получит доступа к руде.

Дорст слегка сузил глаза.

— Вы берёте на себя большую ответственность.

— Нет. Я пытаюсь не отдать её тем, кто пришёл за ней слишком быстро.

Некоторое время они смотрели друг на друга.

Потом Дорст поклонился.

— Надеюсь, Гильдия не станет препятствием для прогресса.

— Прогресс редко нуждается в помощи тех, кто торопит его к пропасти.

Дорст ушёл.

Селина подняла глаза от журнала.

— Это тоже записать?

Элиан впервые за утро слабо улыбнулся.

— Нет. Это оставим для личного раскаяния.

— Вы уже предполагаете, что оно понадобится?

Он хотел ответить легко, но не смог.

Перед ним лежала чёрная воронка, а за ней — что-то большее: города, освещённые мутно-золотым светом; больницы, где умирающие поднимаются с постели; машины, идущие без угля; корабли, не ждущие ветра. И тут же — орудия, снаряды, железные составы, военные министры, люди вроде Дорста, умеющие называть жадность будущим.

В этом камне было слишком много завтрашнего дня.

Достаточно, чтобы лечить.

Достаточно, чтобы уничтожать.

— Да, госпожа Арвейн, — сказал он наконец. — Боюсь, понадобится.

Первую пробу провели вечером.

Элиан настоял, чтобы для опыта использовали не образец, а крупницу, едва видимую на стеклянной чашечке. Мауриц Грейн назвал такую осторожность почти суеверной. Ирвин Сольт, напротив, промолчал и отошёл на два шага дальше, чем требовалось.

Лабораторию устроили во временном каменном здании при горном управлении. Окна заложили щитами. Внутреннюю комнату очистили от лишних предметов. Образец поместили за толстое защитное стекло; рядом установили измерительные приборы, часть которых привезли орвальдцы, часть — группа Гильдии. Нестор Фальк закрепил камеру в углу, чтобы снять не людей, а сам ход реакции. Доктор Роус, недовольно качая головой, подготовил перевязочные средства и воду, хотя прекрасно понимал: если повторится хотя бы малая часть Нор-Карна, вода не поможет никому.

— Мы не повторяем нагревание, — сказал Элиан. — Не сегодня. Сначала наблюдение без воздействия. Затем свет. Затем слабое механическое давление. Затем близость металлов. Каждая проба отдельно. Между пробами — полный осмотр.

— Вы обращаетесь с песчинкой так, будто она государственный преступник, — буркнул Мауриц.

— Государственный преступник обычно не уничтожает две мили земли за один день, — ответила Селина, не поднимая глаз от журнала.

Мауриц посмотрел на неё с удивлением, потом хмыкнул.

— У вашего ассистента острый карандаш, консул.

— Поэтому я и взял её с собой.

Селина сделала вид, что не слышит.

Элиан подошёл к стеклу.

Крупница лежала на белой поверхности, мутно-золотистая, неприметная, почти жалкая. Трудно было поверить, что вещество такого цвета могло вырвать из земли шахту, людей, лес и дорогу. В обычном свете она казалась мёртвой. Но когда Нестор направил на неё узкий луч лампы, внутри крупницы дрогнуло нечто похожее на ответ.

— Записать: при направленном свете наблюдается внутреннее свечение, — сказал Элиан.

— Цвет? — спросила Селина.

— Мутно-золотой. Неровный. Не отражение. Скорее собственная реакция.

Ирвин Сольт шагнул ближе.

— Она не просто отражает. Она будто принимает свет и удерживает его.

— Осторожнее с поэзией, коллега, — сказал Мауриц.

— Иногда поэзия появляется там, где терминов ещё нет, — ответил Элиан.

Селина записала и это.

Когда к крупнице поднесли тонкую пластинку железа, стрелка ближайшего прибора дрогнула. Совсем немного. Но дрогнула.

Потом вторая.

Потом третья.

В комнате стало тихо.

— Убрать металл, — сказал Элиан.

Тавий Ренк, назначенный помогать при механике опыта, осторожно отвёл держатель назад.

Стрелки вернулись почти к прежнему положению.

— Повторить с медью. Но расстояние увеличить вдвое.

Опыт повторили.

Реакция была слабее, но всё же была.

Элиан почувствовал, как холодеют пальцы.

— Она взаимодействует не только с теплом, — сказал Ирвин.

— Мы ещё не знаем, с чем она взаимодействует, — резко произнёс Элиан.

Резкость вышла сильнее, чем он хотел. Ирвин отступил.

Селина подняла глаза.

Элиан медленно выдохнул.

— Запишите: природа реакции неизвестна. Тепловые опыты до дальнейшего распоряжения запрещены.

— Записано.

За стеной кто-то прошёл по коридору. Голоса промышленников, чиновников и орвальдских представителей не доходили сюда отчётливо, но их присутствие чувствовалось, как давление воздуха перед грозой. Все они ждали. Одни — заключения. Другие — разрешения. Третьи — возможности первыми прикоснуться к будущему.

Элиан смотрел на крупницу эонита.

Теперь он уже почти не сомневался: это вещество не было обычной рудой. Оно не хранило силу так, как уголь хранит огонь или порох хранит взрыв. Оно словно вступало в отношения с миром — светом, металлом, давлением, возможно, жизнью, — и отвечало на них по законам, которые ещё только предстояло открыть.

Врач Роус подошёл ближе.

— Консул.

— Да?

— Если такая реакция управляема, медицина получит источник энергии для приборов, каких у нас ещё нет. Тепло без печи. Свет без дыма. Возможно, воздействие на ткани, на заражение, на кровь. Я не говорю, что это безопасно. Но...

— Но вы уже видите больницы, — сказал Элиан.

Роус кивнул.

— Да.

Мауриц Грейн сложил руки на груди.

— А военные увидят снаряды.

Никто не возразил.

Селина перестала писать.

Вот она, подумал Элиан. Первая настоящая формула эонита. Не химическая. Не физическая. Человеческая.

Врач видит лечение.

Геолог — источник.

Промышленник — прибыль.

Солдат — оружие.

А учёный обязан увидеть всё сразу и не сойти с ума от полноты картины.

— На сегодня достаточно, — сказал он.

— Мы только начали, — возразил Мауриц.

— Именно поэтому достаточно. Запечатываем образец. Журнал — ко мне. Все копии протокола — только через меня. Завтра продолжим.

— Под давлением? — спросил Ирвин.

— Завтра — только наблюдение повторяемости. Давление позже. Нагревание — после отдельного решения. Возможно, никогда.

Мауриц хотел возразить, но встретился с взглядом Элиана и промолчал.

Когда остальные начали собирать приборы, Селина подошла к консулу.

— Вы понимаете, что они не позволят вам тянуть долго?

— Кто?

— Все.

Он посмотрел на неё.

— Понимаю.

— И всё равно будете тянуть?

— Нет. Буду замедлять тех, кто бежит, не глядя под ноги.

Селина некоторое время молчала.

— Тогда вам понадобится не только наука.

— А что ещё?

— Свидетели. Копии. Союзники. И люди, которые будут помнить, что вы сказали до того, как остальные начнут говорить за вас.

Элиан впервые посмотрел на неё не как на ассистентку, назначенную вести журнал, а как на человека, который понял опасность не хуже него.

— Запишите это, госпожа Арвейн, — сказал он тихо.

— В официальный журнал?

— Нет. Для себя.

Селина чуть улыбнулась.

— Уже записала.

За окном лаборатории темнело. Над Серым Венцом поднимался Морн. Его чёрное пятно смотрело на землю, где люди нашли мутно-золотой камень и ещё не знали, что дали ему имя, которым вскоре будут оправдывать и спасение, и смерть.

Элиан Ворн погасил лампу над столом.

Но зонит за стеклом ещё долго светился в темноте — слабо, ровно, терпеливо.

Словно ждал, когда люди решат, чем он станет.

Постаревший первый консул открыл глаза, по щекам его текли слёзы....

Глава 8. Газета становится барабаном.

88-й день Времени Багряных Ветров, 1999 год Седьмой эпохи

«Я думал, что страшнее всего — найти голос мёртвого человека. Теперь понимаю: куда страшнее услышать, как живые люди в один день начинают говорить голосом войны».

Из дневника Ардея Фенна

Марцелл встретил их криком газетчиков.

Лукан Тарв и Ардей Фенн сошли с утреннего поезда усталыми, помятыми, с дорожной грязью на сапогах и металлическим чемоданом, который за последние сутки сделался для них тяжелее всякого багажа. В нём лежали бумаги Эмиля Роуда, записанное интервью Орена Маара, пророчества, старые листы, запах Вирна и то странное чувство, будто вместе с чемоданом они везут в город не доказательство, а болезнь.

На вокзале было тесно.

Люди стояли у газетных киосков, толпились у телеграфной доски, спорили, вслух читали заголовки, размахивали листками, за которые ещё вчера не дали бы и медного гроша, а сегодня хватали по два, по три экземпляра сразу. У выхода мальчишка-газетчик, красный от холода и важности, надрывал голос:

— Сорок восемь часов до объявления войны!

Другой, постарше, почти перебивая его, выкрикивал:

— Ультиматум Короны! Гильдия Дальних Карт под обвинением!

Третий бежал вдоль платформы, держа над головой свежий номер:

— Убит дипломат! Корона призывает к ответу виновных!

Ардею показалось, что шум вокзала на мгновение отдалился. Он остановился у киоска и уставился на первый лист.

На полосе чёрными буквами было напечатано:

"ОНИ УБИЛИ ПРОПОВЕДНИКА МИРА"

Ниже — портрет высокого худощавого человека с редкими седыми волосами и усталым лицом. Подпись: Аврелий Крейн, полномочный представитель Арденнской Короны. Погиб при атаке на дипломатический поезд.

— Лукан, — тихо сказал Ардей.

Тарв уже читал другой лист.

"ДИРИЖАБЛЬ «АУРЕЛИЯ» АТАКОВАЛ СОСТАВ КРЕЙНАМЕСТЬ ЗА СУКОННОЕ ЭМБАРГО?КАРАТЕЛЬНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ К МЕРИДИИ ОБСУЖДАЕТСЯ В КОРОНЕ"

На третьей полосе, выделенной жирным шрифтом, стояла фраза, от которой Ардей почувствовал холод не от ветра:

"Если Орвальдская Держава, защитница гильдии начнёт мобилизацию, Республика Марцеллия по союзному соглашению обязана последовать за ней."

Родина Лукана и Ардея, ещё вчера занятая рынками, театрами, типографиями, железнодорожными расписаниями и вечными парламентскими спорами, теперь вдруг оказалась в очереди за войной.

Они вышли с вокзала на широкую улицу, ведущую к редакционному кварталу. Марцелл, обычно шумный и самодовольный, в этот день был иным. Газеты висели на стендах, как военные приказы. У витрин спорили мужчины. Женщины задерживались у телеграфных объявлений. Полицейские стояли на перекрёстках не лениво, как прежде, а прямо, с руками у ремней. У дверей добровольческого комитета уже толпились первые юноши.

Тарв шёл быстро, с чемоданом в руке. На его лице не было растерянности. Только та собранная мрачность, с какой человек, увидев обвал, перестаёт спорить о том, упадёт ли камень.

— Сначала копии, — сказал он.

— А потом редакция?

— Нет. Сначала один звонок.

Знакомого Лукана звали Мирон Каст.

Он не был штатным агентом газеты, не служил в полиции, не числился в архивах и вообще, насколько было известно, нигде не числился достаточно долго, чтобы это стало опасным. В разные годы Мирон торговал сведениями для адвокатов, искал пропавших должников, проверял биографии женихов для богатых семейств, доставал старые адреса, подслушивал разговоры в трактирах, дружил с вокзальными носильщиками и знал удивительное количество людей, которые были готовы за небольшую плату вспомнить то, чего официально никогда не видели.

Лукан нашёл телефонную будку у аптекарского дома, бросил монету и назвал оператору номер.

Ардея он оставил с чемоданом у входа.

— Если кто-то подойдёт, кричите, — сказал Лукан.

— И это всё?

— Можно ещё ударить чемоданом.

— Прекрасно. Наконец-то серьёзная журналистская подготовка.

Связь установили не сразу. В трубке трещало, щёлкало, дышало далёкими проводами.

Потом послышался сонный голос:

— Каст слушает.

— Мирон, это Тарв.

— Если вы звоните по поводу войны, я уже ничего не знаю и никого не видел.

— Мне нужны не министры. Мне нужны скауты. Трое. Старший — лет пятьдесят, низкий, широкий, выцветшая борода. Девушка — рыжая, веснушчатая, зелёные глаза. Третий — около тридцати, темноволосый, лысеет, короткая борода, слишком доволен собой.

На другом конце стало тише.

— Вы описываете не уличных воришек.

— Я это заметил.

— Где видели?

— Роудская Республика. Вирн.

— Вирн? Сгоревшая деревня?

— Да.

— Вы умеете выбирать места для отдыха, Тарв.

— Мне нужны имена, связи, кто их мог видеть на континенте, кто делает им бумаги, через какие порты они ходят. Особенно девушка.

— Почему особенно девушка?

Лукан посмотрел через стекло будки на улицу, где мальчишка наклеивал на стенд новый лист с огромным словом УЛЬТИМАТУМ.

— Потому что она запоминается.

Мирон тихо усмехнулся.

— Опасная причина.

— Ещё опаснее предмет, который они унесли. Похож на металлическую деталь неизвестного происхождения.

— Сколько времени?

— У меня нет времени.

— У всех его сегодня нет. Позвоните вечером.

— Раньше.

— Тогда к вечеру я буду знать только то, что можно узнать раньше.

— Этого достаточно.

Лукан повесил трубку.

Когда он вышел, Ардей всё ещё стоял у входа в аптекарский дом, крепко прижимая чемодан.

— Вы выглядели так, будто охраняете государственную казну, — сказал Лукан.

— Судя по всему, государственная казна была бы сейчас менее опасным грузом.

— Идём.

Они сделали копии в маленькой конторе переписчиков у старого моста. Лукан не отдал весь комплект сразу: разделил листы, оставил часть у себя, часть приказал переписать в двух экземплярах, часть запечатал и отправил через надёжного посыльного человеку, который не любил задавать вопросы, если за молчание платили заранее. Ардей хотел спросить, кому именно, но передумал. В этот день незнание казалось не слабостью, а запасной дверью.

Только после этого они направились в редакцию.

Редакция «Марцеллийского вестника» находилась в старом четырёхэтажном здании с облупленной лепниной и новыми телефонными проводами, протянутыми так густо, будто дом поймали в сеть. Внутри пахло типографской краской, мокрой шерстью, табаком, дешёвым кофе и той особенной лихорадкой, которая появляется в редакциях, когда беда ещё не стала историей, но уже стала номером.

Корректоры бегали с полосами. Телеграфист кричал кому-то, что Корона требует ответа в сорок восемь часов. Репортёр из политического отдела спорил с редактором о слове «карательный». Кто-то на лестнице читал вслух список погибших при катастрофе поезда. Машинистки печатали так быстро, словно стук клавиш мог отодвинуть войну.

Шеф корреспонденции Вальтер Роун сидел в своём кабинете с раскрытой газетой на коленях.

Ему было семьдесят лет. Старый, сухой, с густыми седыми бровями и лицом, на котором усталость давно перестала быть временным состоянием, он принадлежал к тому поколению газетчиков, которые ещё помнили войны не по годовщинам. Роун мог быть резок, несправедлив, язвителен и холоден; но Лукан знал, что равнодушным он не был никогда. Просто человек, слишком долго видевший, как правда проигрывает срокам печати, перестаёт говорить о правде торжественно.

— Вы опоздали к концу света, — сказал Роун вместо приветствия. — Он начался без вас.

— Мы привезли материалы, — ответил Лукан.

— Все сегодня привозят материалы. Одни привозят ложь, другие — слухи, третьи — патриотические прокламации. В чём ваше отличие?

— Наши материалы мертвы сто лет.

Роун поднял глаза.

— Это уже любопытнее.

Лукан положил на стол часть копий и несколько оригинальных листов. Ардей поставил металлический чемодан у стены. Вальтер Роун взял первую страницу, потом вторую. Читал быстро, но чем дальше, тем медленнее двигались его глаза.

Когда он дошёл до пророчества о 1999 годе, лицо его стало неподвижным.

Он отложил листы.

— Нет.

— Вы ещё не дочитали.

— Я дочитал достаточно, чтобы понять, что лучше пушу себе пулю в лоб, чем поставлю это в номер.

Ардея передёрнуло.

— Господин Роун, но это же...

— Что? — резко спросил старик. — Правда? Пророчество? Предупреждение? Предсмертная писанина человека, задохнувшегося в погребке сто лет назад? Выберите слово, Фенн. Власти всё равно выберут своё.

Лукан молчал.

Роун постучал пальцами по листам.

— Господа, в мирное время вас сочли бы безумцами. Сейчас вас сочтут вредителями. Подобная публикация в почти военном положении будет названа пропагандой паникёрства. Если вы найдёте лазейку и напечатаете что-то подобное, вы не только лишитесь лицензии корреспондента. Вы можете лишиться головы.

— Значит, мы должны молчать? — спросил Ардей.

— Нет. Вы должны думать, прежде чем заставлять бумагу кричать.

Роун встал и подошёл к окну.

На улице под окнами снова кричали газетчики. Одно и то же слово — война — звучало в разных заголовках, но с каждым разом делалось всё проще, всё привычнее.

— Сейчас правительства будут ждать от нас небывалого патриотического подъёма, — сказал Роун. — Вы понимаете? Не сомнений. Не старых пророков. Не мёртвых деревень. Подъёма.

Он повернулся.

— Скоро, господа, нас вовсе отправят на передовую: снимать героизм наших воинов, писать о славе знамен и печатать такие статьи, после которых мальчишки сами побегут записываться добровольцами. Вы молоды. Вы не помните, как это бывает. А я помню.

Лукан посмотрел на портрет Аврелия Крейна в газете, лежавшей на кресле.

— Газета в такие дни перестаёт быть газетой, — продолжил Роун. — Она становится барабаном.

— А если барабан ведёт людей не туда? — спросил Лукан.

— Тогда хороший газетчик хотя бы пытается стучать не в такт.

— Вы не напечатаете.

— Нет.

— Но оставите копию?

Роун посмотрел на него долго.

— Одну. Не в архиве. У меня.

Лукан кивнул.

Ардею показалось, что это поражение. Но по тому, как Роун осторожно убрал листы в нижний ящик стола и запер его на ключ, он понял: старик не отвернулся. Он просто знал цену преждевременному выстрелу.

— И ещё, Тарв, — сказал Роун. — Если вы ищете тех, кто утащил вашу железку из Вирна, делайте это тихо. Сейчас любой человек с лишними вопросами будет казаться шпионом.

— Я уже начал - сказал Лукан, недоумевая с осведомленности Роуна. Похоже Каст был не только его информатором.

— Разумеется. Было бы странно, если бы вы сначала посоветовались с рассудком.

— Рассудок обычно приходит поздно.

— Зато полиция приходит рано. Помните об этом.

Они вышли из кабинета ближе к вечеру.

В коридоре Ардей остановился.

— Мы проиграли?

— Нет.

— Но он отказался печатать.

— Он отказался хоронить материал вместе с нами.

Ардей подумал и решил, что это почти утешение.

У выхода из редакции они разошлись.

Ардей поехал на окраину, домой к матери и пятнадцатилетней сестре. Его ждал дом, где, вероятно, уже знали о заголовках и где мать постарается не показывать тревоги, потому что семь лет назад отец Ардея ушёл в дальнюю морскую экспедицию и не вернулся. С тех пор правительственные пайки и деньги приходили исправно, словно государство могло расписанием заменить человека за столом.

Лукан пошёл к себе.

Он жил один.

Квартира Лукана находилась на третьем этаже дома у тихой улицы, где днём проходили торговцы, а вечером слышались шаги редких прохожих и звон трамвайного колокольчика с соседнего проспекта. В квартире было всё необходимое и почти ничего сверх того: кухня, стол, два стула, узкая кровать, шкаф, рабочее место с письменной машинкой и тяжёлый настольный телефон «Марцелл-7».

Телефон стоял на столе, как маленький чёрный сторож: лакированное металлическое основание, латунная номерная табличка, вертикальная стойка с круглым микрофоном и отдельная трубка на боковом крючке. Тканевый витой шнур лежал рядом неровным кольцом. Лукан редко пользовался им по личным делам. За десять лет одиночества круг людей, которым можно было звонить вечером, сузился почти до редакции.

Жены давно не было.

Её предательство оставило в нём не рану даже, а пустую комнату, куда он долго не позволял входить никому. Только в последнее время что-то в нём начало оттаивать: не надежда ещё, не желание новой жизни, а слабое удивление, что сердце, оказывается, не умерло окончательно. Но пустота всё ещё занимала слишком много места для новых отношений.

Лукан поставил металлический чемодан на стол.

По дороге домой он купил пару десятков яиц, хлеб и немного овощей. Сложил всё в холодильный шкаф, поставил на плиту турку и дождался, пока по кухне разойдётся густой запах кофе. Потом вернулся к столу.

Тусклая лампа стояла у самой машинки. Её золотистый свет падал на бумаги, на чашку с чёрным кофе, на худое задумчивое лицо Лукана и на его руки, неподвижно лежавшие поверх старых листов.

Помимо уже прочитанного интервью в чемодане оставалось множество материалов: заметки, схемы, рассуждения Орена Маара, обрывки фраз, даты, имена, места, иногда понятные, иногда похожие на бред. Всё это следовало разобрать и решить, что с этим делать. Напечатать нельзя. Спрятать мало. Забыть невозможно.

Вдруг взгляд его остановился на тёмном клетчатом футляре.

Он лежал в боковом отделении чемодана, почти незаметный среди промасленной ткани и пожелтевших папок. Лукан поддел застёжку ногтем. Футляр открылся с тихим сухим щелчком.

Внутри было несколько старых листов, перевязанных узкой лентой.

На ленте неровным, сползающим вниз почерком было написано:

Надеюсь, кто-нибудь раскопает этот склеп.

Старик сидит на стуле — то ли спит, то ли умер.

Деревня горит. Мы заперты. Завалены. Выходы заблокированы. Из щелей уже ползут струйки дыма.

В бумагах старика я нашёл его рассуждения. Странно писать это теперь, но они показались мне подающими надежду.

Во рту горький привкус. Лёгкие уже не могут молчать.

Старик знал, что мы не выйдем отсюда.

Э. Р.

Лукан медленно опустил ленту на стол.

За окном Марцелл шумел предвоенным вечером: где-то кричали газетчики, по мостовой проходили люди, в соседнем доме хлопнула дверь. Всё это было близко, живо, обыкновенно.

А перед ним лежал голос человека, который сто лет назад слушал, как к нему подбирается дым.

Он развязал ленту.

Первые листы оказались не интервью, а записями самого Маара. Даты стояли на полях: 1890, 1891, 1892... Почерк менялся: где-то был ровным, где-то ломался, где-то уходил в почти нечитаемые строки. Но структура оставалась странно ясной. Годы. События. Иногда одно предложение. Иногда целая страница.

Лукан стал читать.

Сначала недоверчиво.

Потом быстрее.

Потом медленнее, потому что недоверие начало мешать меньше, чем страх.

Маар предсказывал кровопролитные войны на южных землях — и они действительно случились. Предсказывал губительную чуму 1912 года, когда города закрывали ворота, а врачи сжигали одежду умерших во дворах больниц. Предсказывал великое наводнение 1936 года, засухи, голод, странные изобретения, гибель кораблей, падение кабинетов, имена людей, которые тогда ещё не родились, но позже появятся в газетах.

Не всё было точно. Не всё понятно. Некоторые записи походили скорее на символы, чем на события. Но слишком многое уже сбылось.

Кофе остыл.

Лампа мигала от нестабильного электричества.

За окном стихли последние газетчики.

Лукан дошёл до 1999 года уже под утро.

На листе было написано:

"Фальшивая причина станет раздором. Мелочь, гибель одного не умершего человека, станет началом массовой резни людей."

Он прочитал строку один раз.

Потом второй.

Аврелий Крейн был мёртв — так писали все газеты. Но Маар писал иначе: не умерший человек.

Лукан откинулся на спинку стула.

Если это было правдой, вся политическая конструкция, построенная за последние сутки, стояла на трупе, которого могло не быть.

Он перевернул лист.

2000 год.

Конфликт расширится, хотя главы держав будут клясться, что желают только мира. Миллионы погибнут в страшных мучениях. Человек изобретёт оружие доселе невиданной мощи, и прежний огонь покажется детской забавой.

Следующий лист.

2001 год.

Не останется страны и не останется семьи, которых не коснётся эта беда. К конфликту присоединятся невиданные силы. Война перестанет быть войной за ресурс и станет войной за право жить в этом мире.

Лукан почувствовал, как пальцы сами сжались на краю бумаги.

Он почти боялся переворачивать дальше.

2005 год был записан иначе.

Лист разделяла вертикальная черта. Слева — всего два слова:

Полное уничтожение.

Справа почерк был мельче, неровнее, но в нём, вопреки всему, чувствовалась не паника, а странная торжественность:

Освобождение от злобы. Новые механизмы. Технологии, не служащие убийству. Лекарства от болезней, перед которыми прежде склонялись как перед приговором. Единение. Люди живут в радости; их тяжёлый труд берут на себя механические люди без души — они работают на заводах и в полях. Человечество выходит к бесконечной вселенной и несёт жизнь туда, где прежде была только тьма.

Лукан долго смотрел на эти две половины листа.

Две двери.

Обе открыты.

И где-то между ними — он, Ардей, украденный маячок, Мейра Феннор, Общество Чёрного Венца, Гильдия Дальних Карт, фальшивая «Аурелия», Аврелий Крейн, который, возможно, был жив.

Под утро Лукан уснул прямо за столом.

Голова его легла на согнутую руку. Лампа всё ещё горела. Бумаги Маара лежали раскрытыми перед ним, будто старик из Вирна не договорил и теперь ждал, когда проснётся следующий слушатель.

Разбудил его звонок телефона.

«Марцелл-7» дребезжал резко, сухо, почти сердито. Лукан открыл глаза не сразу. Потом рывком поднялся, едва не опрокинул чашку, снял трубку с крючка.

— Тарв.

В трубке трещало. Потом послышался голос Мирона Каста:

— Вы просили раньше вечера. Получайте раньше вечера.

Лукан выпрямился.

— Говорите.

— Девушка, похожая на вашу рыжую скаутку, действительно появлялась на континенте. Не под своим именем, конечно. Документы — разные. Но описание сходится: рыжая, веснушки, зелёные глаза, возраст около тридцати, держится так, будто улыбается даже тогда, когда все в отчаянье.

— Где её видели?

— У дома Аделии Ворн.

Лукан замолчал.

— Повторите.

— Аделия Ворн. Вдова. Живёт тихо. Раньше воспитывала сироту по фамилии Феннор. Рыжую девочку. Если ваша скаутка — та самая, то зовут её Мейра Феннор.

— Ворн, — сказал Лукан.

— Да. И вот что делает имя занятным: Аделия Ворн — сестра Элиана Ворна. Нынешнего Первого консула Гильдии Дальних Карт.

Лукан посмотрел на лист с 1999 годом.

Фальшивая причина. Не умерший человек. Массовая резня.

А теперь — Мейра Феннор, укравшая маячок, ведёт к сестре главы Гильдии, которую обвиняют в убийстве дипломата.

— Адрес? — спросил он.

Мирон продиктовал.

Лукан записал на полях старой газеты.

— Вы мне должны, Тарв, — сказал Каст.

— Запишите в тетрадь.

— У меня для вас отдельная.

Связь оборвалась.

Лукан некоторое время держал трубку у уха, хотя в ней уже не было ничего, кроме пустого треска. Потом положил её на рычаг и сразу снова снял.

Оператор соединил его не сразу.

Когда в трубке наконец щёлкнуло, он услышал сонный голос Ардея:

— Слушаю, — зевнул тот.

Лукан говорил коротко:

— Встречаемся у офиса через два часа. У нас много работы.

На другом конце воцарилось молчание.

Потом Ардей устало спросил:

— Это та работа, после которой нас уволят, арестуют или убьют?

— Пока не решил.

— Прекрасно. Люблю неопределённость.

— И возьмите камеру.

— Я уже понял, что поспать мне сегодня не дадут.

Лукан повесил трубку.

За окном начинался день. Марцелл просыпался под тяжестью заголовков, ультиматумов и чужой лжи. На столе лежали пророчества Маара. В ящике — копии интервью. В кармане — адрес Аделии Ворн.

Лукан подошёл к окну и открыл створку.

Холодный утренний воздух вошёл в комнату, пахнувший дождём, типографской краской и далёким дымом.

Он посмотрел на улицу и впервые за эту ночь ясно понял: расследование уже не было журналистским делом.

Оно стало попыткой выиграть время у войны.

Глава 9. Сто кругов до войны.

88-й день Времени Багряных Ветров, 1999 год Седьмой эпохи Орвальдская Держава, город Вардхейм

Йонас Рейк любил спорт за то, что в нём всё казалось честнее, чем в жизни.

В боксе человек падал не от газетной лжи и не от решения министров, а от удара, который зритель видел собственными глазами. В гонках побеждал тот, кто быстрее входил в поворот, смелее держал скорость и лучше знал свою машину. Даже если судьи ошибались, даже если богатые команды покупали лучшие эонитовые моторы, на арене или на круге всё равно оставалось нечто простое: дыхание толпы, счёт секунд, пот на висках, резкий голос комментатора и миг, когда весь город вдруг верит в одного человека.

Йонасу было восемнадцать. Он недавно окончил школу и поступил в училище радиодикторов, мечтая когда-нибудь стать спортивным комментатором. Не политическим обозревателем, не голосом правительственных сводок, не тем человеком, который ровным тоном сообщает о смертях и мобилизациях, а именно спортивным: говорить о гонках, боксе, рекордах, победах, о людях, которые выходят на арену не потому, что их туда послали, а потому что сами выбрали риск.

Больше всего он любил кольцевые эонитовые гонки.

В Орвальдской Державе их называли проще — круговики. Машины для этих гонок были открытыми, низкими, с длинными капотами, узкими колёсами, ремнями вместо дверей и блестящими эонитовыми сердцами под металлическими крышками. Они походили на механических зверей: дрожали перед стартом, ревели на прямой, выбрасывали из-под колёс пыль и пахли маслом, горячим металлом и опасностью. Через два дня в Вардхейме должен был пройти большой заезд — Кубок Вардхейма на сто кругов, и Йонас уже неделю думал о нём чаще, чем о занятиях.

Но в тот день он сидел не на трибунах и не у гоночного круга.

Он стоял в радиостудии, держа в руках пачку листов со статистикой боксёров.

Студия Вардхеймского радио помещалась на втором этаже старого административного здания у площади. Внизу находилась почтовая контора, рядом — телеграф, а выше, за тяжёлой дверью с табличкой «Тише. Идёт передача», царил особый мир: провода, микрофоны, лампы, деревянные панели, запах нагретой пыли и кофе, бумажный шорох, красная лампочка эфира и люди, которые говорили так, будто весь город сидит у них за столом.

Старый Руфус Берн сидел перед микрофоном, положив перед собой обе руки.

Его называли голосом орвальдского спорта. Он комментировал бокс ещё тогда, когда Йонас не родился, видел первые эонитовые кольцевики, знал по именам половину гонщиков страны и умел одним придыханием перед словом «удар» заставить слушателя приподняться на стуле. Ему было далеко за шестьдесят, волосы его поредели, лицо стало тяжёлым и морщинистым, но голос оставался сильным, плотным, с бронзовой хрипотцой.

— Рейк, статистику по шестому раунду, — не оборачиваясь, сказал он.

Йонас быстро подал лист.

— Правый глаз рассечён в третьем, два нокдауна у Стерна, но второй спорный, — прошептал он.

Руфус кивнул и тут же, будто слова Йонаса прошли через него и стали лучше, произнёс в микрофон:

— Дамы и господа, шестой раунд начинается с тяжёлой тени прежней ошибки. Стерн дважды побывал на полу, но посмотрите, как он держит стойку! Такой человек, даже упав, сперва спрашивает у пола разрешения подняться.

За стеклом техник поднял большой палец.

Йонас улыбнулся.

В такие минуты он был счастлив. Не шумно, не по-детски, а глубоко: ему казалось, что он находится рядом с настоящим делом. Он подавал листы, приносил кофе, бегал к телеграфисту за последними заметками, следил за временем рекламных вставок и иногда, когда Руфус позволял, читал короткие справки в эфир. Всего несколько фраз, но после каждой у Йонаса ещё долго горели уши.

Бой шёл напряжённо. В седьмом раунде Стерн неожиданно перехватил инициативу, в восьмом пропустил тяжёлый удар, а к девятому оба боксёра уже двигались так, будто ноги их спорили с волей. Руфус Берн комментировал без суеты, но Йонас видел, как старик сжимает карандаш всё крепче.

Потом загорелась жёлтая лампа рекламной паузы.

Руфус снял наушники и откинулся на спинку стула.

— Кофе.

Йонас уже шёл к столику.

Вместо обычной музыкальной заставки в эфире зазвучал голос диктора новостей. Он был не таким, как у Руфуса: ровный, гладкий, официальный, без единого лишнего вздоха.

— Правительственные источники сообщают, что в связи с преступным нападением на дипломатический поезд Арденнской Короны Орвальдская Держава внимательно следит за развитием обстановки вокруг Меридии и Гильдии Дальних Карт. В случае расширения конфликта армейские ведомства ожидают притока добровольцев. Всем вступившим в добровольческие части будет назначено достойное жалование; семьи добровольцев получают государственные пайки и денежное обеспечение. Орвальд своих не оставляет.

Йонас остановился с кофейником в руке.

Голос диктора сменился бодрой рекламой моторного масла для зонитовых кольцевиков, но в студии на мгновение стало странно тихо.

Руфус взял чашку.

— Не стой с открытым ртом, парень. Кофе остынет.

Йонас поставил чашку перед ним.

— Вы думаете, будет война?

Старик посмотрел на него из-под тяжёлых век.

— Я думаю, что когда по радио начинают обещать пайки семьям добровольцев, кто-то уже заказал слишком много гробов.

— Но если Орвальд вступится за Гильдию...

— Орвальд вступится. Арденнская Корона не отступит. Союзники вспомнят договоры. Газеты вспомнят слово «честь». Мальчишки вспомнят, что они мужчины. Старики вспомнят, что они уже не мальчишки, и потому будут говорить громче всех.

Йонас смутился.

— Вы так говорите, будто добровольцы делают что-то дурное.

— Нет. Я говорю так, будто видел людей, которые отправляли добровольцев на фронт, сами оставаясь у хороших столов.

Красная лампа снова загорелась.

Руфус мгновенно надел наушники, придвинулся к микрофону, и его голос стал прежним — уверенным, живым, спортивным:

— Мы возвращаемся к рингу, дамы и господа. Девятый раунд. Стерн улыбается, хотя кровь у него на подбородке, а это значит, что бой ещё не всё сказал о себе.

Йонас вернулся к листам, но мысли его уже сбились.

Добровольцы. Жалование. Пайки семье. Орвальд своих не оставляет.

Он представил отца, который обязательно сказал бы, что долг не спрашивает удобного часа. Представил мать, считающую расходы в строительной компании. Представил младших — Томаса и Миру. Государственный паёк был бы не лишним. Но не паёк заставил его сердце биться чаще.

Он вдруг подумал, что если страна действительно окажется в опасности, то он будет сидеть в студии, подавать старому комментатору бумажки и говорить о чужих ударах, пока его ровесники пойдут защищать Орвальд.

Эта мысль была неприятна.

И вместе с тем сладка.

Как первый страх перед стартом.

После передачи Руфус Берн долго молчал, снимая наушники и складывая листы.

— Хорошо работал, Рейк, — сказал он наконец.

— Спасибо.

— Только думай медленнее.

Йонас не сразу понял.

— О чём?

— О том, о чём ты начал думать после рекламной паузы.

Йонас покраснел.

— Я ничего не говорил.

— Я сорок лет слушаю людей до того, как они открывают рот.

— Если будет война, кто-то ведь должен идти.

— Разумеется, должен.

— Тогда почему не я?

Руфус поднял на него глаза.

— Именно этот вопрос убил больше мальчишек, чем вражеские пушки.

Йонас хотел возразить, но не нашёл слов.

Старик вздохнул.

— Иди домой. И по дороге зайди к своим гонщикам, если уж всё равно свернёшь туда. Лицо у тебя такое, будто тебе нужно посмотреть на что-нибудь быстрое, пока мир не стал слишком тяжёлым.

Йонас улыбнулся, потому что Руфус угадал.

Домой он действительно пошёл не сразу.

Тренировочная площадка кольцевых гонок находилась за западной окраиной Вардхейма. От радиостудии туда нужно было идти почти полчаса, но Йонас любил эту дорогу: сначала каменные улицы, потом склады, затем запах машинного масла, и наконец широкий овальный круг с деревянными трибунами, гаражами, флажками и длинной прямой, на которой кольцевики разгонялись так, что воздух начинал дрожать.

Когда он пришёл, тренировка ещё шла.

На трассе ревели три машины. Их эонитовые двигатели звучали иначе, чем обычные моторы: ниже, гуще, с лёгким звенящим оттенком, словно внутри металла пело что-то золотое. На повороте первый кольцевик занесло, пилот выровнял его почти у самой ограды, и несколько механиков одобрительно закричали.

— Рейк! — крикнули от гаражей. — Ты как раз к шуму!

Леон Фарр стоял у своего болида, вытирая руки промасленной тряпкой.

Он был на год старше Йонаса, уже считался восходящей звездой вардхеймского круга и через два дня должен был участвовать в Кубке города на сто кругов. Высокий, светлоглазый, с вечно растрёпанными волосами и улыбкой человека, который уверен, что смерть, если придёт, сначала попросит у него автограф.

Его машина стояла рядом: низкая, красная, с белой полосой вдоль капота и номером 17 на боку.

— Ну что, голос радио, — сказал Леон, — передашь обо мне Руфусу Берну? Пусть готовит лучшие слова. Через два дня я войду в историю.

— Если на семьдесят третьем круге опять не перепутаешь смелость с глупостью.

— Это была не глупость, а попытка обогнать невозможное.

— И чем закончилась?

— Забор оказался консерватором.

Йонас засмеялся.

Некоторое время они говорили о гонке: о покрытии, о соперниках, о том, что команда из Рудгарда привезла новый регулятор подачи эонитовой тяги, о том, что на сотом круге побеждает не самый быстрый, а тот, кто не растерял голову на первых девяноста девяти.

Потом Леон вдруг сказал:

— Слышал вставку по радио?

Йонас понял сразу.

— Про добровольцев?

— Угу.

Леон бросил тряпку на ящик и посмотрел на трассу.

— Если начнётся, я пойду.

— У тебя отсрочка.

— Как у спортсмена. Знаю.

— Через два дня Кубок.

— Через два дня я выиграю Кубок. А потом пойду.

Он сказал это легко. Слишком легко.

Йонас почувствовал, что в груди у него снова поднимается то же чувство, что в студии: смесь страха, стыда и восторга.

— Тебя могут не взять.

— Возьмут. Умею водить, умею быстро соображать, умею не бояться скорости.

— Война не гонка.

Леон посмотрел на него с усмешкой.

— Это ты мне говоришь?

— Это Руфус Берн мне почти сказал.

— Старики всегда говорят осторожно. Потому что свою смелость они уже потратили.

Йонас промолчал.

Леон положил руку на капот машины.

— Слушай, Йонас. Я не хочу, чтобы потом кто-то сказал: пока Орвальд стоял за Гильдию и за честь, Леон Фарр крутил круги перед зрителями. Гонки никуда не денутся.

— А если ты не вернёшься?

Улыбка Леона стала чуть тише.

— Тогда хотя бы не буду всю жизнь думать, что свернул с главной прямой.

Эти слова врезались в Йонаса сильнее, чем он хотел.

Домой он вернулся около семи.

Квартира Рейков находилась в хорошем, но не богатом доме недалеко от офицерского квартала. Отец Йонаса, Рейнар Рейк, был старым отставным офицером: прямой, сухой, с седыми усами и большой ногой, которая особенно давала о себе знать к дождю. Он уже не мог служить, но сидел за столом так, будто всё ещё командовал ужином.

Мать, Элина Рейк, была намного моложе мужа, около сорока лет. Она работала бухгалтером в строительной компании, всегда держалась спокойно и аккуратно, но в глазах её жила тревога женщины, привыкшей считать не только деньги, но и возможные беды.

Младший брат Томас встретил Йонаса вопросом:

— Ты слышал про добровольцев?

Младшая сестра Мира, сидевшая рядом с матерью, тут же сказала:

— Томас весь вечер только об этом и говорит.

— Потому что это важно, — заявил Томас. — Если Корона нападёт на Гильдию, Орвальд должен ответить.

— Тебе четырнадцать, — сказала Элина.

— Почти пятнадцать.

— Война, конечно, сразу станет другой.

Рейнар Рейк строго посмотрел на жену, но ничего не сказал.

За ужином разговор сам собой вернулся к газетам, ультиматуму и Гильдии Дальних Карт.

Отец говорил медленно, уверенно, почти торжественно:

— Если бы я был моложе, я пошёл бы в первых рядах. Не потому, что люблю войну. Нормальный человек её не любит. Но есть часы, когда государство проверяет, есть ли у него сыновья.

Томас выпрямился.

— Я бы тоже пошёл.

— Ты бы сначала научился не терять перчатки, — сказала Мира.

— На войне мне выдадут новые.

— На войне тебе выдадут подзатыльник, — буркнул Йонас.

Томас обиделся.

Отец посмотрел на Йонаса.

— А ты что думаешь?

Все за столом замолчали.

Йонас почувствовал, как мать подняла на него глаза.

— Думаю, если начнётся война, добровольцы понадобятся.

— Верно, — сказал Рейнар.

— И если другие пойдут...

— Не надо говорить «другие», — перебил отец. — Государства держатся не на других.

Они держатся на тех, кто однажды говорит: «Я».

Элина положила вилку.

— Рейнар.

— Я не отправляю его. Я говорю с ним как с мужчиной.

— Ему восемнадцать.

— Именно.

Мать больше ничего не сказала. Только посмотрела на сына так, что Йонасу стало тяжелее, чем от всех отцовских слов.

Она уже поняла.

Возможно, раньше него.

После ужина он долго стоял у окна в своей комнате. Внизу проходили люди. Где-то далеко играла музыка. У соседей спорили о политике. На столе лежали учебники по дикции, тетрадь с радиоупражнениями и вырезка о Кубке Вардхейма.

Йонас думал о голосе диктора: семь добровольцев получают пайки.

Думал о Леоне: не буду всю жизнь думать, что свернул с главной прямой.

Думал об отце: государства держатся на тех, кто говорит я.

А ещё — о матери, которая молчала и потому сказала больше всех.

На следующий день в училище воздух был другим.

На занятии по дикции преподаватель заставлял их повторять скороговорки, следить за дыханием, ставить голос на нижнюю опору, не глотать окончания и не превращать «р» в мягкую

кашу. Но даже самые старательные говорили хуже обычного. Все ждали перемены, чтобы снова говорить о войне.

Когда звонок прозвенел, коридор сразу наполнился голосами.

— Я пойду, если объявят набор.

— Мой брат уже узнавал.

— Говорят, добровольцам дадут форму сразу.

— Корона думает, мы испугаемся?

— Орвальд не бросает союзников.

— Гильдия независимая, да, но если они под нашим покровительством...

Патриотизм витал в воздухе, как крепкий напиток, который ещё никто не попробовал по-настоящему, но от запаха уже кружилась голова.

Йонас стоял у окна с тетрадью в руках и слушал.

Рядом, чуть поодаль, сидела Лиана Вельт.

Она училась в той же группе. Стройная, с тёмными волнистыми волосами и ореховыми глазами, она уже полгода нравилась Йонасу так сильно, что он всякий раз начинал говорить глупее, когда она оказывалась рядом. До этого дня он не решался пригласить её даже пройтись после занятий.

Теперь всё в нём было странно ясным и приподнятым.

Будто решение, ещё не принятое до конца, уже сделало его смелее.

Он подошёл.

— Лиана.

Она подняла глаза.

— Да?

— Я хотел спросить... то есть, если ты не занята... после занятий можно пройтись в парке?

Он сказал это быстро, почти как радиосводку.

Лиана посмотрела на него внимательно. Йонас успел пожалеть, что вообще родился.

Потом она улыбнулась.

— Можно.

— Сегодня?

— Сегодня.

— Хорошо.

Он кивнул слишком серьёзно и отошёл, чувствуя, что сердце бьётся почти как эонитовый мотор Леона на прямой.

После занятий он шёл в радиостудию пешком.

Город казался ярче, чем вчера. Газеты всё ещё кричали о войне, но теперь их крик не только пугал его — он поднимал, звал, обещал. Где-то маршировали курсанты. На стене у почтовой конторы уже висел новый плакат: «Орвальд зовёт верных». У добровольческого бюро стояли первые люди.

Йонас шёл мимо них и напевал себе под нос песенку, которую часто крутили перед гонками.

Он был воодушевлён.

Он был решителен.

И, как многие восемнадцатилетние юноши в тот день, он ещё не понимал, что самые опасные дороги начинаются не тогда, когда человек боится.

А тогда, когда он счастлив идти по ним.

Глава 10. Жёлтое платье.

89-й день Времени Багряных Ветров, 1999 год Седьмой эпохи Орвальдская Держава, город Вардхейм

К вечеру Йонас Рейк уже не мог спокойно сидеть в студии.

Он помогал Руфусу Берну, как обычно: подавал сводки, проверял фамилии спортсменов, бегал за кофе, следил за временем рекламных вставок и трижды переписал одну и ту же строку, потому что в первый раз вывел буквы слишком крупно, во второй — слишком криво, а в третий написал имя боксёра так, будто тот был не человеком, а железнодорожной станцией.

Руфус заметил это сразу.

— Рейк, — сказал он после передачи, снимая наушники, — или у тебя жар, или ты влюбился. Надеюсь, второе: от него люди хотя бы иногда становятся полезнее.

Йонас покраснел.

— Я просто спешу.

— Куда?

— В парк.

— Один?

Йонас стал ещё краснее.

Старик крякнул, отложил бумаги и посмотрел на него с той насмешливой усталостью, с какой старые люди смотрят на молодых, когда те думают, что изобрели мир заново.

— Иди уже. Только запомни: если девушка ждёт, опоздание хуже дурной дикции.

Йонас схватил кепку, едва не забыл тетрадь, вернулся за ней, снова попрощался и выбежал из студии так стремительно, будто до начала встречи оставались не полчаса, а последние десять секунд перед стартом Кубка Вардхейма.

На улице уже сгушались сумерки. Вардхейм жил тревожным вечером: у газетных стендов всё ещё стояли люди, у добровольческого бюро горели лампы, в окнах трактиров спорили, на перекрёстках продавцы выкрикивали последние номера. Над городом висела та особенная взволнованность, когда никто ещё не стреляет, но все уже говорят так, будто выстрелы неизбежны.

Йонас старался не смотреть на плакаты.

Он шёл к цветочному магазину.

Маленькая лавка у угла Дирижабельной улицы ещё была открыта. За стеклом стояли поздние аурены, белые садовые колокольцы, сухие ветки для осенних венков и несколько больших подсолнухов, привезённых, как объяснила продавщица, из южных теплиц.

Йонас выбрал один.

Самый крупный.

Подсолнух был тяжёлый, с тёмной сердцевинкой и широкими золотыми лепестками. Продавщица завернула стебель в бумагу и, взглянув на Йонаса, улыбнулась так, будто всё поняла без слов.

— Для девушки?

— Да, — ответил он слишком серьёзно.

— Тогда держите крепче. Такие цветы ронять нельзя.

Он кивнул, взял подсолнух обеими руками и пошёл дальше, теперь уже медленнее, чтобы не повредить лепестки.

Дом Лианы Вельт стоял в тихой улице недалеко от городского сада. Небольшой, отдельный, с низкой оградой, узкой дорожкой, маленьким огородом сбоку и старым садиком за домом. У самой калитки росло множество розовых кустов. Они давно отцвели; на ветвях остались лишь сухие тёмные чашечки да редкие листья, потемневшие от осени. Летом здесь,

должно быть, было красиво и пахло цветами, но теперь всё вокруг казалось спокойным и немного печальным.

Перед домом стояла белая скамейка.

Йонас пришёл раньше назначенного времени и не знал, что делать с руками, с ногами, с подсолнухом и вообще с собой. Он сел, потом сразу встал, потом снова сел и положил цветок рядом. Среди золотых опавших клиновых листьев подсолнух смотрелся так уместно, будто его нарочно вырастили для этой скамейки, этого вечера и этого ожидания.

В доме зажглось окно.

Йонас поправил воротник.

Калитка отворилась.

Он поднялся — и едва не выронил цветок.

Лиана вышла в жёлтом платье, лёгком и ясном, как последний отблеск Высокого Солнца. На голове у неё была маленькая шляпка того же цвета; тёмные волнистые волосы мягко ложились на плечи. Серебряные туфельки на невысоком каблуке завершали её тонкие стройные ноги, а у носков туфель сияли крошечные жёлтые бабочки.

Несколько секунд Йонас смотрел на неё и с ужасом понял, что забыл все слова, какие когда-либо знал.

Лиана подошла ближе и улыбнулась.

— Так ты подашь мне руку?

Йонас прокашлялся и стал вспоминать, как вообще полагается быть кавалером. В лицее радиодикторов этому не учили. Учили ставить голос, держать паузу, не глотать окончания, но никто ни разу не объяснял, как подать руку девушке в жёлтом платье, если от одного её вида у тебя исчезает вся грамматика.

Он всё же протянул руку.

Лиана положила в неё свою — хрупкую, лёгкую, тёплую.

— Ты прекрасно выглядишь, — сказал Йонас и тут же покраснел.

— Спасибо, — ответила она с игривой улыбкой. — А подсолнух мне?

— Да. То есть, конечно. Я подумал... он подходит.

— К платью?

— И к скамейке.

Она рассмеялась.

— Тогда это самый предусмотрительный цветок в Вардхейме.

Они пошли в парк.

Сначала говорили о простом: об училище, о дикции, о Руфусе Берне, о Кубке Вардхейма, о том, что Леон Фарр опять рискует угробить свой кольцевик на повороте. Лиана слушала внимательно, иногда смеялась, иногда задавала такие вопросы, от которых Йонас неожиданно начинал рассказывать больше, чем собирался.

У лотка у главной аллеи он купил два сливочных мороженых.

Мороженое было холодным, густым, чуть ванильным. Они ели его медленно, не торопясь, и Йонасу казалось, что ничего важнее этого быть не может: ни газеты, ни Корона, ни Гильдия, ни добровольческие бюро, ни слова отца за ужином. Только жёлтое платье рядом, подсолнух в руке Лианы, сливочный вкус и вечерний парк, полный шороха листьев.

Но у центра парка собралась толпа.

На бывшей детской площадке стоял большой тёмный шатёр. Его натянули между четырьмя деревянными мачтами, укрепили канатами, а к задней стенке протянули электрические провода. Возле входа горели две лампы. Изнутри доносились музыка, треск аппарата и громкий механический голос.

Люди входили и выходили. Те, кто выходил, говорили возбуждённо, почти радостно. В их голосах было то самое новое чувство, которое Йонас уже слышал в училище: патриотический подъём, ещё не знающий цены себе.

— Разъездной синиматон, — сказала Лиана. — Зайдём?

Йонас кивнул.

Внутри было темно и душно. Стульев не было: народу собралось столько, что никакие стулья всё равно не вместили бы всех. Люди стояли плечом к плечу, кто-то держал детей на руках, кто-то привстал на ящик у задней стенки. Над головами белело большое полотно.

Сначала раздалось электрическое шипение.

Потом ударила патриотическая музыка.

И голос — громкий, чёткий, будто генерал отдавал приказ, — заполнил шатёр:

— Друзья! Все мы знаем, в каком положении оказались наши союзники из Гильдии Дальних Карт. Дело не только в ложных обвинениях. Дело в том, что линкоры Короны уже окружили Меридию, не дожидаясь окончания ультиматума. Значит, захват острова готовился заранее. Орвальдская Держава не может этого допустить.

На полотне появились кавалеристы. Потом пехота со знамёнами. Потом ровные ряды артиллерийских пушек, вытянутые так красиво, что в них не было ни грязи, ни страха, ни крови, а только порядок, мощь и уверенность.

— Поэтому объявляется добровольная мобилизация. Всем, кто явится в военные дома, полагаются достойные контракты. Семьям добровольцев — пайки и денежное обеспечение. Лучшие получают шанс попасть в элитные подразделения. Орвальд зовёт верных!

Толпа одобрительно зашумела.

Йонас стоял рядом с Лианой, всё ещё чувствуя на ладони тепло её руки. Ему хотелось смотреть на неё, но он смотрел на полотно. Там молодые солдаты улыбались, держали винтовки, шагали по ровной дороге и будто шли не на войну, а на торжественный праздник, куда стыдно не явиться.

Полотно погасло.

На мгновение в шатре остались только шёпот толпы, электрическое потрескивание аппарата и слабый запах горячей пыли.

Потом экран вновь засветился.

Теперь на нём стояли трое солдат в масках и военной форме. Перед ними, на длинных металлических ножках, возвышалось большое оружие: тяжёлое, гладкое, красивое той страшной красотой, какую имеют вещи, созданные не для жизни. Один солдат держал его за рукояти; дуло и прицельная часть находились почти на уровне его глаз.

Голос диктора стал торжественнее:

— Друзья! Представляем вашему вниманию чудо орвальдской военной инженерии. С таким оружием нам не страшен ни один враг.

Второй солдат открыл сбоку небольшое окно в корпусе скорострела и вставил внутрь предмет, похожий на свечу электрического щита. Только эта свеча светилась мутным золотом.

Крышка захлопнулась.

Оружие ожило.

Из дула с невероятной скоростью вырвались сгустки золотой энергии. Полотно вспыхнуло частыми ударами света. Камера перевела взгляд на цели: ряд стальных бочек. Ещё мгновение назад они стояли целыми, тяжёлыми, настоящими; затем рассыпались на мелкие частицы, будто кто-то стёр их из мира.

Толпа ахнула.

— Эонитовый скорострел «Гром-5000»! — провозгласил диктор. — Наше непобедимое оружие. Ни один враг не осмелится напасть на позиции, где стоят громники. Вступайте в элитные роты **Громников** — станьте щитом Орвальда!

В шатре раздались аплодисменты.

Сначала несколько хлопков. Потом больше. Потом почти весь шатёр загудел одобрением.

— Вот это сила!— Видали, что с бочками сделал?— С таким и правда не страшно!—

Громники! Вот куда надо идти!

Йонас тоже смотрел на экран, не отрываясь. Сердце его билось быстро. В голове вспыхнула мысль: элитное подразделение, новое оружие, защита Орвальда, настоящая служба, не просто стоять с винтовкой в грязи, а быть частью силы, о которой будут говорить.

Но ладонь Лианы в его руке стала неподвижной.

Он повернулся к ней.

В темноте её лицо казалось серьёзным. Не испуганным даже, а сосредоточенным, будто она увидела не чудо, а что-то такое, чему ещё не нашла названия.

— Тебе не понравилось? — тихо спросил он.

— Не знаю, — ответила Лиана. — Очень красиво. И очень страшно.

— Это же для защиты.

Она посмотрела на полотно, где снова показывали сияющий «Гром-5000».

— Наверное.

В этом «наверное» было слишком мало восторга, и Йонас почувствовал лёгкое раздражение. Не на неё. На себя. На то, что её сомнение вдруг оказалось сильнее аплодисментов.

Они вышли из шатра уже поздним вечером.

В парке стало прохладнее. Толпа у синиматона всё ещё обсуждала увиденное. Мужчины спорили о дальности стрельбы, юноши повторяли слово «громники» с таким выражением, будто примеряли его к себе, дети изображали руками золотые выстрелы.

Лиана шла рядом молча.

Йонас хотел снова говорить о чём-нибудь лёгком: о мороженом, о её платье, о Кубке Вардхейма. Но после синиматона слова изменили вес. Даже подсолнух в руках Лианы казался теперь не просто цветком, а последней яркой вещью этого вечера.

— Ты правда думаешь идти? — спросила она вдруг.

Йонас остановился.

— Куда?

Лиана посмотрела на него спокойно.

— В военный дом.

Он не ответил сразу.

— Если Орвальд будет вынужден...

— Я не спрашиваю про Орвальд.

Он опустил глаза.

— Я не знаю.

Это была неправда.

Он уже знал. Просто ещё не произнёс.

Лиана не стала давить. Они пошли дальше.

Он проводил её до дома уже в темноте.

У калитки они остановились. Розовые кусты, давно отцветшие, чернели по обе стороны дорожки. На белой скамейке лежали клиновые листья, а подсолнух, который она снова положила рядом, всё ещё золотился в слабом свете окна.

— Завтра увидимся в училище? — спросила Лиана.

— Увидимся, — ответил Йонас.

— И после занятий снова погуляем?

— Обязательно.

Она посмотрела на него чуть дольше обычного. Потом поднялась на носки и поцеловала его.

Поцелуй был коротким, тёплым, почти невесомым. Но Йонасу показалось, что весь вечер — парк, мороженое, синиматон, музыка, её жёлтое платье — вдруг собрался в одну точку и остался у него на губах.

Лиана отступила.

— До завтра, Йонас.

— До завтра.

Она скрылась за калиткой.

Он ещё некоторое время стоял у дома, глядя на закрытую дверь. Потом медленно повернулся и пошёл обратно по улице.

Город шумел вдалеке. Где-то снова кричали газетчики. Где-то пели патриотическую песню. Над крышами висел Морн с тёмным пятном, а рядом, ниже, голубела Лиара, маленькая и чистая.

Йонас шёл один.

Теперь он знал точно.

Завтра, до училища или после него, он пойдёт в военный дом и запишется добровольцем.

Глава 11. Урок мироустройства

Эмиль Варн сидел за третьей партой у окна и старался смотреть не на улицу, а на доску. На доске ровной, сухой рукой было выведено:

89-й день Времени Багряных Ветров, 1999 год Седьмой эпохи. Основы мироустройства.

Буквы стояли прямо, будто их тоже поставили в строй. Так писал только наставник Корнелий Бренн: каждая черта у него была вытянута, выверена, подчинена правилу. Даже мел в его пальцах не крошился, как у других наставников, а ложился на чёрную доску тонко и строго, словно боялся лишнего шума.

В классе пахло мелом, чернилами, мокрой шерстью гимназических курток и старым деревом парт. За высокими окнами Эльварн жил своим осенним утром: где-то звякали трамвайные колёса, хлопали двери лавок, на мостовой шуршали багряные листья. Но в классе Бренна всё это должно было оставаться по ту сторону стекла.

На его уроках не вертелись, не шептались, не стучали перьями. Здесь даже кашляли осторожно, прикрыв рот ладонью и заранее приготовившись к холодному взгляду наставника.

Эмиль сидел прямо, как требовал устав, но чувствовал, что спина у него всё равно выходит слишком напряжённой, а плечи слишком острыми. Он всегда боялся, что Бренн заметит в нём что-нибудь неправильное: не так поставленный локоть, слишком долгий взгляд в окно, медленное движение руки. Наставник не повышал голоса без нужды, и оттого каждое его замечание звучало ещё тяжелее.

— Мир, господа гимназисты, — говорил Бренн, не оборачиваясь, — начинается не с государства и не с дома. Дом можно потерять. Государство может переменить границы. Но порядок мира остаётся. Образованный человек прежде всего обязан знать, под каким небом он живёт.

Эмиль любил эти слова и боялся их.

Он любил всё, что касалось неба, карт, звёзд и далёких островов. Любил, когда на доске появлялись круги орбит, линии материков, названия морей и океанов. Любил сами слова, хотя многие взрослые произносили их так привычно, будто они ничего не значили: Эонира, Аурон, Морн, Лиара, Вестария, Арденния.

Для одноклассников Эонира была просто ответом на первый вопрос наставника. Аурон — жёлтым кругом на учебной таблице. Морн — бледным пятном в вечернем небе. Лиара — красивым названием, которое некоторые девочки выводили на полях тетрадей, потому что оно звучало мягче всех прочих.

А для Эмиля каждое такое слово было дверью.

Он мог долго смотреть на карту и думать, что за тонкой синей краской Лиарского океана есть настоящая вода, настоящие ветра, настоящие корабли Аэларов. Что Меридия — не чёрная точка у края листа, а остров, где люди всю жизнь измеряют мир и уходят туда, где на карте ещё нет названий. Что серые области "Терра инкогнито — не пустота, а честное признание: здесь мы ещё не знаем.

Эта мысль почему-то утешала его.

В гимназии незнание считалось почти позором. Наставник Бренн ставил низкую оценку за заминку так же спокойно, как другие ставили точку в конце предложения. Но карта могла не знать — и от этого не становилась глупой. Она просто ждала того, кто однажды придёт и узнает.

Эмиль не думал о себе как о таком человеке.

Он вообще редко думал о себе хорошо. Он был худым, неловким, слишком быстро краснел, слишком тихо отвечал и всегда заранее слышал в голове чужой смешок. Но когда он смот-

рел на карту, ему казалось, что слабость — это ещё не приговор. Что даже самый робкий человек может хотя бы помнить дорогу, если не решится пройти по ней первым.

— Мы живём на Эонире, — продолжал Бренн. — Не «на земле», как позволяют себе говорить невежды. Земля — это почва под ногами. Эонира — это мир. Запомните различие. Землю пашут. Мир познают.

Он повернулся и обвёл класс взглядом.

Узкое лицо наставника было бледным, сухим, с глубокими складками у рта. Седые волосы лежали так гладко, будто и они подчинялись гимназическому уставу. Бренн был уже немолод, но держался прямо и двигался резко, без старческой мягкости. В нём не было жестокости ради удовольствия. Он был хуже: он искренне верил, что слабость начинается с беспорядка, а беспорядок — с позволенной мелочи.

С улицы вдруг донёсся крик:

— Особый выпуск! Ультиматум Арденнской Короны! Линкоры у Меридии!

Класс дрогнул.

Кто-то повернул голову к окну. Эмиль тоже хотел посмотреть, но не посмел. За стеклом мелькнула фигура газетчика: мальчишка в кепке бежал вдоль тротуара, размахивая пачкой листов. Его голос прыгал вместе с ним, то приближаясь, то проваливаясь между шумом колёс.

— Корона требует выдачи «Аурелии»! Гильдия отвергает обвинения!

Мел в руке Бренна остановился у самой доски.

Несколько мгновений он молчал.

Потом спокойно положил мел на край кафедры.

— Глаза на доску, — сказал он.

Головы медленно повернулись обратно.

Но улица не собиралась подчиняться Корнелию Бренну.

— Новейшее оружие Орвальдской Державы! — выкрикнул другой голос, уже ближе к гимназическим воротам. — Гром-пять тысяч! Пять тысяч выстрелов одной батареей!

На задней парте кто-то шумно выдохнул. Один из старших мальчиков едва заметно улыбнулся, будто слово «Гром-5000» было не названием оружия, а обещанием великолепной игры. Девочки у стены переглянулись. Эмиль почувствовал, как в классе что-то изменилось: урок ещё продолжался, но внутри него уже вошла улица, газета, война, взрослый мир, которому не полагалось быть здесь, между партами и чернильницами.

Бренн медленно повернулся к классу.

Лицо его не выражало ни страха, ни любопытства. Только холодное неудовольствие человека, которому помешали исполнять обязанность.

— Раз уж улица решила сегодня преподавать вместо меня, — произнёс он, — посмотрим, не знает ли улица больше вас.

В классе сразу стало тише.

Эмиль почувствовал, как у него сжались пальцы на краю тетради.

— Блиц-опрос, — сказал Бренн. — Ответ немедленно. Задумался — значит, не знаешь. Не знаешь основ — не имеешь права рассуждать о событиях.

Он открыл журнал.

Страницы тихо шелестнули. Этот звук в классе Бренна боялись почти так же, как звонка к доске.

— Лерн. Мир, на котором мы живём?

Мальчик с первой парты вскочил.

— Эонира, господин наставник.

— Звезда?

— Аурон.

— Верно. Садитесь. Ферра. Большая луна?

— Морн, господин наставник.

— Особая примета?

— Чёрное пятно в середине.

— Не «в середине», а в центральной области видимого диска. Но приму. Садитесь.

Девочка села, покраснев.

Бренн перевёл взгляд дальше.

— Варн.

Фамилия ударила по нему коротко и сухо.

Эмиль поднялся. Парта была узкая, колени слишком длинные, руки сразу сделались чужими. Он хотел положить их по швам, как требовал устав, но пальцы сами вцепились в край тетради. Он почувствовал под ногтем шершавый угол обложки и почему-то подумал, что если отпустит его, то не сможет сказать ни слова.

Все смотрели.

Не зло, нет. В классе не было настоящей ненависти к нему. Но иногда обычное ожидание бывало хуже злости. Злость хотя бы имела лицо. А ожидание было везде: в затылках, в скрипе парт, в чужом дыхании, в неподвижном взгляде Бренна.

— Малая луна?

Лиара, подумал Эмиль.

Ответ вспыхнул сразу. Он знал его. Конечно, знал. Лиара — малая голубая луна, священная для Аэларов. Он даже видел её вчера вечером над крышами Эльварна: тонкую, холодную, такую спокойную, будто всё происходящее внизу её не касалось.

Но с улицы снова крикнули:

— Корона требует выдачи «Аурелии»!

И слово сорвалось куда-то внутрь.

Эмиль открыл рот, но в горле стало сухо. Он вдруг представил не луну, а дирижабль, окружённый линкорами, остров в океане, взрослых людей с газетами, жандармов у посольского дома Короны. Всё это было слишком большим, слишком громким, слишком настоящим для гимназического кабинета.

— Варн, — повторил Бренн. — Малая луна.

Тогда Эмиль заставил себя поднять глаза.

— Лиара, господин наставник. Малая голубая луна. Священная для Аэларов.

Сказав это, он почувствовал не радость, а только слабость в коленях. Но где-то под этой слабостью было и другое чувство: будто он удержал маленький камешек на краю обрыва и не дал ему упасть.

— Кто такие Аэлары?

Эмиль сглотнул.

— Второй разумный народ Эониры. Живут на островах Лиарского архипелага. Мореплаватели и кораблестроители.

— Не только мореплаватели, но и навигаторы, мастера клиперов, охотники Лиарского океана. Но для вашего возраста достаточно. Сколько дней длится год Эониры?

— Четыреста одиннадцать.

— Времена года?

Эмиль почти почувствовал, как весь класс смотрит ему в спину. От волнения у него стало пусто в груди, но слова вдруг пошли сами, потому что этот счёт он повторял много раз, когда не мог уснуть.

— Время Пробуждения — сто три дня. Время Высокого Солнца — сто три дня. Время Багряных Ветров — сто три дня. Время Тихой Луны — сто два дня.

Бренн чуть прищурился.

— Текущий день?

Эмиль посмотрел на доску. Ответ был там, но теперь это уже не помогало, а мешало: казалось, что если он прочитает написанное, Бренн решит, будто он не знает.

— Восемьдесят девятый день Времени Багряных Ветров, тысяча девятьсот девяносто девятый год Седьмой эпохи.

— Садитесь.

Эмиль сел.

Колени у него ещё дрожали, но внутри, под страхом, было маленькое горячее облегчение. Он не провалился. Он ответил. Даже Бренн не нашёл за что поставить ему низкую оценку.

Наставник закрыл журнал.

— Видите, господа, — сказал он, — даже когда город кричит, мир не меняет своих названий. А человек, не знающий названий мира, всегда будет рабом первого газетного листа, который сунут ему под нос.

За окном снова выкрикнули что-то о Гильдии Дальних Карт, но теперь Бренн уже не прерывался.

Он взял мел и продолжил урок.

На доске появились три дуги: большая, средняя и малая. Аурон, Эонира, Морн и Лиара. Эмиль смотрел на эти белые линии, и ему казалось странным, что такой огромный мир можно на время удержать куском мела на доске.

После Основ мироустройства был урок Землеведения.

Класс перешёл в другой кабинет, более холодный и просторный. Здесь пахло не мелом, а пылью старых карт. На стенах висели материки: Вестария, Арденния, Лиарский океан между ними, острова Аэларов, тонко нанесённая Меридия и серые пятна Терра инкогнито на севере и юге.

Наставник Лаврен Арт был ниже Бренна, шире в плечах и почти всегда казался недовольным тем, что карты приходится показывать людям. Он говорил мало, сухо, с длинной указкой в руке. Эмиль тайно думал, что если бы Арту позволили, он заперся бы в кабинете наедине с картами и был бы счастливее, чем со всеми гимназистами Эльварна.

— Карта, — сказал Арт, постучав указкой по Вестарии, — не украшение стены. Кто смотрит на карту как на картинку, тот не видит мира.

Указка скользнула к западному матерiku.

— Вестария. Здесь находимся мы. Республика Марцеллия. Столица — Марцелл. Наш город — Эльварн, культурный и учебный центр республики.

Эмиль любил слышать название своего города из уст наставника. Дома и лавки, мраморные ступени гимназии, книжные ряды, башня старого театра, мост через узкую реку — всё это становилось частью большой карты. Он сам, худой мальчик у окна, тоже на мгновение оказывался не просто Эмилем Варном, который боится отвечать, а маленькой точкой в Эльварне, в Марцеллии, на Вестарии, под Ауроном, между Морном и Лиарой.

От этой мысли ему становилось и страшно, и хорошо.

— Восточнее и юго-восточнее проходят дороги к Роудской Республике, — продолжал Арт. — Столица Роудской Республики?

Несколько рук поднялись сразу.

— Роуден, — ответила девочка с первой парты.

— Верно. Роуден. Парламент, архивы, суды, университет права. А теперь запомните: на карте видны только те места, которые государство, картограф или время сочли нужным сохранить. Карта — не весь мир. Карта — лишь то, что о мире пока удержали.

Эмиль поднял глаза.

Ему понравилась эта мысль. Получалось, что за ровными линиями дорог, за аккуратными кружками городов и тонкими буквами названий могли существовать другие места — забытые, сгоревшие, вычеркнутые, оставшиеся только в старых бумагах или в чьей-то памяти.

Арт, будто услышав его мысль, постучал указкой по лесистой области у границы Марцеллии и Роудской Республики.

— Особенно осторожно следует читать карты приграничных лесов. Здесь исчезают старые дороги, меняются почтовые тракты, деревни пустеют, а новые издания иногда убирают то, что прежние ещё помнили. Поэтому хороший землевед смотрит не только на новую карту, но и на старую.

Эмиль замер.

Он вдруг ясно представил себе старую карту: пожелтевшую, с трещинами на сгибах, с названиями, которых уже никто не произносит. Почему-то это показалось ему печальным. Если место исчезает с карты, исчезает ли оно совсем? Или продолжает стоять где-то в лесу — без людей, без дорог, без имени, но всё ещё настоящее?

Он хотел спросить об этом, но не поднял руки.

Он редко поднимал руку, даже когда вопрос горел в нём. Ему всегда казалось, что сама его рука будет выглядеть смешно — тонкая, нерешительная, дрожащая. И пока он собирался решиться, кто-нибудь другой уже спрашивал громче, увереннее, проще.

Арт перевёл указку вправо, через океан.

— Арденния. Восточный материк. Орвальдская Держава. Арденнская Корона. Южная Марка. Иные государства, о которых вы будете говорить позже, если доживёте до старших курсов и перестанете путать океан с морем.

По классу прошёл тихий смешок.

Арт не улыбнулся.

— Лиарский океан, — продолжал он. — Не пустое пространство между землями, а великая дорога мира. В нём — Лиарский архипелаг, земли Аэларов. Здесь — Лиар-Вейн, один из главных кораблестроительных островов. А здесь...

Указка коснулась маленькой точки в океане.

— Меридия.

Класс притих.

Теперь это имя уже не было только точкой на карте. Утренние выкрики газетчиков сделали его живым и опасным.

Эмиль смотрел на эту точку и не мог понять, как вокруг такой малости могут стоять линкоры. На карте Меридия казалась меньше ногтя. Остров, едва удержавшийся на бумаге. Стоило бы Арту провести указкой чуть сильнее — и она, наверное, исчезла бы под деревянным наконечником.

Но там были люди.

Картографы. Архивы. Документы. Доки. Дирижабль «Аурелия». Те, кто уходил в Терра инкогнито и возвращался с новыми берегами, новыми реками, новыми пустыми местами, которые переставали быть пустыми.

— Независимый остров Гильдии Дальних Карт, — сказал Арт. — Не государство в обычном смысле. Не корона, не республика, не держава. Остров картографов, архивов, экспедиций и спорной независимости. Сегодня, как вы могли слышать, о нём говорят громче, чем обычно.

Один мальчик с задней парты не выдержал:

— Господин наставник, правда, что линкоры Короны уже стоят у Меридии?

Арт медленно опустил указку.

— На уроке Землеведения, — сказал он, — мы говорим о том, где находится Меридия. О том, что с ней сделают правительства, вы узнаете из газет, если ваши родители сочтут нужным давать вам газеты.

— Но если Корона...

— Достаточно.

Слово прозвучало тихо, но резче крика.

Арт снова поднял указку.

—Терра инкогнито, — сказал он, переводя её к серым областям на краях карты. — Неизведанные земли. Плохо нанесённые районы. Полярные зоны. Места, где карта честно признаётся в собственном невежестве.

Эмиль смотрел на серые пятна дольше, чем на всё остальное.

Ему нравилось, что карта может не знать. Взрослые почти никогда не признавались в незнании. Наставник Бренн ставил низкие оценки за заминку. Газеты кричали так, будто весь мир уже был им понятен. Даже мальчики на задних партах говорили о линкорах и громниках с такой уверенностью, будто уже командовали армиями.

А карта спокойно оставляла серое место и говорила: здесь ещё надо узнать.

После звонка началась История государств.

Остин Грав, преподаватель истории, был человеком осторожным. У него были мягкие руки, усталые глаза и привычка прежде чем ответить, посмотреть на дверь. Он не был трусом — во всяком случае, Эмиль так не думал. Просто наставник Грав понимал, что некоторые слова имеют последствия. Особенно теперь.

На доске он написал:

Союзы и обязательства государств.

Потом помолчал, словно сам испугался темы, назначенной программой.

— Государство, — начал он, — не живёт отдельно. Даже самое сильное. Дороги, торговля, договоры, кредиты, старые обиды, границы, порты, рудники — всё это связывает страны крепче, чем кажется на праздничных речах.

Он говорил негромко. После Бренна и Арта его голос казался почти домашним, но в нём была усталость, которой утром ещё не было.

Эмиль слушал внимательнее, чем обычно.

На уроках истории он часто терялся. Слишком много было дат, имён, договоров, побед, поражений, династий, республик, корон. В учебнике всё это стояло ровными строчками, но в голове у Эмиля превращалось в тесную комнату, где все говорят одновременно.

А сегодня он вдруг понял, что история — это не только прошлое.

История, оказывается, могла входить в класс с улицы, кричать газетным голосом, стучать сапогами жандармов по мостовой, заставлять наставника Грера смотреть на дверь.

— Республика Марцеллия, — продолжил Грав, — имеет союзные соглашения с Роудской Республикой. Иные договоры связывают нас торговлей, печатью, морскими путями. Орвальдская Держава связана собственными обязательствами. Арденнская Корона — своими. Гильдия Дальних Карт долго сохраняла независимость именно потому, что была нужна всем и не принадлежала никому.

Он повернулся к классу.

— Это важно понять: война редко начинается в тот день, когда стреляют. Обычно она начинается раньше — в бумагах, требованиях, речах, страхах и в том, что люди перестают слышать друг друга.

Эмиль поднял глаза.

Ему показалось, что наставник Грав сейчас скажет что-то важное, настоящее. Не из учебника. Не для оценки.

Но в коридоре раздались быстрые шаги, дверь приоткрылась, и в класс заглянул служащий гимназии. Он кивнул Граву.

Наставник вышел на минуту.

В классе сразу зашептались.

— Говорят, Орвальд уже готовит добровольцев.

— Мой брат видел плакат про громников.

— А у нас будет война?

- С Короновцами?
- Глупый, мы же Марцеллия.
- А если союз?
- Один Гром-5000, говорят, целую роту положит.
- Не целую роту, а полк.
- Сам ты полк.

Эмиль молчал.

Он слышал слова, которые ещё недавно были только названиями на уроках: Орвальд, Корона, Гильдия, Меридия. Теперь они переходили из тетрадей в голоса одноклассников, из карты — в страх, из газет — в школьный воздух.

Ему было стыдно, что он не хотел говорить о громниках. Другие мальчики говорили об оружии легко, с возбуждением, почти радостно. Они спорили о батареях, выстрелах, линкорах, добровольцах, будто всё это было продолжением игр во дворе. Эмиль тоже хотел быть похожим на них — уверенным, громким, способным смеяться над тем, что пугало.

Но вместо Гром-5000 он снова видел маленькую Меридию на карте.

Точку в океане.

И вокруг неё — невидимые на школьной карте линкоры.

Грав вернулся.

Лицо у него стало ещё более усталым.

— Запишите, — сказал он. — Политическая карта мира не является неподвижной. Но всякое изменение границы начинается с изменения человеческого сердца.

Кто-то не понял и переспросил.

Грав не повторил.

Последние уроки прошли мутно.

Эмиль писал, отвечал, перекладывал тетради, ходил по коридорам вместе со всеми, но внутри у него оставалась карта. Маленькая Меридия в океане. Серые пятна Терра инкогнито. Две луны над Эонирой. Багряные листья за окном. И голоса газетчиков, которые никак не хотели уходить из головы.

Иногда он думал, что знания должны успокаивать. Если знаешь название вещи, её место, её форму на карте, её срок в календаре, то она уже не так страшна.

Но сегодня всё было наоборот.

Чем больше он узнавал, тем больше мир становился не меньше, а шире. И оттого страшнее.

После занятий гимназистов выпустили во двор.

День стал холоднее. Над Эльварном висело низкое светлое небо, и багряные листья, сорванные ветром, катились вдоль каменной ограды гимназии. У ворот стоял новый школьный автобус — тёмно-синий, высокий, с латунной табличкой на боку и маленьким мутно-золотым окошком под капотом, за которым ровно теплился эонитовый сердечник.

Таких машин в Марцеллии было ещё немного. Эльварнская гимназия Северного Свода гордилась тем, что получила одну из первых. На торжественном открытии директор говорил, что это знак нового времени, доказательство заботы республики об образовании и свидетельство мирной силы эонита.

Эмиль тогда хлопал вместе со всеми, хотя больше смотрел не на директора, а на ровное золотистое свечение под капотом. Ему казалось странным, что камень из недр может возить детей домой.

Теперь это свечение показалось ему другим.

Утром газетчики кричали о новейшем оружии Орвальда. На уроках говорили о Меридии, линкорах, Гильдии, Короне. А здесь тот же мутно-золотой свет тихо горел под капотом школьного автобуса, обещая не смерть, а удобную дорогу домой.

Эмиль не понимал, как одна и та же сила может быть такой разной.

Может быть, дело было не в ней.

Может быть, дело всегда было в руках, которые её держат.

Дети толпились у дверцы, смеялись, спорили, толкались портфелями. Кто-то рассказывал, как Бренн снова поставил низкую оценку за одну только заминку; кто-то передразнивал его сухой голос:

— Задумался — значит, не знаешь.

Эмиль сел у окна и положил сумку на колени.

Автобус мягко дрогнул. Где-то под полом глухо загудел двигатель — не паровой, не бензиновый, а новый, ровный, почти живой. Машина тронулась от гимназических ворот, и детские голоса сразу наполнили салон, будто ничего особенного в городе не происходило.

Эмиль смотрел в окно.

На соседней улице шёл пикет. Люди двигались плотной неровной колонной, неся над головами плакаты. На одном было написано: «**Да здравствует Гильдия!**» На другом, крупнее и злее: «**Не дадим в обиду!**»

Кто-то кричал. Кто-то размахивал шляпой. Женщина в тёмном пальто прижимала к груди свёрнутую газету, будто знамя. Вдоль тротуара шли жандармы — не вмешивались, но держались близко, с каменными лицами и руками у ремней.

— К посольскому дому Короны идут, — сказал мальчик с заднего сиденья. — Отец говорил, там сегодня будет шумно.

В автобусе снова засмеялись: кто-то уронил пенал, кто-то начал спорить о громниках, кто-то уверял, что один Гром-5000 может остановить целый полк.

Эмиль молчал.

Он смотрел, как плакаты, лица, жандармские фуражки и багряные листья медленно уплывают назад, за стекло.

Утром всё это было словами на доске.

Эонира. Аурон. Морн. Лиара. Меридия. Корона. Гильдия.

Слова стояли ровно, белым мелом, и казались послушными. Их можно было выучить, повторить, написать без ошибки. За них можно было получить хорошую оценку или плохую.

А теперь те же слова шли по улице живыми людьми.

Они кричали, толкались, держали плакаты, спорили с жандармами, сжимали газеты в руках. У них были лица, шарфы, старые пальто, красные от холода пальцы. Они не помещались в тетрадь и не слушались наставника Бренна.

Эмиль вдруг понял, что мир не становится понятным оттого, что ты выучил его названия.

Но без названий он становился совсем страшным.

Автобус свернул за угол, и пикет исчез. В салоне снова смеялись. Девочка впереди ела яблоко и прятала огрызок в бумажный пакет. Двое мальчиков у прохода спорили, какие батареи лучше — орвальдские или арденнские, хотя ни тот ни другой наверняка никогда не видели ни одной.

Эмиль держал сумку на коленях и смотрел в стекло.

За стеклом оставался город. Над городом — невидимый за дневным светом Морн. Где-то дальше — Лиарский океан, Меридия, линкоры Короны, острова Аэларов, серые области Терра инкогнито.

Он был слабым мальчиком с третьей парты у окна.

Но почему-то именно сейчас ему захотелось запомнить всё.

Глава 12. Первый круг

Первый залп дали в тот самый миг, когда судья поднял пистолет.

У Меридии, в сером утреннем море, линкоры Арденнской Короны стояли боком к острову. Их тёмные борта казались частью горизонта, тяжёлой железной чертой между водой и небом. Над башнями висел дым, низкий и неподвижный, будто само небо ещё до выстрела знало, что сейчас должно произойти.

Остров лежал перед ними спокойно.

С берега были видны доки, наблюдательные башни, склады, каменные стены прибрежных фортов, крыши архивов, тонкие мачты, мокрые от морской соли флаги. Меридия никогда не была крепостью в полном смысле слова. Её стены строили против ветра, против шторма, против пиратских налётов и глупости случайной толпы, но не против линейных кораблей великой державы.

Здесь не правили и не молились.

Здесь измеряли мир.

А теперь мир пришёл сюда с орудиями.

На палубах линкоров люди двигались быстро и слаженно. Команды тонули в ветре. Металл глухо отвечал металлу в глубине башен. Орудийные стволы медленно доворачивались к берегу — тяжёлые, равнодушные, как сама государственная воля.

Потом на головном линкоре вспыхнул огонь.

Грохот прокатился над водой.

В то же мгновение, далеко от Меридии, в Вардхейме, на кольцевой арене, сухо хлопнул стартовый пистолет.

Толпа взревела.

Пятьдесят зонитовых кольцевиков, выстроенных на стартовой линии, ответили пронзительным, почти птичьим писком сердечников. В их низких вытянутых корпусах зажглись мутно-золотые огни; воздух над трассой дрогнул, как над раскалённой плитой. Машины рванулись вперёд — сперва будто/эж все вместе, одним стальным телом, а потом рассыпались, заскользили, полезли друг на друга носами, колёсами, блеском фар и номеров.

Йонас Рейк вскочил с места.

— Вон он! — крикнул он и сам почти не услышал собственного голоса.

Рядом Лиана вздрогнула от шума, но улыбнулась, потому что он улыбался.

Она сидела совсем близко — так близко, что край её рукава касался его локтя. Ещё вчера Йонас не знал, как назвать то, что между ними произошло у её калитки, после жёлтого платья, синиматона и короткого поцелуя в вечернем холоде. Сегодня всё казалось проще. Она пришла с ним на гонки. Она держала его за руку перед стартом. Значит, мир всё-таки мог быть устроен милосердно.

— Где? — спросила Лиана.

— Сорок седьмой! Почти в самом хвосте!

Он привстал выше, заслоня кому-то обзор. Сзади недовольно крикнули, но Йонас не обернулся.

На тренировках Леон ходил под семнадцатым номером, и Йонас привык искать именно его — дерзкую чёрно-красную машину с белой семёркой на борту. Но Кубок Вардхейма жил по своим правилам: посев, жеребьёвка, стартовая решётка. Сегодня Леону досталась сорок седьмая позиция из пятидесяти, почти самый конец строя. Сорок семь впрочем издали имела те же очертания.ва

Для другого это было бы приговором.

Для Леона — вызовом.

Йонас стоял у самой сетки, вцепившись пальцами в холодные металлические ромбы. За ней, внизу, большой овал трассы уже наполнился пылью, рёвом и золотистым жаром. Кольцевики уходили на первый вираж, теснились, расходились, снова сближались, будто стая хищных рыб, загнанных в железный водоворот.

— Видишь его? — крикнула Лиана.

Йонас мотнул головой, не отрывая взгляда от трассы.

— Нет! Сейчас выйдут на прямую!

Он знал, что Леон где-то там, почти в хвосте, в тесноте чужих корпусов, колёс, дыма и бешеной скорости. Знал, что тот не станет ждать удобного просвета. Леон никогда не ждал. Он врывался туда, где другие притормаживали, и заставлял дорогу появиться перед собой.

Первый ряд болидов вылетел на прямую.

Трибуны поднялись им навстречу одним ревущим телом.

Машины промчались мимо с таким зверским, рвущим воздух звуком, что металлическая сетка перед лицом Йонаса задрожала. На одно мгновение всё исчезло: лица, флаги, голос распорядителя, рука Лианы у его локтя. Остались только скорость, пыль и пронзительный писк эонитовых двигателей, тонкий, почти болезненный, будто сама энергия кричала внутри машин.

А у Меридии в это время море ещё держало на себе дым от первого залпа.

Снаряды легли у северного форта. Один ударил в каменный мол, подняв столб воды и серой крошки. Другой разорвался у складских стен. Третий с глухим, почти ленивым звуком вошёл в землю перед батареей и взорвался мгновением позже, вырвав из берега камни, балки и людей.

На прибрежных укреплениях задвигались фигуры.

Кто-то тащил ящики с зарядами. Кто-то махал рукой с наблюдательной площадки. Кто-то, поскользнувшись на каменной крошке, упал и тут же вскочил, даже не поняв, ранен он или нет. Старший батарейный офицер кричал что-то в рупор, но ветер и дым съедали половину слов.

Линкоры перезаряжали орудия.

В Вардхейме болиды заходили на первый круг.

И так пошло — круг за кругом, залп за залпом.

Кольцевики снова и снова вылетали на прямую, и каждый раз трибуны встречали их новым рёвом. Металлическая сетка дрожала, флаги били по древкам, распорядитель, охрипший уже к десятому кругу, выкрикивал номера так, будто от его голоса зависела сама скорость машин.

У Меридии линкоры снова и снова разворачивали башни.

Орудия Короны били тяжело, размеренно, с той страшной уверенностью, какая бывает только у машин и приказов. Прибрежные форты дымились. Камень летел в море. Над берегом стояла серая пыль, и сквозь неё металась маленькие человеческие фигуры — не герои газетных листов, не имена в депешах, а люди, которым надо было добежать, поднять, донести, зарядить, вытащить раненого, успеть до следующего удара.

Йонас не знал этого.

Он стоял у сетки и искал глазами номер 47.

Сначала Леон был где-то в плотной середине, потом вдруг оказался у внутренней линии, потом исчез за двумя тяжёлыми машинами, потом вынырнул снова. Каждый раз Йонасу казалось, что друг вот-вот сорвётся, не удержит ход, заденет колесом чужой борт, уйдёт в занос. Но Леон держался. Более того — он поднимался.

— Он уже двадцать первый! — крикнул кто-то рядом.

— Семнадцатый!

— Десятый! Сорок седьмой уже десятый!

Йонас не дышал.

Леон шёл так, будто вся стартовая решётка была не препятствием, а лестницей. Он не ломился напролом без смысла; он ждал долю мгновения, заставлял соперника раскрыться, нырял внутрь, отжимал наружу, резко выходил из дуги и на прямой брал то, что другие берегли для последнего круга.

— Он безумец, — выдохнула Лиана.

Йонас засмеялся.

— Нет. Он Леон.

На очередном круге три машины вылетели из виража почти рядом. Первая шла широко, вторая держала внутреннюю полосу, третья — Леонова — казалась зажатой между ними, обречённой уступить. Но Леон не уступил. Его кольцевик резко нырнул вниз, почти коснулся защитной линии, выскользнул из пыльной щели и вышел на прямую уже вторым.

Трибуны взорвались.

— Второй! — Йонас ударил ладонью по сетке. — Лиана, он второй!

Лиана тоже привстала, но видела лишь рваную чёрно-красную полосу, белый номер, золотую дрожь под капотом и Йонасово лицо — такое счастливое, такое живое, что ей стало страшно не за Леона, а за самого Йонаса.

— Теперь он пойдёт за первым, — сказал Йонас. — Сейчас. Сейчас он его возьмёт.

В это самое время у Меридии один из фортов ответил.

Береговая артиллерия ударила сквозь дым, и дальний линкор Короны вздрогнул, будто споткнулся в воде. В его борту поднялся чёрный столб дыма. Люди на палубе заметались. Над кораблём просигналили флажки, но ветер тут же порвал их смысл на клочья.

Другой линкор, тот, что шёл ближе к южной оконечности острова, внезапно накренился.

Удар пришёл снизу.

Глубинник Меридии — маленькая железная рыба, о которой в мирное время спорили инженеры и дипломаты, — ранил его под водой, тихо и коварно. Снаружи это выглядело почти непонятно: не было высокого пламени, не было красивого взрыва, только тяжёлый корабль вдруг потерял уверенность, завалился на бок, и море начало забирать его.

Команды прыгали за борт.

Одни всплывали, хватаясь за обломки. Другие исчезали сразу, утянутые тяжёлой одеждой, ремнями, сапогами, железом, страхом. Вода у борта кипела от рук и криков. Чёрный дым стлался над волнами. У прибрежных фортов падали защитники, и море у камней уже не было серым: его красили кровь, ржавчина, земля и огонь.

В Вардхейме в это мгновение Леон прижал лидера к внешней дуге.

Толпа редела так, будто видела не гонщика, а победу целой державы.

Йонас смеялся, хрипел, кричал имя друга, не слыша собственного голоса. За металлической сеткой машины летели к следующему кругу, и сто кругов погони казались ему самой прекрасной вещью на свете.

А далеко, у Меридии, война входила уже не в газеты и не в речи.

Она входила в воду.

Потом над северным фортом разорвался новый снаряд.

— Шрапнель!..

Старый защитник, седой, с прокопчённым лицом и сорванным голосом, кричал так, что, казалось, сам воздух трескался у него в груди.

— Шрапнель! Ложись! Под укрытие! Живо!

Люди бросились врассыпную — кто к стенам, кто под арки, кто в каменные ниши у прибрежных фортов. Но это была не обычная шрапнель, не та, что калечит только железом и осколком.

Снаряд разорвался в воздухе с почти праздничной россыпью света.

На миг всё это и впрямь походило на фейерверк: маленькие стальные шары, заключённые в эонитовую оболочку, разлетелись над берегом веером мутно-золотых искр. Они осыпали камни, настилы, бочки, ящики, мундиры, человеческие плечи и головы — легко, весело, почти красиво.

И в ту же секунду красота обернулась ужасом.

Там, где эонитовые шарики касались дерева, вспыхивал огонь. Там, где били по камню, рождались золотистые брызги жара. Там, где они находили человеческое тело, человек сгорал так быстро, будто пламя знало его по имени.

Кто не успел укрыться, вспыхивал на бегу.

Один солдат, совсем ещё мальчишка, успел только схватиться за ворот гимнастёрки, будто хотел сорвать с себя огонь руками, но уже через мгновение рухнул ничком, обратившись в дёргающийся факел. Другой, старше, с обожжёнными ладонями, успел добежать до стены и, ударившись о неё плечом, медленно сполз вниз, оставляя на камне чёрный след.

Эонит, которому мир так недавно научился благодарно служить, здесь являл другое своё лицо.

Он не лечил. Не вёз детей домой. Не давал свет лампам и ход дирижаблям.

Здесь им правил огонь.

Он сжирал тело без жалости, как хищник, не различающий ни храбрости, ни возраста, ни вины.

Над берегом стоял крик.

Форты дымились. Пламя хватало всё, что могло гореть. Вода у прибрежных камней уже не была серой — она чернела от копоти и алела от крови.

Но защитники Меридии тоже не молчали.

Береговая артиллерия снова ударила с форта, и один из линкоров Короны, уже прежде задетый, густо задымился у средней башни. На палубе началась суэта. Люди бежали, сигналы мелькали в дыму, словно беспомощные платки.

А второй корабль, раненный глубинником, уже не держался на воде.

Он тяжело, почти недоверчиво к собственной гибели, заваливался на борт. Огромное железное тело ещё будто сопротивлялось морю, но море было терпеливее. Команды прыгали за борт: кто-то вскрикивал, кто-то молча падал в воду, кто-то, запутавшись в ремнях и тяжёлой одежде, уходил ко дну сразу, даже не всплыв.

И в это самое время, в Вардхейме, Леон Фарр выходил в лидеры.

Трибуны ликовали.

Пятьдесят кругов назад он был почти в хвосте, под сорок седьмым номером, зажатый между чужими машинами, отрезанный от первых позиций всей длиной ревущего стального потока. Но теперь номер 47 мчался впереди, выдавив соперников назад, оттеснив их к внешней линии, навязав им свою скорость, свою дерзость, свою волю.

— Он первый! Первый! — сорванным голосом кричал Йонас.

Он уже не просто болел за друга — он почти жил внутри этой гонки. Каждое движение Леона отдавалось в нём толчком, жаром, коротким ударом сердца. Рядом Лиана тоже поднялась со своего места, но смотрела не столько на болид, сколько на лицо Йонаса — разгоревшееся, счастливое, почти детское.

Леон был любимцем Вардхейма.

Его знали, о нём говорили, его уже почти считали героем города — молодым, бесстрашным, рождённым для скорости. И теперь, когда он вырвался вперёд, публика взревела так, будто победа уже принадлежала ему.

До финиша оставалось всего два круга.

Болиды шли плотной, измотанной, яростной стаей. Металлическая сетка перед трибунами дрожала от рёва моторов. Воздух пах горячим металлом, маслом, гарью и эонитовым жаром.

— Держи! Держи! — кричал Йонас, сам не слыша себя.

И вдруг раздался звон.

Короткий, страшный, неправдоподобно тонкий среди общего рева — будто где-то внутри этой бешеной скорости лопнула натянутая до предела струна.

У Леонова болида подломилось колесо.

Машину рвануло в сторону.

Йонас даже не успел понять, что произошло, — только увидел, как чёрно-красный корпус, ещё мгновение назад уверенно державший лидерство, вдруг взлетел боком, зацепился, перекувырнулся и, разбрасывая куски металла, пошёл по трассе страшной, беспомощной кувыркающей тенью.

Трибуны ахнули единым горлом.

Болид перевернулся раз, другой, третий. Колёса отлетели. Капот сорвало. Обломки, сверкая, разлетелись по полотну. И от удара эонитовый двигатель вспыхнул — не как большая военная бомба, а как небольшое, яростное, слишком близкое солнце.

Пламя облизнуло развороченный корпус.

— Леон!.. — выдохнул Йонас.

Он уже не кричал. Голос пропал.

С ужасом, от которого всё внутри стало холодным и пустым, он смотрел на горящий болид, в котором ещё секунду назад была победа, был смех, была молодость, был его друг.

До финиша оставалось два круга.

Сначала никто не понял, что гонка кончилась.

Ещё секунду назад трибуны ревели, распорядитель захлёбывался словами, люди вскакивали со скамей, бросали вверх шляпы, кричали номер сорок семь, тянули руки к сетке, будто могли подтолкнуть Леона к победе собственной радостью.

А потом всё оборвалось.

Не сразу тишиной — нет. Сначала был общий, бессмысленный звук: крики, вскрики, скрип скамеек, резкий женский плач, чей-то испуганный смех, оборвавшийся на половине. Потом над трассой взвыла сирена, и остальные болиды, ещё не веря в остановку, начали сбрасывать ход один за другим, уходя к внешней дуге, объезжая обломки.

По внутреннему проходу уже бежала пожарная команда.

Люди в плотных серых плащах и медных шлемах тащили рукава, ящики с песком, тяжёлые цилиндры огнегасителей. Двое несли багры. Один, самый молодой, споткнулся о край дорожного настила, упал на колено, поднялся и снова побежал, не выпуская из рук рукав.

Горящий болид Леона лежал на боку, изломанный, уже не похожий на машину. Ещё недавно он был чёрно-красной стрелой, дерзкой, красивой, живой; теперь — развороченный металл, колёса, оторванные тяги, искорёженный корпус и жёлтое, слишком яркое пламя там, где под капотом билось эонитовое сердце.

Пожарные подбежали ближе.

— Назад! — кричал один из них дорожным служителям. — Батарея! Не подходить к батарее!

Но двое всё равно бросились к кабине.

Они били по огню пенным составом, засыпали основание песком, пытались подобраться сбоку, где пламя было ниже. Один служитель в асбестовом плаще упал на колени и потянулся к искорёженной створке. Другой схватил его за плечо, отдернул, потому что изнутри вдруг вырвался новый золотой язык огня, короткий, яростный, почти бесшумный.

Йонас стоял у сетки.

Он смотрел на болид.

И вместе с тем — не на болид.

Перед глазами была чёрно-красная груда металла, но где-то за ней оставался Леон: живой, смеющийся, самоуверенный, в пыльной куртке после тренировки, с руками в карманах, с этим своим невыносимым спокойствием человека, который всегда уверен, что успеет проскочить.

«После Кубка — добровольцем», — сказал он тогда.

Йонас помнил это так ясно, будто Леон стоял рядом, у самой сетки, а не там, внутри огня.

Рядом кто-то плакал.

Женщина в жёлтой шали закрыла лицо обеими руками и повторяла:

— Нет, нет, нет...

Другая, старше, сидела на скамье и раскачивалась, не издавая ни звука; только рот её был открыт, как у человека, которому не хватает воздуха. Мальчик лет десяти вцепился в рукав отца и всё спрашивал, почему они не достают гонщика, почему не достают, почему так долго.

Лиана схватила Йонаса за руку.

— Йонас...

Он не ответил.

Она сжала сильнее.

— Йонас, посмотри на меня.

Он слышал её голос, но не мог повернуться. Если повернуться, значит признать, что перед ним не ошибка, не мгновение, не дым, который сейчас рассеется. Значит признать, что Леон не выскочит из кабины, не сорвёт с себя шлем, не поднимет руку к трибунам с этой дурацкой победной улыбкой.

До финиша оставалось два круга.

Только два.

На башне распорядителя что-то щёлкнуло. Эонитовый рупор, ещё недавно выкрикивавший номера и круги, вдруг зашипел. Сначала в нём был только треск, глухое дыхание проводов, обрывки чужих голосов.

Потом диктор заговорил.

Не тем голосом, которым вёл гонку. Не праздничным, не хриплым от азарта, не тем, которым объявляют обгон на внутренней дуге. Теперь голос был чужой, натянутый, будто человек читал бумагу, не успев понять, что в ней написано.

— Господа зрители... Просим сохранять спокойствие.

На трибунах кто-то крикнул:

— К Леону! Скажите, что с Леоном!

Рупор снова треснул.

— Получено срочное правительственное сообщение. Сегодня, в час проведения Кубка Вардхейма, линейные корабли Арденнской Короны открыли огонь по острову Меридия.

Шум на трибунах странно просел.

Не исчез — стал ниже, тяжелее. Люди ещё плакали из-за горящего болида, ещё тянулись к сетке, ещё спрашивали о Леоне, но новые слова, сказанные сверху, упали на них, как холодная зола.

— Прибрежные укрепления Гильдии Дальних Карт подверглись массированному обстрелу. Имеются разрушения и многочисленные жертвы. Орвальдская Держава заявила, что нападение на Меридию не может остаться без ответа.

Диктор замолчал на одно мгновение.

Этого мгновения хватило, чтобы ветер донёс с трассы запах горелого металла.

Потом голос произнёс:

— Война началась.

Йонас всё ещё смотрел на болид.

Слово «война» не сразу дошло до него. Оно прозвучало слишком большим для этой минуты. Сейчас в мире был только огонь на трассе, дрожащая сетка под руками, Лиана рядом, плачущие женщины и маленькая чёрно-красная машина, в которой был Леон.

Но потом эти два огня — далёкий, у Меридии, и этот, в двух десятках шагов от трибун, — вдруг соединились в нём.

Гром-5000 в синиматоне.

Отец за столом.

Леон у тренировочной площадки.

Плакаты.

Добровольческий дом.

Лиана в жёлтом платье, сказавшая: «Очень красиво. И очень страшно».

Йонас хотел вдохнуть, но не смог.

Пожарная команда наконец сбила верхнее пламя. Над болидом поднялся густой белёсый пар. Двое служителей снова приблизились к кабине.

На трибунах никто уже не кричал от восторга.

Теперь кричали иначе.

Йонас медленно разжал пальцы.

На ладони остались красные следы от металлической сетки — ровные ромбы, будто её холодное железо успело отпечататься на нём навсегда.

Лиана всё ещё держала его за руку.

Он повернулся к ней не сразу. Когда всё-таки повернулся, она увидела, что лицо у него изменилось. Не стало старше — нет, не сразу. Но что-то в нём перестало быть прежним. Ещё несколько минут назад он был юношей, который пришёл смотреть гонку, болеть за друга, держать рядом девушку и верить, что жизнь, если набрать достаточно скорости, обязательно вынесет тебя на прямую.

Теперь он стоял среди дыма, плача и чужих голосов.

И впервые понял, что скорость не спасает от огня.

С башни снова зашипел рупор. Диктор говорил что-то о прекращении заезда, о просьбе покинуть трибуны спокойно, о распоряжениях городской управы, о добровольческих пунктах, которые будут открыты до поздней ночи.

Йонас почти не слышал слов.

Он смотрел туда, где пожарные окружили развороченный болид. Там двигались люди, мелькали серые плащи, поднимался пар, кто-то отдавал короткие команды. Но всё это происходило словно за толстым стеклом.

Лиана тихо сказала:

— Пойдём.

Йонас не двинулся.

— Йонас.

Он посмотрел на трассу в последний раз.

Кубок Вардхейма не был разыгран.

Сто кругов не закончились.

До финиша оставалось два круга.

А война уже началась.

Глава 13. Дом Аделии

91-й день Времени Багряных Ветров, 1999 год Седьмой эпохи Республика Марцеллия, Лиорен

Из дневника Ардея Фенна:

«В тот день Лиорен показался мне городом, где дождь падал не с неба, а из самих человеческих лиц. Всё было мокро: камень, листья, газеты, сапоги, голоса. Только плакаты оставались яркими, будто война была единственной вещью, которую дождь не мог смыть».

Лиорен встретил их дождём.

Не тем дождём, после которого город светлеет, стекло промывается, а мостовые получают короткое праздничное сияние, — нет, это был дождь Времени Багряных Ветров: холодный, косой, терпеливый. Он не шумел с горделивой силой бури, а мелко и настойчиво сек улицы, крыши, навесы вокзала, лица людей, газетную бумагу и пожухлые листья, прибитые к камню.

Поезд вошёл под стеклянный свод лиоренского вокзала, тяжело выдыхая пар. Колёса ещё не успели окончательно остановиться, как по платформе уже побежали мальчишки-газетчики. Они лавировали между носильщиками, дорожными сундуками, военными курьерами, дамами с мокрыми шляпами и портовыми рабочими, от которых пахло морской солью, углём и старой шерстью.

— Первые жертвы Короны! — кричал один, подняв газету над головой. — Бои у Меридии продолжаются! Первые жертвы Короны!

Его голос подхватывали другие, и от этого казалось, будто сам вокзал, железный, стеклянный, промокший, повторяет одно и то же:

— Жертвы Короны! Сутки боя у Меридии! Орвальд помогает Гильдии!

Лукан Тарв сошёл на платформу первым. Он остановился на нижней ступени вагона, поднял воротник пальто и огляделся.

Ардей уже знал этот взгляд. Лукан не просто смотрел — он читал город. Читал расположение жандармов у выхода, направление движения военных курьеров, слишком свежие плакаты на стенах, беспокойство в лицах и то особенное напряжение толпы, когда люди ещё делают обычные дела, но уже ждут, что обычная жизнь вот-вот будет отменена.

Ардей спустился следом, прижимая к груди футляр с камерой. Дождь попал ему за воротник, он вздрогнул и почти неосознанно коснулся двумя пальцами лба, затем груди, затем опустил руку к земле.

Лукан заметил это.

— Уже? — спросил он негромко.

— Что уже?

— Три Свода. Мы ещё даже с платформы не сошли.

Ардей смутился, но руки сразу не убрал.

— Когда кругом кричат о первых мёртвых, господин Тарв, человек вправе вспомнить не только о газете.

Лукан ничего не ответил. Он взял у пробежавшего мимо мальчишки свежий номер, заплатил монету и развернул лист. Бумага была влажной по краям, чернила местами уже поплыли, но главный заголовок держался чёрно и уверенно, как удар:

ПЕРВЫЕ ЖЕРТВЫ КОРОНЫ

Ниже, мелким плотным шрифтом, сообщалось, что бои в прибрежной зоне Меридии идут уже сутки. Арденнские линкоры продолжали обстрелы дальних батарей Гильдии. Береговая артиллерия отвечала. В море, по слухам, действовали глубинники. Официального объявле-

ния войны со стороны Орвальдской Державы по-прежнему не последовало, однако газета уже не скрывала: Держава направляет Гильдии людей, оружие, инструкторов и боевые припасы.

— Они тянут время, — сказал Лукан.

Ардей, пытавшийся стряхнуть воду с полей шляпы, посмотрел на него.

— Кто?

— Все. Корона тянет, чтобы назвать нападение защитой. Орвальд тянет, чтобы успеть собрать армию. Гильдия тянет, чтобы не утонуть под первым же залпом. А Марцеллия тянет, потому что как только Орвальд официально вступит в войну, нам придётся вспомнить о договоре взаимовыручки.

— Думаете, республика объявит мобилизацию?

— Не думаю. Знаю.

Они пошли к выходу.

Под навесом вокзала стояли не одни извозчики. У края площади темнели два автомобиля-такси — низкие, блестящие от дождя, с мокрыми кожаными крышами и шофёрами в длинных плащах. Дальше, у чугунной остановки, звенел редкий лиоренский трамвай, медленно набирая пассажиров. У газетного киоска тяжёлый автобус, набитый портовыми рабочими, чадил и сердито дрожал всем корпусом.

Но автомобили брали втрое дороже обычного, трамвай уходил вниз, к докам, а автобус был так переполнен, что люди висели у самой двери. Лукану нужен был старый верхний квартал, и потому он выбрал возчика с мокрыми усами и лошадьё, которая казалась честнее всех городских машин.

За воротами вокзала начинался Лиорен — серый, широкий, тяжёлый, с запахом моря, рыбы, угольного дыма, машинного масла и сырой древесины. Где-то вдали, за домами, тянулись портовые краны; их длинные шеи в дождевой мгле казались мрачными птицами, склонившимися над добычей.

На стене вокзального здания висели плакаты.

Один был особенно свеж. На нём молодой человек в чистой форме стоял у тяжёлого эонитового орудия; за его плечом художник изобразил золотое сияние так красиво, будто война была не трудом смерти, а утренним солнцем.

ГРОМНИКИ — ЩИТ НОВОГО ВЕКА Служба по контракту. Отбор лучших.

Рядом другой плакат звал в экипажи бронеходов. Железная машина, угловатая, низкая, с тяжёлыми бортами, ползла сквозь дым, величавая и почти священная.

СТАНЬ СЕРДЦЕМ БРОНЕХОДА Республика нуждается в сильных руках.

Ардей задержал взгляд на плакате.

— Красиво рисуют, — сказал Лукан.

— Страшно красиво.

— Так и надо. Если нарисовать правду, никто не подпишет контракт.

Повозка тронулась, колёса закрипели по мокрому камню. Вокзал остался позади вместе с газетными криками, но заголовки не исчезли. Они повторялись на стенах, в руках прохожих, в витринах табачных лавок, на дверях чайных домов. Лиорен будто был оклеен войной.

Улицы сначала шли широкие, купеческие, с высокими домами, лавками, конторами страховых обществ, вывесками перевозчиков и морских агентов. Но постепенно город менялся. Дома становились старше, окна уже, балконы темнее. В переулках виднелись мокрые канаты, тележки с бочками, груды ящиков под брезентом.

— Здесь жила Мейра? — спросил Ардей.

— Здесь живёт женщина, к которой она иногда возвращается, — сказал Лукан. — Пока этого достаточно.

— Думаете, она нам поможет?

Лукан сложил газету и убрал её во внутренний карман.

— Если захочет.

— А если нет?

— Тогда всё равно что-нибудь скажет. Люди всегда говорят больше, чем собирались. Особенно когда молчат.

Ардей посмотрел на него с сомнением.

— Это звучит жестоко.

— Это звучит профессионально.

Дом Аделии Ворн стоял не у самого порта, а выше, в старом квартале, откуда ещё можно было слышать гудки судов, но уже не чувствовать всей грязи причалов. Это был строгий каменный дом в три этажа, с тёмной дверью, узкими окнами и облезлой железной оградой. В маленьком палисаднике под дождём чернели голые ветки кустов. На ступенях лежали мокрые листья, будто кто-то принёс их сюда с улицы и забыл убрать.

Извозчик остановил лошадь.

— Вот, господа. Дом Ворн.

Лукан расплатился. Ардей посмотрел на окна. За одним из них дрогнула штора.

— Она нас видела, — сказал он.

— Разумеется.

— Может, не примет?

— Примет. Не нас — имя Мейры.

Дверь открыла пожилая служанка с тяжёлым лицом и красными от воды руками. Она не удивилась, когда Лукан назвал себя, и это насторожило его больше, чем удивление.

— Госпожа ждёт вас в гостиной, — сказала служанка.

Ардей моргнул.

— Ждёт?

Служанка не ответила. Только отступила в сторону.

Лукан вошёл первым.

Если она ждала их, значит, знала об их приезде раньше, чем они постучали. Возможно, ещё с вокзала. Возможно, с редакционного запроса Мирона. Значит, у Аделии Ворн были люди, которые сообщали ей быстро и без лишних вопросов. Не просто одинокая тётушка. Не просто пожилая родственница. Женщина с сетью.

Лукан отметил это и пока ничего не сказал.

Их провели через узкий коридор. В доме пахло сухими травами, старой мебелью, углём и тем особым холодом, который бывает в комнатах, где редко смеются. На стенах висели семейные портреты. Несколько рам были завешены чёрной тканью.

Ардей невольно задержал на них взгляд, но спросить не решился.

Гостиная была тёмной, хотя стоял день. Дождь стекал по окнам, и от этого казалось, будто весь мир за стеклом расплывается. У камина, в кресле с высокой спинкой, сидела Аделия Ворн.

Она была сухая, прямая, почти неподвижная. Седые волосы убраны строго, без единой свободной пряди. Лицо — не старое в обычном смысле, а как будто долго державшее себя против ветра. В её взгляде не было любопытства. Только усталость и настороженность.

Лукан поклонился.

— Госпожа Ворн. Лукан Тарв, «Марцеллийский вестник». Это мой коллега, Ардей Фенн. Ардей поклонился глубже, чем требовал обычай.

— Госпожа.

Аделия указала на кресла.

— Садитесь. Я знаю, зачем вы пришли.

Лукан сел не сразу. Сперва посмотрел на письменный стол у стены, на телефон, на закрытую папку, на тонкую серебряную ручку, лежавшую строго параллельно краю бумаги. В доме всё было неподвижно, но не мёртво. Скорее, насторожено.

— Тогда вы знаете больше нас, — сказал он.

— Не больше. Просто раньше.

Это было первое испытание.

Аделия не собиралась отдавать им правду. Она собиралась проверить, имеют ли они право к ней приблизиться.

— Кто сообщил вам о нас? — спросил Лукан.

— В Лиорене много глаз.

— И все они ваши?

— Нет. Но некоторые достаточно разумны, чтобы понимать, кому полезно сообщить о двух корреспондентах, приехавших расспрашивать о Мейре Феннор.

Ардей опустил глаза. Ему было неловко от того, что их путь оказался замечен ещё до того, как они сами успели разобраться, куда идут.

Лукан же только кивнул.

— Вы давно её ищете.

Пальцы Аделии, лежавшие на подлокотнике, едва заметно сжались.

— Вы задаёте вопрос или делаете вывод?

— Делаю вывод. Если вы знали о нашем приезде, значит, у вас есть осведомители. Если есть осведомители, вы не могли не пытаться найти Мейру. Если вы до сих пор ждёте её случайных появлений, значит, даже ваши люди оказались бессильны.

Аделия долго смотрела на него.

— Осторожнее, господин Тарв. Умение складывать два и два ещё не даёт человеку права открывать чужие ящики.

— Я не открываю. Я смотрю, где они стоят.

— Журналист.

— Да.

— Вот именно.

Она произнесла это слово так, будто оно было не профессией, а диагнозом.

— Мне не нужны газетные люди, — сказала Аделия. — Не нужны красивые строки о бедной девочке, опасной женщине, портовой грязи и старой тётке, которая не сумела удержать ребёнка дома. Не нужны заголовки. Сегодня у вас уже достаточно заголовков.

За окном снова донёсся крик газетчика:

— Первые жертвы Короны! Орвальдские добровольцы к Меридии!

Аделия не повернула головы, но её лицо стало жёстче.

— Видите? Мир сам несёт вам материал. Зачем вам Мейра?

Лукан помолчал.

Он мог бы ответить резко. Мог бы сказать, что она путает журналиста с торговцем чужой бедой. Но резкость закрыла бы комнату. Аделия ждала не оправданий. Она проверяла, пришёл ли он за человеком или за добычей.

— Мейра забрала вещь, — сказал Лукан наконец. — Вещь, важную для расследования. Не частного. Не редакционного каприза. Общественного расследования, которое может оказаться больше, чем все сегодняшние заголовки.

— Какая вещь?

— Пока я не могу сказать.

— Очень удобно.

— Нет. Неудобно. Но необходимо.

Аделия усмехнулась.

— Все опасные люди любят это слово.

Ардей, сидевший на краю кресла, вдруг поднял глаза.

— Госпожа Ворн, мы не хотим ей зла.

Аделия посмотрела на него внимательнее. До этого она говорила с Луканом; Ардей был для неё только молодым спутником с камерой, человеком мягким, тревожным и, возможно, лишним. Теперь она будто впервые услышала его как отдельный голос.

— А чего вы хотите?

Ардей растерялся. Он не обладал лукановской точностью, не умел вскрывать разговор тонким лезвием. Зато в нём не было и расчёта. Он сказал то, что думал.

— Найти её раньше, чем это сделает кто-то хуже нас.

Аделия отвернулась к окну.

— Хуже вас, господин Фенн, обычно находят первыми.

Это был перелом, но ещё не признание.

Лукан почувствовал: она не выгнала их. Значит, разговор получил право продолжаться.

— Она иногда приходит к вам, — сказал он.

— Это так

— Вы каждый раз надеетесь, что она останется?

Аделия резко посмотрела на него.

— Нет.

Лукан выдержал её взгляд.

— Тогда зачем держите людей у вокзала и в порту?

Молчание стало тяжёлым.

Ардею показалось, что дождь за окном вдруг зазвучал громче. Он почувствовал неловкое желание сделать знак Трёх Сводов, но удержался. Здесь это могло бы показаться жестом жалости, а Аделия Ворн не была женщиной, над которой можно было безнаказанно жалеть.

— Я держу людей не для того, чтобы запереть её, — сказала она наконец. — А чтобы знать, что она жива.

Это было первое признание.

Лукан не перебил.

— Я искала её, — продолжила Аделия. — Не один раз. И не через добрых соседок с корзинами. Через портовых приказчиков, через конторы грузовладельцев, через людей на Нижней Канатной, через капитанов, которые слишком много видели и слишком мало говорили. Через таких, кого приличная женщина не должна знать по имени. Я платила. Угрожала. Просила. Унижалась, если нужно было.

Она сжала платок в руке.

— Бесполезно. Скауты исчезают не как беглецы. Беглецы оставляют страх. Скауты оставляют пустоту. Сегодня она в Лиорене, завтра на чужом судне, послезавтра в горах, через неделю под другим именем. Их следы не идут по земле, господин Тарв. Они идут через людей, которые умеют забывать за деньги.

— Но она всё равно возвращалась к вам.

— Да.

— Это была её ошибка.

— Это была её слабость.

В голосе Аделии впервые появилась не злость, а боль.

— И ваша надежда, — сказал Лукан.

Она не ответила.

За стеной где-то тихо тикали часы.

Ардей заметил, что в комнате нет ни одного живого цветка. Только сухие травы в узкой вазе. Он почему-то подумал, что Аделия не любила вещей, которые можно было потерять внезапно.

— Расскажите нам о ней, — сказал Лукан.

— О Мейре?

— О той Мейре, которую вы помните.

Аделия долго молчала.

Потом сказала:

— Она была хорошей девочкой.

С этих слов началось настоящее признание.

— Это надо сказать сразу, господин Тарв. Не потому, что я хочу оправдать её. Я давно уже перестала этим заниматься. Просто иначе вы, газетчики, всё испортите. Вы любите, чтобы в жизни был перелом: была невинность — стало падение. Был дом — стал порт. Была девочка — стала авантюристка. А всё было иначе. Гораздо тише. Гораздо хуже.

Ардей опустил глаза.

Аделия говорила ровно, но чем ровнее становился её голос, тем яснее было, сколько труда ей стоит это спокойствие.

— Ей было девять, когда я забрала её. Маленькая, рыжая, с руками, которые всё время что-нибудь теребили. Платок, край рукава, пуговицу. Первые недели она почти не говорила. Ночью кричала. Днём смотрела на огонь так, словно он был живым существом и мог узнать её.

Ардей побледнел.

— На огонь? — тихо спросил он.

Аделия перевела на него взгляд.

— Вы не знаете.

— Нет, госпожа.

Она медленно кивнула, будто подтверждала не его слова, а собственное решение.

— Её дом сгорел в Кальдоре. В первый день Времени Высокого Солнца. Погибли отец, мать и брат. Эдрик Феннор. Лиора Феннор. Рейк Феннор. Мейра выжила только потому, что отец отправил её в каменный подвал за вяленным мясом. Когда она вышла, дома уже не было.

Ардей машинально коснулся лба, груди и опустил руку к земле.

На этот раз Аделия не остановила его.

— Я приехала через три дня, — сказала она. — Забрала её. Сказала, что не заменю ей мать, но дом у неё будет. Какая гордая глупость. Как будто ребёнку после такого нужен дом. Ей нужен был мир, где дом не горит.

Лукан молчал. Он не записывал. Не доставал блокнот. Аделия заметила это.

— Потом она начала учиться, — продолжила она. — Очень хорошо. Лучше многих. Быстро запоминала, смеялась, когда ей удавалась задача, помогала младшим девочкам, приносила домой книги и какие-то нелепые находки с улицы. Камешки, пуговицы, куски верёвок. Однажды притащила сломанную морскую буссоль и три дня убеждала меня, что её можно починить.

Ардей тихо улыбнулся.

— Похоже на неё.

— Вы знаете её?

— Недолго. И немного — да. Ардей с лукавил, ему хотелось её знать, тогда в Вирне она показалась ему крайне симпатичной и живой. А теперь когда Аделия описывала Мейру, он думал, что знает её уже долгое время.

— Тогда вы знаете только ту Мейру, которая смеётся, чтобы никто не спросил, почему ей больно.

Ардей хотел ответить, но не нашёл слов. Его мягкость, которая часто делала его неловким, теперь удержала его от фальшивого утешения.

— Когда всё изменилось? — спросил Лукан.

— Не в один день. Такие вещи никогда не происходят в один день. Сначала она стала чаще уходить из дома. Говорила, что гуляет. Потом — что помогает на складе у знакомой.

Потом перестала объяснять. Лиорен не тот город, где молодая девушка должна бродить одна у предпортовых улиц.

— Но она бродила.

— Да.

— Почему?

Аделия посмотрела на него холодно.

— Вы спрашиваете так, будто я не задавала себе этот вопрос каждый день.

Лукан выдержал паузу.

— И всё же?

— Потому что дома было тихо. Потому что я боялась за неё и этим душила. Потому что каждый раз, когда она задерживалась, я видела не взрослую девушку, а ребёнка на дороге от сгоревшего дома. Потому что она хотела, чтобы я признала её живой, а я всё время пыталась сохранить её целой.

Ардей поднял глаза. Эта фраза ударила в него сильнее, чем сам рассказ о пожаре.

Аделия отвернулась.

— Сначала это были чайные у порта. Потом трактиры. Потом места, где карты щёлкают чаще, чем церковные замки. Выпивка, азартные игры, моряки, грузчики, люди без фамилий и имён. Она возвращалась с запахом дыма в волосах и с такой улыбкой, будто победила весь мир. А я видела только, что мир уже положил на неё руку.

— Там она встретила человека, с которым теперь ходит? — спросил Лукан.

Аделия медленно повернулась к нему.

— Значит, он всё ещё рядом.

— Я не знаю его имени.

— Гаррик Вейн.

Лукан повторил про себя имя, не вслух. Гаррик Вейн. Имя ложилось на увиденного им человека точно, тяжело, без лишнего звона.

— Опишите его, — сказал он.

— Низкий. Широкий. С выцветшей бородкой. Говорит мало. Сидит так, что даже пьяные обходят его стол стороной. Не пьёт лишнего. Не проигрывает лишнего. Смотрит на людей так, будто заранее знает, кто из них сколько стоит и чем заплатит.

Лукан поднял глаза.

— Я видел человека, похожего на это описание.

Аделия закрыла глаза на мгновение.

— Конечно.

— Он её завербовал?

— Он сказал бы иначе. Такие люди всегда говорят иначе. Они не забирают — они дают возможность. Не губят — открывают путь. Не пользуются чужой раной — видят талант. Мейра пришла домой после одного из тех вечеров и сказала, что больше не хочет жить, как вещь под стеклом.

— Её слова?

— Её. Почти. Она кричала. Я тоже кричала. Потом она плакала, потом я. Утром мы обе делали вид, что ничего не было.

— И это повторялось?

— Годы.

Аделия встала, подошла к небольшому столику и взяла с него сложенный платок. Не вытерла глаза — просто держала в руках, как предмет, который помогает не выдать себя.

— Иногда она приезжает, — сказала она тише. — Не часто. Но приезжает. Всегда с тем же лицом: будто сейчас всё получится, будто мы наконец скажем друг другу правильные слова. Она приносит что-нибудь. Редкий чай. Ленту. Какую-нибудь смешную вещь из чужой страны.

Однажды принесла маленькую деревянную птицу с Лиарских островов. Сказала: «Тётушка, она свистит, если дунуть снизу». Ей было двадцать семь лет, господин Тарв, а она стояла в моей гостиной с этой птицей, как девочка, которая ждёт похвалы.

Ардей отвернулся к окну. Он не хотел, чтобы Аделия увидела его лицо.

— И что вы сказали? — спросил Лукан.

Аделия усмехнулась — коротко, беззвучно.

— Я сказала: «Мейра, тебе пора остепениться».

В комнате снова стало тихо.

— Она ушла? — спросил Ардей.

— Сначала рассмеялась. Потом сказала, что я хочу похоронить её живой. Потом хлопнула дверью. На лестнице плакала. Я слышала. Я тоже плакала здесь. В этом кресле. Очень достойно, разумеется.

Последние слова прозвучали с такой жестокой самоиронией, что даже Лукан на мгновение отвёл взгляд.

— Вы обе считаете себя преданными, — сказал он.

Аделия посмотрела на него уже без раздражения. Скорее с усталой неприязнью к точности.

— Журналист.

— Иногда это болезнь.

— Она предала дом.

— А вы, по её мнению, предали её взрослому.

Аделия молчала.

— Я не говорю, что она права, — добавил Лукан.

— А я не говорю, что права я.

Эти слова стоили ей больше, чем весь предыдущий рассказ.

За окном снова прошёл газетчик. На этот раз его голос донёсся сквозь стекло, глухой и искажённый дождём:

— Орвальдские добровольцы идут к Меридии! Контрактные части принимают лучших!

Аделия вздрогнула едва заметно.

— Вот так они и уходят, — сказала она. — Сначала из дома. Потом в порт. Потом в отряды. Потом в газеты. Потом в списки погибших. И каждый раз кто-нибудь объясняет, что это было необходимо.

Ардей не выдержал.

— Госпожа Ворн, но иногда человек действительно не может остаться.

Она посмотрела на него. Не зло. Почти внимательно.

— Вы тоже уйдёте, молодой господин?

Ардей растерялся.

— Я... я корреспондент.

— Это не ответ.

Он покраснел. Его рука снова дрогнула, но он удержался и не сделал знак Трёх Сводов. Не потому, что забыл, а потому, что понял: сейчас жест может прозвучать как укрытие от вопроса.

— Не знаю, — сказал он честно.

Аделия кивнула.

— По крайней мере, вы ещё не научились лгать быстро.

Лукан поднялся.

— Где Мейра встретила Гаррика Вейна?

Аделия будто ждала этого вопроса, но всё равно не ответила сразу.

— В предпортовом заведении у Нижней Канатной. «Два Морна и Теббот».

Ардей нахмурился.

— Странное название.

— В Лиорене мало честных названий, господин Фенн. Это одно из них. Там действительно было два Морна на вывеске. Один настоящий, другой треснувший, намалёванный пьяным художником. А Теббот — фамилия прежнего владельца. Капитан, картёжник, мерзавец, если верить тем, кто пил за его счёт.

— Гаррик там бывал часто? — спросил Лукан.

— Достаточно часто, чтобы Мейра его заметила. Недостаточно часто, чтобы его можно было поймать.

— Адрес?

Аделия подошла к письменному столу, открыла ящик и вынула старую визитную карточку. Некоторое время держала её в пальцах, затем положила на край стола.

Лукан подошёл и взял карточку.

На ней было напечатано:

«ДВА МОРНА И ТЕББОТ»предпортовый дом, зал для моряков и торговых людей
Нижняя Канатная, 17

В углу, чернилами, уже почти выцветшими, была приписка:

спросить старого Норса

— Кто такой Норс?

— Человек, который когда-то сообщал мне, что Мейра опять там. Может быть, он ещё жив. В Лиорене такие люди живут дольше приличных.

— Почему вы сохранили карточку?

Аделия медленно закрыла ящик.

— Потому что, когда человек теряет ребёнка, он хранит даже адрес места, которое его у него отняло.

Лукан убрал карточку.

— Благодарю вас.

— Не благодарите. Найдите её.

Впервые за весь разговор в голосе Аделии прозвучала просьба. Не приказ, не горькая насмешка, не защита достоинства, а простая человеческая просьба, от которой сама она, казалось, сразу захотела отказаться.

— Найдите, — повторила она. — И если она опять станет смеяться, не верьте сразу. Она смеётся всякий раз, когда боится, что её пожалеют.

Ардей поднялся следом за Луканом.

— Я буду молиться за неё, госпожа Ворн.

Аделия посмотрела на него долго.

— Молитесь так, чтобы ей не пришлось это слышать. Она терпеть не может, когда над ней кто-нибудь стоит с жалостью, даже если это сам небесный свод.

Ардей смутился, но кивнул.

Служанка проводила их к двери. Когда они вышли на крыльцо, дождь не стал слабее. Напротив дома вода текла по мостовой узкими быстрыми ручьями, унося жёлтые листья вниз, к порту.

Лукан развернул воротник.

Ардей стоял рядом, молчал и смотрел на серую улицу.

— О чём думаете? — спросил Лукан.

— О том, что дом может быть спасением. А может быть клеткой. И иногда один и тот же дом бывает и тем и другим.

Лукан взглянул на него.

— Видите, Ардей, иногда вы всё-таки смотрите не только в небо.

Ардей чуть смутился, но не обиделся.

— Я и в небо смотрю не от хорошей жизни.

Лукан достал карточку и ещё раз прочёл адрес.

— Тогда начнём с тех, кто научил Мейру смотреть в другую сторону.

Где-то внизу, со стороны порта, протяжно загудело судно. Звук прошёл над мокрыми крышами, над плакатами, над газетными заголовками, над домом Аделии Ворн и растворился в сером дожде Времени Багряных Ветров.

Они пошли вниз, к Нижней Канатной, туда, где город становился темнее, голоса грубее, а вывески — честнее.

К заведению, где когда-то Мейра Феннор перестала быть спасённой девочкой и впервые услышала голос человека, который предложил ей опасную свободу.

Когда дверь за ними закрылась, Аделия ещё некоторое время стояла посреди гостиной, слушая, как их шаги удаляются по мокрым каменным ступеням.

Потом подошла к телефону.

Чёрная трубка легла в её руку тяжело и привычно.

— Соедините меня с конторой Лаймера у Южного причала, — сказала она. — Срочно.

В проводе затрещало. Далёкий женский голос повторил номер. Потом послышался глухой щелчок, пауза и мужское дыхание.

— Лаймер? Это Ворн.

Она говорила спокойно, но пальцы её крепко держали трубку.

— Двое господ направятся к Нижней Канатной. Один высокий, сухой, в тёмном пальто. Второй молодой, светлый, с камерой. Пусть за ними смотрят. Не трогать. Только смотреть.

Она помолчала и добавила уже тише:

— И если рядом появится Мейра — сразу ко мне. Сразу.

На том конце что-то спросили.

Аделия закрыла глаза.

— Нет, Лаймер. Не задерживать. Не пугать. Не играть в героев. Вы её не удержите. Никто не удержит, если она сама не захочет.

Она положила трубку, но руки от аппарата не убрала.

Когда-то она потеряла мужа и сына. Потом судьба дала ей девочку с рыжими волосами, обожжённую чужим огнём и живую вопреки всему. Аделия называла её племянницей, воспитывала как дочь и слишком поздно поняла, что нельзя сбересть человека, заперев перед ним все двери.

Но она всё равно собиралась сбересть Мейру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.